ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. М. Козырева, М. С.Косолапов, Е. И. Тонис
З. Е. Дорофеева, И. П Киселёва., А. Э. Низамова
А. И. Смирнов, С. Б. Соколова

Динамика социально-экономического положения населения современной России и проблемы адаптации к измененным условиям труда и занятости (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992 — 2008 гг.»)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/inab_04_2009.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Информационно-аналитический бюллетень

ИНАБ ***№ 4 – 2009***

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕННЫМ УСЛОВИЯМ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

(по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992 — 2008 гг.»)

Москва — 2009

УДК 316
ББК 60.5

Информационно-аналитический бюллетень

ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАМЕМИИ НАУК

ИНАБ ***№ 4 – 2009***

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕННЫМ УСЛОВИЯМ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992 — 2008 гг.»). — М.: Институт социологии РАН, 2009. — 96 с.

ISBN 978-5-89697-178-8

Авторский коллектив:

П.М. Козырева, М.С. Косолапов (руководители коллектива),
Е.И. Артамонова, З.Е. Дорофеева, И.П. Киселева
А.Э. Низамова, А.И. Смирнов, С.Б. Соколова

ISBN 978-5-89697-178-8

© Институт социологии РАН, 2009
© Коллектив авторов, 2009

Издатель: Учреждение Российской академии наук Институт социологии РАН
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп.5
Формат 60 x 88 ⅛. Печать офсетная.
Объем 12 усл. печ. л. Тираж 550 экз.
Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……4

I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ…….6

1.1. Динамика и источники доходов домохозяйств…..……6

1.2. Расходы домохозяйств……...19

1.3. Владение предметами длительного пользования…….……26

1.4. Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы……..28

1.5. Уровень бедности……34

1.6. Некоторые другие экономические аспекты……40

1.7. Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив……..52

II. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕННЫМ УСЛОВИЯМ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ ……..60

2.1. Социально-психологические аспекты занятости и трудоустройства……..60

2.2. Способы поиска работы…….....66

2.3. Удовлетворенность трудом и доверие в трудовых коллективах ……75

2.4. Особенности предоставления социальных льгот и гарантий на предприятиях……85

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...95

ВВЕДЕНИЕ

За время радикальных преобразований население России пережило немало глубоких потрясений, которые непосредственно связаны с определенной полнотой реализации адаптационных возможностей человека, мобилизации его духовных и физических сил. Вместе с тем довольно длительный период роста доходов россиян, повышения уровня материального благосостояния и качества жизни больших групп населения, наблюдавшийся с начала первого десятилетия нового века, привел к оживлению оптимистических настроений в обществе. В отличие от последнего десятилетия прошлого века, когда подавляющее большинство граждан переживали остро выраженный социальный дискомфорт, в последующий период в структуре массового сознания отмечались заметные положительные сдвиги, вызванные улучшением жизни и возрождением надежды на длительное стабильное и спокойное развитие.

Рассматривая причины позитивных изменений в настроениях россиян, необходимо учитывать и общий контекст экономического, политического и социального развития общества в начале нового века, в том числе усиление стабилизационных процессов в экономике и политической жизни.

Что в таких условиях означало для людей начало нового экономического кризиса? Какова была их реакция на стремительно развивающиеся кризисные события, выходящие далеко за рамки финансово-экономической области, и как эти события отразились на социально-экономическом положении семей, социальном самочувствии различных групп и слоев населения? Какие ресурсы кроме экономических и финансовых возможно мобилизовать для противодействия экономическому кризису и поддержания социальной стабильности? Ответы на эти и некоторые другие вопросы, имеющие важное теоретическое и практическое значение, помогает получить анализ результатов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). В его основе лежат данные мониторинга, полученные в 2007—2008 гг., т.е. когда начали ощущаться первые реальные признаки глобального экономического кризиса, но в жизни основной массы населения еще практически ничего не изменилось.

РМЭЗ представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводящихся в Российской Федерации с 1992 г. Начиная с 1994 г. выборка по каждой волне составляет порядка 4000 домохозяйств (около 10 000 индивидов). Это вероятностная, стратифицированная, многоступенчатая территориальная выборка, разработанная при участии ведущих мировых экспертов в данной области. Она формировалась как репрезентативная на федеральном уровне. Мониторинг проводят Институт социологии РАН, Исследовательский центр «Демоскоп», ГУ-Высшая школа экономики, и Университет Северной Каролины в Чепел Хилле (США).

Результаты мониторинга служат уникальной информационной базой для исследований, помогают глубже осмыслить трансформационные процессы в нынешнем российском обществе, его современное состояние, доминирующие тенденции и перспективы развития. Одним из его главных достоинств является широта охвата социально-экономических показателей, включая ряд показателей, которые отсутствуют в государственной статистике, но крайне необходимы исследователям. РМЭЗ является едва ли не единственным в России панельным исследованием, позволяющим проследить состояние конкретных домохозяйств и индивидов за пятнадцатилетний период, что существенно повышает его теоретическую и практическую ценность.

В настоящем бюллетене, продолжающем традицию предыдущего — посвященного анализу социально-экономического положения населения России[1], приводятся данные, содержащие обширную информацию относительно условий и качества жизни семей и отдельных граждан на рубеже веков. Дается общий обзор главных тенденций, отражающих динамику социально-экономического положения населения России, с учетом последних изменений. Несмотря на внесенные дополнения, предлагаемый материал сохраняет первоначаль-

---

[1] См.: Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992 — 2006 гг.»). Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. № 2.

ную нацеленность на освещение вопросов, имеющих важнейшее значение для понимания процесса реформ и их последствий. Сохранен и прежний формат издания, что облегчает систематический долгосрочный анализ динамики социально-экономического положения россиян на единой методологической основе. Бюллетень имеет определенную структуру.

В первой части бюллетеня интегрированы результаты последних опросов в рамках РМЭЗ, характеризующие современное социально-экономическое положение семей в контексте происходящих изменений в экономической сфере. Отражена динамика денежных доходов и расходов домохозяйств, владения предметами длительного пользования, представлены в динамике сведения по безработице и занятости экономически активного населения, уровню бедности, неплатежам заработной платы, невыплатам (задержкам) пенсий, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг, реализации социальных льгот и др. Отдельный параграф посвящен анализу динамики уровня удовлетворенности населения жизнью и оценок жизненных перспектив.

Опирающийся на глубокие системные наработки, предлагаемый материал дает целостную картину изменения социально-экономического положения населения в переходный период и одновременно высвечивает новые тенденции, наметившиеся в 2007—2008 гг., в том числе и в связи с началом глобального экономического кризиса. В полной мере его присутствие стало ощущаться осенью 2008 г., когда кризис, начавшийся в США как финансовый, перерос в глобальный экономический и вслед за Европой перекинулся на Россию. Если еще в первой половине 2008 г. наблюдались устойчивые темпы экономического роста, происходившие на фоне беспрецедентно высоких цен на основные товары российского экспорта, то уже осенью стало очевидно, что глобальный кризис охватил и Россию. В конце 2008 г., когда страна начала все быстрее погружаться в острую фазу кризиса, было отмечено огромное падение промышленного производства, охватившее все ведущие отрасли экономики, что не могло не сказаться на социально-экономическом положении семей, социальном самочувствии отдельных групп и населения России в целом.

В изменившихся условиях особую значимость приобрел анализ ситуации, складывающейся в сфере труда и занятости. В связи с этим во второй части бюллетеня на базе выявленных общих тенденций рассматриваются актуальные проблемы адаптации россиян к измененным условиям труда и занятости. Из всего их множества здесь освещены лишь некоторые. Основное внимание уделено рассмотрению социально-психологических аспектов занятости и трудоустройства, проблем взаимоотношений профессионального образования и рынка труда, способов поиска работы, удовлетворенности трудом в целом и его отдельными сторонами, доверия в трудовых коллективах, особенностей обеспечения социальных льгот и гарантий на предприятиях различных типов и видов, относящихся к различным отраслям экономики. Этот материал, безусловно, имеет самостоятельную ценность и в то же время хорошо согласуется с материалом первой части бюллетеня,

При знакомстве с изложенными материалами необходимо учитывать, что опросы РМЭЗ проводятся преимущественно в октябре-ноябре каждого года. Но именно в октябре 2008 г. только начали разворачиваться главные события, обусловленные распространением экономического кризиса. Этим объясняется тот факт, что многие зарождающиеся тенденции, меняющие благополучную предкризисную картину, оказались вне поля зрения исследователей.

I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

1.1. Динамика и источники доходов домохозяйств

К наиболее знаковым тенденциям нового времени, свидетельствующим о позитивных сдвигах в социально-экономическом положении населения России, можно отнести последовательный рост доходов домохозяйств[1], который отмечался с начала первого десятилетия нового века. Данная тенденция получила свое дальнейшее развитие в 2007—2008 гг., несмотря на обозначившиеся признаки начала нового финансово-экономического кризиса. При этом надо иметь в виду, что в России кризис, превратившийся уже в глобальный экономический, начал ощущаться в полной мере лишь с осени 2008 г. Экономический рост первого полугодия 2008 г., усиливающийся как бы по инерции, сначала сменился замедлением темпов экономического развития в начале второго полугодия, а затем резким их снижением в октябре—декабре, когда кризисные процессы распространились на всю экономику.

Согласно данным, изложенным в таблице 1, реальные доходы домохозяйств за 2007—2008 гг. — сравнительно небольшой с исторической точки зрения период — выросли более чем на треть, достигнув наивысшего значения за все время систематических наблюдений в рамках РМЭЗ. Это был самый значительный из когда-либо наблюдавшегося ранее рост доходов населения России. В 2008 г. средние реальные доходы домохозяйств были в 1,8 раз больше, чем в 1992 г., и в 3,1 раза больше, чем в кризисном 1998 г., когда было зафиксировано их минимальное значение. Как и прежде, решающую роль в повышении доходов населения сыграл рост доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей (пенсии, стипендии, пособия и т.п.), занимающих доминирующее место в структуре семейных доходов.

В 2008 г. общий реальный доход от заработной платы в сравнении с крайне тяжелым для экономики и населения 1998 г. вырос почти в 4 раза. Что касается доходов от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, то они постоянно (начиная с 1992 г.) имели тенденцию к росту, которая была прервана лишь один раз — в 1998 г. Наиболее быстрыми темпами рос доход от работы на частных предприятиях, который за 1998—2008 гг. умножился почти в 7 раз, тогда как доход от работы на государственных предприятиях увеличился только в 3,1 раза, а доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности — всего лишь в 1,7 раза.

Заметим, что за последние два года совокупный доход домохозяйств от заработной платы повысился почти на треть (на 31,5%), что по темпам роста сопоставимо с предыдущим аналогичным периодом. За эти же годы доход от работы на частных предприятиях вырос более чем на треть (на 36,6%), тогда как доход от работы на предприятиях государственного сектора увеличился только на 28,6%, а доход о работы на предприятиях смешанной формы собственности — всего лишь на 9,5%.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в 2007 г. доход от работы на частных предприятиях впервые превысил доход от работы на государственных предприятиях, что может свидетельствовать о дальнейшем развитии рыночных процессов в России. В 2008 г. уже более 47% всех доходов от заработной платы поступали исключительно из частных источников и около 45% от работы на государственных предприятиях. Это соотношение является прямо противоположным тому, которое фиксировалось в 2006 г. Тогда около 45% всех доходов от заработной платы поступали только из частных источников и 46% от работы на государственных предприятиях. Что касается дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то он, несмотря на непрекращающийся рост, оставался ниже, чем уже в довольно далеком 1996 г.

[1] Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств (в рублях декабря 2003 г.)

Источники доходов	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Доход от работы на государственных предприятиях	4057	1851	1290	1673	2347	2379	3145	3552	4044
Доход от работы на частных предприятиях	256	977	621	805	1559	2239	3101	3812	4235
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	519	672	373	514	536	559	578	660	633
Общий доход от заработной платы	4832	3500	2284	2992	4443	5177	6824	8024	8971
Государственные трансфертные платежи	1343	1133	968	1089	1608	1753	2088	2154	2890
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	540	522	424	690	838	879	988	818	1285
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	560	699	758	604	513	408	469	491	441
Доход от продажи личного имущества	374	140	136	134	254	223	165	75	140
Доход от сдачи личной собственности в аренду	6	11	12	12	24	39	40	66	70
Дивиденды	—	88	23	115	30	199	64	57	38
Помощь от родственников и благотворительная помощь	1032	621	383	452	498	568	787	622	1195
Общая сумма месячного дохода (в рублях декабря 2003 г.)	8686	6715	4988	6087	8208	9246	11425	12486	15285

Набирающий силу финансово-экономический кризис практически не отразился на выполнении социальных обязательств государства. В 2007—2008 гг. государственные трансфертные платежи продолжили рост, начавшийся после 1998 г. До конца 1998 г. они только уменьшались (в целом на 28%), что было связано как с трудностями переходного периода, так и с самоустранением монетаристского правительства от выполнения своих социальных функций. В 2008 г. в сравнении с 1992 г. они умножились более чем в 2 раза, а в сравнении с 1998 г. — почти в 3 раза. В течение 2007—2008 гг. государственные трансфертные платежи увеличились на 38,4%, тогда как в течение предыдущих двух лет — только на 19%. Более высокий рост, достигающий 47,7%, был отмечен только в 2000—2002 гг. Примечательно также, что в последние два года ежегодные темпы роста трансфертных платежей были выше ежегодных темпов роста доходов от заработной платы.

При рассмотрении изложенных данных необходимо обратить внимание на то, что наибольший рост государственных трансфертных платежей пришелся на 2008 г. Если за 2007 г. они выросли только на 3%, то за 2008 г. — на 34,2%. Это объясняется беспрецедентным ростом в 2008 г. пенсий, составляющих львиную долю трансфертных платежей, а именно последовательным увеличением страховой части пенсии (с 1 февраля на 12%, с 1 апреля — на 7,5% и с 1 августа — на 8%), а также увеличением ее базовой части (с 1 августа — на 15%). Опережающий рост пенсий и социальных пособий в 2008 г. позволил сдерживать рост численности семей с доходами ниже прожиточного минимума, несмотря на высокие темпы инфляции.

Рост доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т.е. основных видов денежных доходов, обусловил повышение уровня общих доходов домохозяйств. Это вызвало в свою очередь снижение активности поиска населением дополнительных источников денежных доходов, а также значимости самообеспечения семей за счет натуральных источников доходов.

Одной из характерных особенностей начального периода радикальных реформ было активное обращение граждан к относительно новым для многих из них способам социально-экономической адаптации, основанным на использовании потенциала семьи и социальных связей. Об этом свидетельствует рост натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, который за 1992—1998 гг., увеличился более чем на 35%. Но в дальнейшем начала проявляться противоположная тенденция, которая развивалась вплоть до конца 2004 г. В течение следующих двух лет натуральный доход от домашнего хозяйства хотя и увеличился на 15%, тем не менее оставался значительно менее важным источником дохода, чем это было в 90-х годах прошлого века. 2008 г. был отмечен новым падением (за год на 10,2%) значимости данного источника дохода. В целом в 2008 г. натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора был более чем на 21% меньше, чем в 1992 г. и почти на 42% меньше, чем в 1998 г.

Что касается денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, то он с 1998 г. имел достаточно устойчивую тенденцию к росту. Если с 1992 г. по 1998 г. доход от данного источника уменьшился на 21,5%, то к 2008 г. он умножился более чем в 3 раза и достиг максимального значения. При этом за последние два года, без учета падения в 2007 г., этот рост составил около 30%.

Доход от продажи личного имущества в течение исследуемого периода менялся волнообразно. С 1992 г. по 2000 г. он снизился на 64%, но уже к 2002 г. вырос почти в 2 раза. Затем он уменьшился к 2007 г. почти в 3,5 раза, но в 2008 г. вновь удвоился. В 2008 г. доход от продажи личных вещей был в 2,7 раза меньше, чем в 1992 г., но почти таким же, как во второй половине 90-х годов прошлого века. В то же время доход от сдачи личной собственности в аренду продолжил свое увеличение все нарастающими темпами. За 2007—2008 гг. он последовательно вырос на 75%, оставаясь, однако, небольшим в сравнении с доходами от других источников.

Особого внимания заслуживает продолжающееся падение дивидендов, которые за последние два года сократились примерно на треть. Вместе с тем нельзя не отметить, что с 2004 г, когда было зафиксировано пиковое значение, они снизились более чем в 5 раз. Это обусловлено главным образом тем, что только лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как 99% домохозяйств сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей.

Помощь от родственников и благотворительная помощь после некоторого снижения в 2007 г. (на 21%) продолжила свое увеличение. В 2008 г. в сравнении с 2006 г. доход от данного источника вырос на 52%, а в сравнении с 1998 г., когда было зафиксировано минимальное значение — более чем в 3 раза. В конце 2008 г. доход от помощи родственников и благотворительной помощи впервые оказался больше (на 15,8%), чем в конце 1992 г. Львиная доля дохода из данного источника приходится на помощь родственников. Основанные на доверии родственные связи, оказываются исключительно устойчивыми к воздействию неблагоприятных факторов, инициированных трансформационными и кризисными процессами. Они не только создают благоприятную социально-психологическую среду, помогают людям с оптимизмом смотреть в будущее, но и служат основой для оказания материальной помощи.

Более широкие родственно-дружеские связи формируют сети нерыночного обмена, выполняющего важные экономические и социальные функции. Реципрокный обмен, противопоставляемый рыночному обмену, предполагает передачу индивидами тех или иных благ на безвозмездной основе, оказание поддержки или услуг, подчиняясь установившемуся неформальному порядку. Регулируемый социальными нормами обмен благами становится распределительным механизмом группы или сообщества, альтернативным рыночному обмену[1]. Данные исследований убеждают, что две трети российских семей получают различные виды помощи со стороны непосредственного окружения. С учетом же тех, кто не пользуется поддержкой родственников, но поддерживает их сам, доля граждан, являющихся участ-

[1] См.: *Барсукова С.Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20—30.

никами родственно-дружеских взаимообменов, увеличивается до 80%. Среди возможностей родственно-дружеской помощи на первом месте находится решение вопросов кредитования.

Таблица 2 и серия из четырех рисунков 1А—1Г демонстрируют процентное соотношение различных источников дохода домохозяйств в период с 1992 г. по 2008 г.[1] Из представленных данных хорошо видно, что в 2008 г. основными источниками доходов населения оставались заработная плата и государственные трансфертные платежи, на долю которых приходилось 82,9% совокупного дохода домохозяйств. Это несколько больше, чем в 2006 г. (81,3%) и в 1992 г. (79,8%). Несмотря на такие достаточно близкие показатели, нельзя забывать о том, что в середине 90-х годов предыдущего столетия на долю дохода от данных источников приходилось только около 66% совокупного дохода, что было обусловлено существенным ростом удельного веса натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора в период обострения трансформационного кризиса.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам (в %)

Источники доходов	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,9	22,3	22,9	24,1	22,9	24,6	24,6	23,9
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	9,2	8,0	9,2	12,5	16,9	19,5	20,9	21,1
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	6,8	5,3	6,1	5,4	4,7	3,9	4,2	3,3
Общий доход от заработной платы	48,9	38,9	35,6	38,2	42,0	44,5	48,0	49,6	48,3
Государственные трансфертные платежи	30,9	27,1	30,9	34,3	35,5	34,7	33,3	32,4	34,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	6,5	5,6	7,5	7,1	7,1	5,8	5,5	5,3
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	15,9	17,8	11,5	7,5	5,5	4,2	4,9	3,9
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,3	1,0	0,8	0,6	0,5	0,3	0,4	0,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Дивиденды	—	0,6	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	9,6	8,5	7,3	6,8	7,1	7,7	6,5	6,9
Общая сумма месячного дохода (в процентах)	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

За последние два года средняя доля дохода домашних хозяйств от заработной платы выросла незначительно и составила в 2008 г. 48,3%, немного не дотянув до уровня 1992 г. (48,9%). При этом самое высокое значение, равное 49,6%, было зафиксировано в достаточно благополучном предкризисном 2007 г., тогда как самое низкое (35,6%) в крайне тяжелом 1998 г., который был отмечен глубоким финансово-экономическим кризисом, затронувшим все сферы жизни общества.

Обращаясь к данным Российского мониторинга, характеризующим распределение доходов от заработной платы, следует обратить внимание на последовательное увеличение доли дохода от работы на частных предприятиях, обусловленное дальнейшим развитием

[1] Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 1А—1Г, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1, соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

частного сектора экономики. За 2007—2008 гг. она выросла на 1,6 процентных пункта, достигнув самого высокого уровня за все время систематических наблюдений. Но в то же время нельзя не заметить, что темпы роста данного показателя в рассматриваемый период были самыми низкими, начиная с 2000 г., и сопоставимыми с темпами роста в послекризисные 1999—2000 гг. Что касается дохода от работы на государственных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности, то их доли в совокупном доходе домохозяйств за последние два года немного уменьшились — соответственно на 0,7 и 0,6%. Причем в 2008 г. доля дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности оказалась самой низкой за все время наблюдений в рамках мониторинга. Наибольшее снижение удельного веса дохода от работы на предприятиях государственного сектора пришлось на 1992—1996 гг., но в дальнейшем данный показатель менялся несущественно.

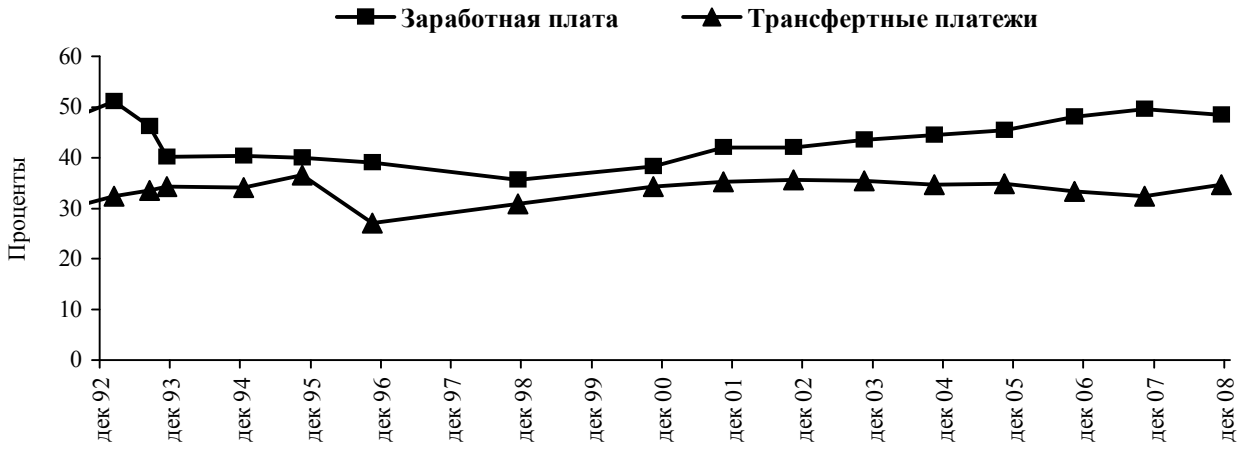

Рис. 1А. **Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи**

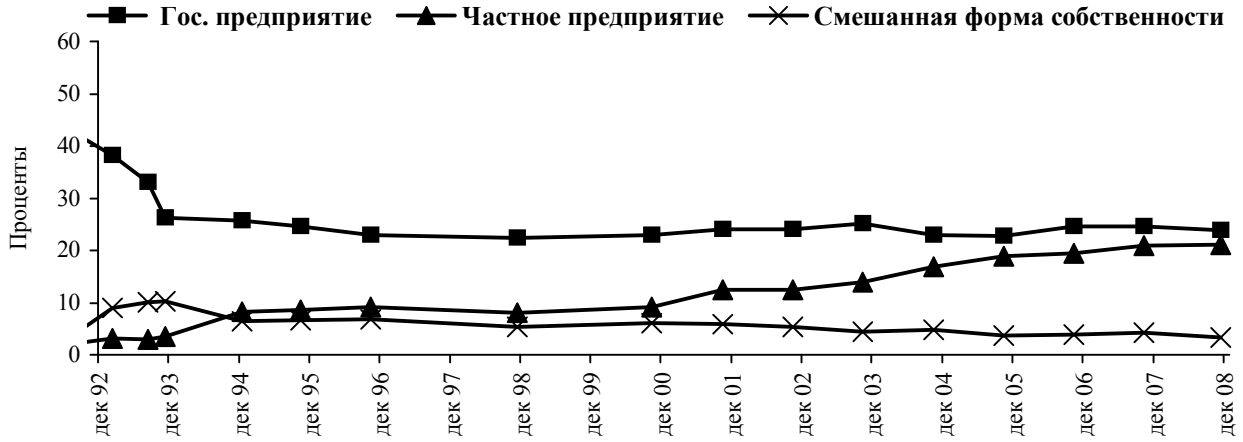

Рис. 1Б. **Распределение доходов по источникам: государственные предприятия, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности**

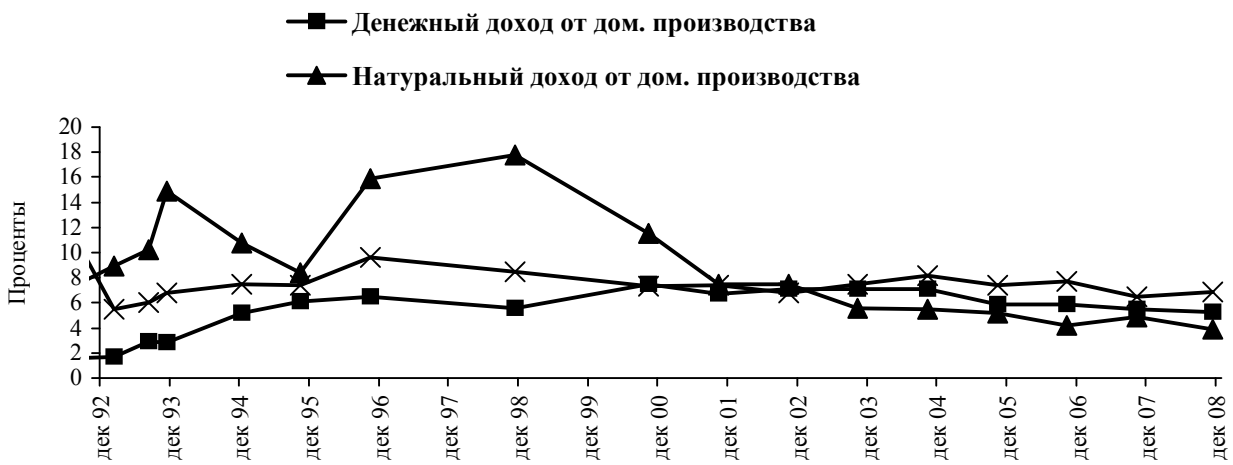

Рис. 1В. **Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь от родственников и благотворительная помощь**

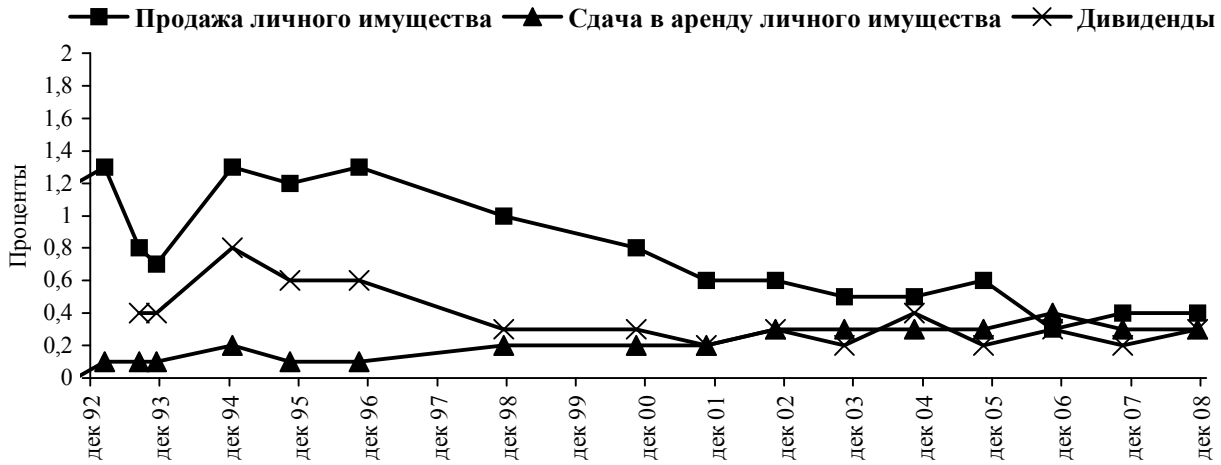

Рис. 1Г. **Распределение доходов по источникам: продажа личного имущества, сдача в аренду личной собственности, дивиденды**

Значимость государственных трансфертных платежей как источника дохода домохозяйств после снижения, наблюдавшегося в 2002—2007 гг., повысилась. Доля дохода от данного источника составила в 2008 г. 34,6%, что на 3,7% больше, чем в 1992 г., но почти на 1% меньше, чем в 2002 г. и на 2% меньше самого высокого значения, отмеченного в 1995 г. Но в целом данный показатель в анализируемый период менялся незначительно. Характерно, что в 2007—2008 гг. как и в предыдущие годы, почти 90% всех государственных трансфертов составляли пенсии.

В 2008 г. доля дохода домашних хозяйств из государственных или смешанных частно-государственных источников, включая трансферты и заработные платы, составила около 62%. Это лишь немного меньше, чем в начале 2000-х годов, но больше, чем во второй половине 90-х годов прошлого века. Все это не позволяет говорить о том, что в 2000-х годах люди значительно меньше стали полагаться на доходы из государственных источников.

Одной из наиболее заметных тенденций является поступательное снижение значимости денежного и натурального доходов от домашнего производства и работы в неформальном секторе, которое наблюдается с конца 90-х годов прошлого века. С 1998 г. по 2008 г. доля суммарного дохода от данных источников последовательно сократилась с 23,4 до 9,2%, т.е. более чем в 2,5 раза. Особого внимания заслуживает тот факт, что это снижение произошло главным образом за счет сокращения доли натурального дохода от домашнего про-

изводства и неформального сектора — с 17,8 до 3,9%, т.е. в 4,6 раза. В результате этих изменений произошло значительное изменение роли рассматриваемых источников. Начиная с 2004 г. доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора стала постоянно превышать соответствующую долю денежного дохода, тогда как до этого наблюдалась противоположная картина.

Указанные перемены являются одним из свидетельств улучшения ситуации в социально-экономической сфере. Наблюдавшиеся в первой половине 90-х годов прошлого века неблагоприятные изменения в экономике, снижение роли государства в регулировании экономических процессов и реализации социальной политики, сокращение рабочих мест, позволяющих получать стабильный и достойный заработок, вынудили многих людей задействовать дополнительное ресурсы, обратиться к внутренним резервам для того, чтобы как-то свести концы с концами или не скатиться в пропасть бедности и нищеты. Но по мере преодоления кризисных явлений в экономической сфере роль этих источников дохода как средства выживания стала ослабевать.

Значимость всех других источников дохода в течение исследуемого периода менялась незначительно. Можно лишь обратить внимание на некоторое сокращение доли частных трансфертов в бюджете домохозяйств: с 7,7% в 2006 г. до 6,9% в 2008 г.

В таблице 3 представлено процентное соотношение домашних хозяйств, имеющих доходы из перечисленных выше источников. Изложенные в таблице данные демонстрируют постепенное нарастание удельного веса домохозяйств с какими-либо доходами от заработной платы. За последнее десятилетие это приращение составило 9,6% (с 57,6% в 1998 г. до 67,2% в 2008 г.), т.е. около одного процентного пункта в год. Но несмотря на такое солидное увеличение, данный показатель все равно оставался на 5,2% ниже первоначального значения, зафиксированного в 1992 г. Указанное увеличение произошло главным образом за счет роста удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях. С 1998 г. по 2008 г. эта доля выросла с 16 до 35,7%, т.е. более чем в два раза, в том числе за 2007—2008 гг. на 3,1%. Из изложенных данных также вытекает, что в последние два года темпы роста данного показателя были существенно ниже темпов роста в предыдущие шесть лет.

Таблица 3

Процент домохозяйств с доходом из данного источника

Источники доходов	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	41,2	42,1	44,4	44,2	43,0	44,8	45,1	44,7
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,6	16,0	17,5	23,0	28,4	32,6	34,5	35,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	12,4	10,7	12,1	10,7	9,0	7,6	8,2	6,8
Общий доход от заработной платы	72,4	59,2	57,6	60,9	62,1	64,1	66,4	67,9	67,2
Государственные трансфертные платежи	86,5	54,8	60,3	69,8	75,1	76,8	72,8	71,8	73,1
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,9	24,1	26,4	25,6	24,4	20,9	18,6	17,8
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	60,0	62,9	59,2	55,2	50,5	46,2	45,3	44,3
Доход от продажи личного имущества	3,8	3,2	2,8	2,6	2,0	1,4	1,1	1,3	0,9
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,3	0,6	0,6	1,3	1,3	1,2	1,6	1,5
Дивиденды	—	1,8	1,1	1,2	1,2	1,1	1,5	1,2	1,0
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,9	25,5	27,5	26,7	29,0	29,9	27,2	27,8

Примечательно, что за анализируемый период удельный вес домохозяйств с доходом от работы в государственном секторе практически не изменился. В то же время доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, с 2000 г. по 2008 г. сократилась с 12,1 до 6,8%, т.е. в 1,8 раз, в том числе за последние два года на примерно на 1%. В целом в 2008 г. удельный вес домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного или частногосударственного сектора, оставался существенно выше доли домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях (51,5% против 35,7%).

Из изложенных данных хорошо видно, что удельный вес домашних хозяйств, не получающих дохода от заработной платы, за рассматриваемый период постепенно снизился: с 42,4% в 1998 г. до 32,8% в 2008 г.

Очень высокой остается доля домохозяйств, получающих трансфертные платежи. В 2008 г. она достигала 73,1%. Это хотя и намного меньше, чем в 1992 г., но немного больше, чем в 2006 г (соответственно 86,5 и 72,8%). Такой большой процент объясняется тем, что в состав почти половины всех российских домохозяйств входят пожилые люди, получающие доход в виде пенсии. В совокупности, пенсии составляют подавляющую долю всех государственных трансфертов и выступают главным слагаемым дохода пожилых лиц. Особого внимания заслуживает тот факт, что пенсионные выплаты составляют свыше половины общего дохода домохозяйств, получающих какой-либо доход в виде пенсии.

С каждым годом все меньше домохозяйств занимаются домашним производством. С 1998 г., когда было отмечено наибольшее значение, по 2008 г. доля домохозяйств, получающих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, последовательно сократилась с 62,9 до 44,3%, т.е. на 18,6%, в том числе за 2007—2008 гг. на 1,9%. Анализ изложенных данных убеждает, что в последние два года темпы снижения данного показателя существенно замедлились. Одновременно сократился удельный вес домохозяйств с денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора. В течение 1998—2008 гг. их доля уменьшилась с 24,1 до 17,8%, т.е. на 6,3%. За последние два года это снижение составило 3,1%, что несколько меньше, чем в предыдущие два года (3,5%). Но в целом темпы сокращения доли домохозяйств с денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора были в последние два года значительно ниже темпов сокращения удельного веса домохозяйств, получающих соответствующий денежный доход, тогда как в предыдущие годы наблюдалась противоположная картина.

Очень низким остается процент домашних хозяйств, получающих какой-либо доход от продажи личных вещей и другого имущества, от сдачи личной собственности в аренду или в виде дивидендов. Причем, по мере роста доходов населения продолжилось сокращение доли домохозяйств, получающих доход от продажи личного имущества. Если в 1992 г. удельный вес таких домохозяйств составлял 3,8%, то в 2006 г. — только 1,1%, а в 2008 г. — 0,9%. В то же время удельный вес домохозяйств с доходом от сдачи личной собственности в аренду немного увеличился: с 1998 г. по 2008 г. — с 0,6 до 1,5%.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что за 2007—2008 гг. немного снизилась доля домохозяйств, использующих в качестве источника дохода материальную помощь от родственников или благотворительных организаций (соответственно с 29,9 до 27,8%, т.е. на 2,1%). Это снижение произошло после достаточно устойчивого, но крайне медленно роста, который наблюдался в течение девяти лет: с 1998 г. по 2006 г. Заметим, что в 1992 г. удельный вес таких домохозяйств достигал 34,7%, но уже в 1996 г. снизился до 25,9%, т.е. на 8,8%, и в дальнейшем менялся не особенно существенно.

В таблицах 4—6 доходы домохозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода[1]. В силу известных причин мониторинг не охватывает самые верхние и самые нижние социальные слои, т.е. сверхбогатые финансово-экономические круги, политическую и иные элиты, «высшее общество», с одной стороны, и «социальное дно» — с другой, что не позво-

[1] В таблице 4 приводится общая информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последних строках таблицы показаны средние доходы по квинтилям распределения доходов в 2007—2008 гг.

ляет в полной мере продемонстрировать всю глубину различий в уровне и качестве жизни богатых и бедных слоев населения. Однако он дает возможность определить различия в уровне материального благосостояния зажиточных, или высокодоходных, групп населения и малообеспеченных, или низкодоходных.

Из данных, приведенных в таблицах 4 и 5, можно увидеть, что в самые последние годы доходы наиболее обеспеченных домохозяйств росли быстрее, чем доходы менее обеспеченных российских семейств. Так, за последний год (с 2007 г. по 2008 г.) реальные доходы домохозяйств самого верхнего квинтиля выросли на 39%, тогда как в менее доходных квинтилях этот рост составил от 15 до 20%. Примечательно, что в предыдущем году наблюдалась противоположная картина. Тогда реальные доходы домохозяйств в каждом из четырех нижних квинтилей выросли за год (с 2006 г. по 2007 г.) на 10—12%, тогда как в самом верхнем квинтиле реальный доход увеличился только на 3%. Но несмотря на такую непоследовательность, которая наблюдалась и в предыдущие годы, общей тенденцией являются более высокие темпы роста реальных доходов наиболее обеспеченных домохозяйств. В целом за три года (с 2005 г. по 2008 г.) в самом верхнем квинтиле они выросли более чем на 80%, в то время как в менее доходных квинтилях — только на 40—45%.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода. Октябрь 2008 г. (в %, в рублях декабря 2003 г.)

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20%	21—40%	41—60%	61—80%	Верхний 20%
Доход от работы на государственных предприятиях	19,9	20,9	23,3	28,8	26,8
Доход от работы на частных предприятиях	13,5	12,8	20,8	26,2	32,6
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,5	2,4	3,3	4,1	4,4
Общий доход от заработной платы	35,9	36,2	47,3	59,1	63,8
Государственные трансфертные платежи	46,7	51,3	38,1	24,4	12,8
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	4,7	3,2	4,5	5,0	9,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,6	4,0	3,4	3,7	2,5
Доход от продажи личного имущества	0,0	0,1	0,1	0,1	1,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,3	0,1	0,1	0,3	0,7
Дивиденды	0,0	0,0	0,1	0,1	0,6
Помощь от родственников и благотворительная помощь	6,8	5,0	6,4	7,2	9,0
Средняя сумма месячного дохода, ноябрь 2008 г.	5443	8311	12141	16754	36369
Общий доход от заработной платы, октябрь 2007 г.	35,7	35,4	46,7	61,5	68,8
Государственные трансфертные платежи, октябрь 2007 г.	43,4	49,2	36,6	21,5	11,4
Средняя сумма месячного дохода, октябрь 2007 г.	4622	6926	10188	14585	26132

Дальнейший анализ показал, что, как и прежде, для наиболее обеспеченных семей основным источником дохода является заработная плата, тогда как для наименее обеспеченных — пенсии, пособия и другие государственные трансфертные платежи. При этом доход от заработной платы из государственных источников остается значимым источником до-

хода для домохозяйств всех квинтилей. Хотя при этом нельзя не заметить, что в трех верхних квинтилях доля дохода от работы на государственных предприятиях несколько выше, чем в двух нижних. Еще более значимыми для домохозяйств верхних квинтилей являются доходы от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности. Так, в 2008 г. доля дохода от работы на частных предприятиях в двух нижних квинтилях составила около 13%, но затем, постепенно увеличиваясь, в квинтиле с самыми высокими доходами достигла 32,6%. В отношении доходов от работы на предприятиях смешанной формы собственности это увеличение составило с 2,5 до 4,4%.

Аналогичные тенденции наблюдались и в предшествующие годы, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 5.

Таблица 5

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода. Октябрь 2006 г. (в %, в рублях декабря 2003 г.)

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20%	21—40%	41—60%	61—80%	Верхний 20%
Доход от работы на государственных предприятиях	22,1	20,3	25,5	28,2	27,2
Доход от работы на частных предприятиях	12,9	12,5	16,4	23,6	32,1
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,2	3,7	3,9	5,2	4,6
Общий доход от заработной платы	37,2	36,4	45,7	57,0	64,0
Государственные трансфертные платежи	41,9	48,6	38,5	25,1	12,5
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	6,4	4,5	4,3	5,5	8,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	6,0	4,6	4,2	3,3	2,9
Доход от продажи личного имущества	0,3	0,1	0,1	0,2	0,7
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5
Дивиденды	0,0	0,0	0,2	0,3	0,8
Помощь от родственников и благотворительная помощь	7,9	5,5	6,7	8,1	10,4
Средняя сумма месячного дохода, октябрь 2006 г.	4189	6332	9125	13017	25170
Общий доход от заработной платы, октябрь 2005 г.	35,9	33,6	40,4	53,8	63,3
Государственные трансфертные платежи, октябрь 2005 г.	41,0	50,6	41,6	26,9	14,2
Средняя сумма месячного дохода, октябрь 2005 г.	3865	5725	7950	11992	20142

Сравнительный анализ данных, изложенных в таблицах 5 и 6, свидетельствует о том, что за последние два года роль заработной платы как источника дохода изменилась несущественно. Но, если обратиться к более ранним данным, то предстает иная картина. Сопоставление процентных данных, представленных в таблицах 4 и 6, показывает, что значимость общего дохода от заработной платы за 2000—2008 гг. заметно повысилась для всех квинтилей распределения домохозяйств по доходу. Этот рост произошел исключительно за счет увеличения соответствующих долей дохода от работы на частных предприятиях. При этом

роль дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности во всех квинтилях снизилась. Особенно значительное снижение зафиксировано в верхнем квинтиле. Что касается значимости дохода от работы на предприятиях государственного сектора, то она для домохозяйств всех квинтилей практически не изменилась.

Государственные трансфертные платежи составили в 2008 г. немногим менее половины дохода домохозяйств нижнего квинтиля и свыше половины дохода домохозяйств второго нижнего квинтиля. За 2007—2008 гг. эти доли выросли соответственно на 4,8 и 2,7%, достигнув наивысших значений, начиная с 2000-го года. Гораздо меньше зависят от государственных трансфертных платежей как от источника дохода домохозяйства двух высокодоходных квинтилей. В 2008 г. они получали только 24,4 и 12,8% доходов за счет государственных трансфертов, т.е. примерно столько же, сколько в 2006 и 2000 гг. Вместе с тем абсолютные уровни этих платежей высокодоходным группам были весьма значительны.

Таблица 6

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода. Октябрь 2000 г. (в %)

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20%	21—40%	41—60%	61—80%	Верхний 20%
Доход от работы на государственных предприятиях	19,8	21,6	17,4	27,5	28,0
Доход от работы на частных предприятиях	6,7	6,0	7,0	10,3	15,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	3,4	4,6	7,5	10,0
Общий доход от заработной платы	31,2	31,0	29,0	45,3	53,8
Государственные трансфертные платежи	36,4	47,4	49,5	26,7	11,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	9,3	5,8	4,9	6,2	11,3
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	13,3	9,8	10,3	13,4	10,7
Доход от продажи личного имущества	0,4	0,5	0,6	0,7	1,8
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,1	0,3	0,3	0,1
Дивиденды	0,2	0,2	0,0	0,1	1,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,0	5,2	5,4	7,2	9,7
Общий доход от заработной платы, ноябрь 1998 г.	31,5	33,0	30,2	38,2	45,4
Государственные трансфертные платежи, ноябрь 1998 г.	24,5	39,4	44,7	29,8	16,0

В 2008 г., как и в 2006 г., наиболее высокие доли суммарного дохода от домашнего производства и работы в неформальном секторе оказались в самом нижнем и самом верхнем квинтилях (соответственно 10,3 и 11,7%; 12,4 и 11,1%). Но если в верхнем квинтиле наблюдалось превышение доли денежного дохода, то в нижнем доли натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора. В трех средних квинтилях эти показатели оказались достаточно ровными. Можно лишь обратить внимание на постепенное увеличение в 2008 г. доли денежного дохода с 3,2% во втором нижнем квинтиле до 5% в четвертом квинтиле. В сравнении с 2000 г. важность этих источников для домашних хозяйств всех квинтилей заметно снизилась. В наибольшей мере эта тенденция коснулась натурального дохода, темпы снижения значимости которого росли по мере перехода от самого бедного квинтиля к самому богатому. Если в нижнем квинтиле доля натурального дохода от домаш-

него производства и неформального сектора за 2000—2008 гг. сократилась с 13,3 до 5,6%, т.е. в 2,4 раза, то в верхнем — с 10,7 до 2,5%, т.е. в 4,3 раза. Гораздо медленнее снижалась по квинтилям доля денежного дохода. В нижнем квинтиле она уменьшилась с 9,3 до 4,7%, т.е. на 4,6% или примерно в два раза, тогда как в верхнем — с 11,3 до 9,2%, т.е. только на 2,1% или в 1,2 раза.

Получение доходов от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов в наибольшей мере характерно для домохозяйств верхнего квинтиля. Что касается помощи от родственников и благотворительной помощи, то она как источник дохода наиболее значима для домохозяйств двух верхних квинтилей. При этом ее доля в совокупном доходе домохозяйств всех квинтилей в 2008 г. в сравнении с 2006 г. сократилась, но не намного. Не особенно существенным оказалось снижение данного показателя и в сравнении с 2000 г., которое затронуло только домохозяйства нижнего и верхнего квинтилей, но в разной степени. Если в нижним квинтиле доля дохода от данного источника за 2000—2008 гг. снизилась с 9 до 6,8%, то в верхнем — с 9,7 до 9%.

Данные мониторинга свидетельствуют об увеличении разрыва в доходах между бедными и состоятельными слоями населения. Если в 2006 г. доходы домохозяйств в самом богатом квинтиле были примерно в 6 раз больше, чем в беднейшем, то в 2008 г. этот разрыв увеличился до 6,7 раз. Следует отметить, что 2006 г. оказался первым годом, когда неравенство между доходом домохозяйств самого богатого квинтиля и доходом беднейших домохозяйств возросло, тогда как во все предыдущие годы, начиная с 1998 г. (тогда разрыв доходил до 7,5 раз), отмечалось уменьшение этого неравенства. К настораживающим симптомам необходимо отнести также нарастание отрыва по доходам самой богатой части домохозяйств от всех остальных семей. Если в 2006 г. разрыв в доходах между домохозяйствами верхнего квинтиля и ближайшего к нему четвертого квинтиля составлял около 1,9 раз, в 2007 г. — 1,8 раз, то в 2008 г. он увеличился до 2,2 раз.

В России уровень неравенства населения по доходам в настоящее время намного выше, чем в большинстве европейских стран. Это подтверждают данные не только РМЭЗ, но и других исследований. Так, результаты обследований бюджетов домашних хозяйств, которые проводятся Росстатом, свидетельствуют, что в 2008 г. основные показатели дифференциации населения по доходам не изменились по сравнению с 2007 г., когда были зафиксированы высокие значения. В 2008 г. индекс концентрации доходов (измеренный через коэффициент Джини) составил 0,424 против 0,423 в 2007 г., а коэффициент фондов — соответственно 16,9 против 16,8.

Основу дифференциации доходов домохозяйств, как и прежде, составляют различия в заработной плате. Продолжающийся опережающий рост оплаты труда в рыночных секторах экономики приводит к существенным изменениям в распределении работников по размерам их заработков. Немаловажное значение имеет резкое повышение заработной платы отдельным категориям работников, в том числе в бюджетной сфере.

В таблице 7 представлено распределение домашних хозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Как следует из таблицы, в 2008 г. доля домохозяйств самого богатого квинтиля, получающих доход от работы на частных предприятиях, была более чем в 2,6 раза выше, чем аналогичная доля домохозяйств беднейшего квинтиля, тогда как в 2006 г. эта разница составляла около 2,5 раз. Рост удельного веса домохозяйств, получающих доход от данного источника, произошел во всех квинтилях, за исключением нижнего. Самым высоким этот рост, составивший 7,5%, оказался в среднем квинтиле. Удельный вес домохозяйств, связанных с работой на предприятиях частного сектора, растет последовательно по мере перехода от нижнего квинтиля к верхнему.

Схожие тенденции наблюдаются и в отношении распределения домашних хозяйств с доходом от работы на предприятиях государственного сектора. В данном случае разрыв между самым верхним и самым нижним квинтилями как в 2006 г., так и в 2008 г. достигал 1,5 раз. Удельный вес домохозяйств с доходом из данного источника увеличился за два года только в четвертом квинтиле (на 4,4%), тогда как в верхнем квинтиле снизился (на 2,7%). Значительно меньшими оказались проценты домохозяйств, получающих доход от работы на смешанных государственно-частных предприятиях. При этом разрыв между верхним и нижним

квинтилями в долях домохозяйств, получающих доход от данного источника, оказался существенным. Хотя нельзя не заметить, что с 2006 г. по 2008 г. он снизился с 2,3 раз до 2,1 раз.

Таблица 7

Процент домохозяйств с доходом из данного источника по квинтилям дохода (в %)

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20%	21—40%	41—60%	61—80%	Верхний 20%
Октябрь 2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4

Не сокращаются увеличившиеся многократно с начала 90-х годов региональные различия в уровне материального благосостояния населения. Достаточно отметить, что разрывы в уровне доходов населения различных регионов в 2008 г. достигали немногим менее 10 раз, а по душевому региональному продукту субъекты Российской Федерации отличались более чем в 20 раз. К позитивным фактам следует отнести некоторое сокращение региональных различий в уровне официальной заработной платы, которые, однако, остаются существенными. По данным Росстата, в 2008 г. наибольшие денежные доходы были отмечены в Ненецком автономном округе (48986 руб.), Ямало-Ненецком автономном округе (38131 руб.), Ханты-Мансийском автономном округе (33029 руб.), тогда как наименьшие — в Калмыкии (5693 руб.), Ингушетии (7034 руб.), Тыве (7597 руб.). Различие между максимальными (Ненецкий автономный округ) и минимальными (Республика Калмыкия) размерами среднедушевых доходов населения составило 8,6 раз. Наряду с межрегиональной дифференциацией населения по доходам наблюдалась и внутрирегиональная. Так, в 2008 г. коэффициент фондов варьировал по отдельным территориям от 10 до 40.

Итак, анализ данных РМЭЗ свидетельствует о последовательном росте доходов домохозяйств, который наблюдался с начала XXI века по мере усиления восстановительного экономического роста, включая годы, непосредственно предшествующие началу нового финансово-экономического кризиса. Рост доходов населения ощущался на всей территории России: в различных регионах, больших и малых городах, поселках и сельской местности, но в разной степени. Но здесь важно учитывать, что в 2007—2008 гг. одновременно с ростом доходов населения и некоторыми другими позитивными сдвигами в экономической сфере уже разворачивались кризисные явления, которые, однако, оставались незамеченными основной массой населения. Поэтому, принимая во внимание, что главные события, связанные с экономическим кризисом, стали происходить в следующем, 2009 году, не стоит радужно воспринимать продемонстрированные тренды.

Если в 2003—2007 гг. ежегодные темпы прироста ВВП составляли около 7%, то в 2008 данный показатель снизился до 5,6% и приблизился к значениям 2001—2002 гг., являвшимся минимальными за десятилетие восстановительного развития. Причем это снижение было обусловлено резким падением темпов роста ВВП в последнем квартале 2008 г. до 1,1% в сравнении с 8,5%, достигнутыми в первом квартале. Более чем на 4 процентных пункта сократились темпы промышленного производства. Кризис ударил не только по крупному,

но и по среднему и малому бизнесу. С конца 2008 г. началось сокращение частных предприятий. Если за первые шесть месяцев 2008 г. было закрыто около 100 тыс. малых предприятий, то по данным первого полугодия 2009 г. было ликвидировано уже 250 тыс. таких предприятий. При этом в первом полугодии 2009 г. малых предприятий было создано на 45% меньше, чем за то же период прошлого года.

Рост заработков зачастую не поспевал за ростом цен, прежде всего на продукты питания, что особенно негативно сказывалось на положении домохозяйств с низкими доходами. Это связано с тем, что в структуре расходов населения с низким уровнем доходов расходы на продукты питания составляют особенно существенную долю. Такая тенденция очень четко наблюдалась в 2007—2008 гг., когда стоимость минимальной корзины продуктов питания росла со значительным опережением общего уровня инфляции. Одной из наиболее заметных и важных тенденций последнего периода стало усиление социального расслоения общества, в основе которого лежало дальнейшее углубление различий в уровне доходов разных групп населения.

1.2. Расходы домохозяйств

По мере роста доходов существенно увеличились и расходы российских домохозяйств. Как следует из таблицы 8, ежемесячные расходы домашних хозяйств в 2007—2008 гг. выросли на четверть, в том числе в 2007 г. — на 10,5% и в 2008 г. — еще на 13,8%. Это несколько меньше, чем 28,7% в предыдущие два года, из которых почти четверть пришлась на 2006 г. В сравнении с 1992 г. ежемесячные расходы домохозяйств выросли в 1,7 раз, а в сравнении с 1998 г., когда возможности домохозяйств были минимальными, — в 2,4 раза. Благодаря такому интенсивному росту ежемесячные расходы домохозяйств достигли в 2008 г. самого высокого уровня за последние 16 лет.

Этот рост затронул как расходы на продукты питания, так и расходы на непродовольственные товары, но не в одинаковой мере. За последние два года расходы на продукты питания выросли на 13,5%, тогда как на непродовольственные товары — на 32,5%. Более высокие темпы роста расходов на непродовольственные товары (44,4%) были зафиксированы только в предыдущие два года. В течение 1998—2008 гг. совокупные расходы на продукты питания увеличились почти на 40%. Но и после таких существенных изменений они оставались ниже, чем в 1992 г., на 17,8%, впервые превысив, однако, уровень 1996 г. Что касается совокупных расходов на непродовольственные товары, то они в течение этого периода выросли в 3,6 раз.

В 2007—2008 гг. темпы роста расходов на различные продукты питания были достаточно ровными. Можно лишь обратить внимание, с одной стороны, на более высокие показатели роста расходов на хлеб, с другой стороны, на практически не изменившиеся траты на алкогольную продукцию. Но если обратиться к долгосрочным тенденциям, то можно отметить, что до 1998 г. расходы на отдельные виды продуктов питания постоянно снижались. Исключение составляли только продукты домашнего изготовления, в отношении которых фиксировалась противоположная тенденция. В дальнейшем наблюдалась более пестрая картина. В то время когда расходы на молочные и мясные продукты, птицу и рыбу, фрукты и овощи постоянно увеличивались, затраты на продукты домашнего производства постоянно снижались, а расходы на картофель, хлеб, алкоголь и многие другие продукты питания были подвержены довольно существенным колебаниям.

В целом за 1998—2008 гг. расходы на фрукты и овощи выросли примерно в 2,4 раза; на молочные продукты, мясо, птицу и рыбу — в 1,8 раз; на алкоголь — в 1,3 раза; на «прочие» продукты питания — в 1,2 раза, тогда как расходы на хлеб несколько снизились, а на продукты домашнего изготовления упали почти на 35%. Обращает на себя внимание особенно значительный рост расходов, достигающий 3,2 раз, на питание в столовых, ресторанах, кафе.

Таблица 8

Ежемесячные расходы домохозяйств
(в рублях декабря 2003 г.)

Категории расходов	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Расходы на продукты питания									
Молочные продукты	404	374	257	264	328	330	389	425	451
Мясо, птица, рыба	1341	1135	752	793	1007	1025	1179	1286	1373
Картофель	175	136	39	170	150	109	157	99	90
Хлеб	642	732	440	463	386	420	326	369	398
Фрукты, овощи	656	396	196	256	323	350	400	412	474
Прочие продукты питания	1712	870	754	752	764	757	789	831	887
Питание в столовых, ресторанах, кафе	280	321	212	290	427	486	572	582	674
Продукты домашнего изготовления	585	679	804	687	591	493	454	564	521
Алкоголь	324	195	125	135	150	146	164	166	162
Всего расходов на продукты питания	6119	4838	3582	3810	4127	4116	4431	4734	5030
Расходы на непродовольственные товары									
Табачные изделия	172	137	128	108	128	135	139	157	156
Одежда	920	748	680	790	856	791	1065	1045	1176
Горючее, топливо[1]	119	266	163	275	305	351	440	453	533
Электроника и др. товары длительного пользования	478	777	535	790	693	1311	1751	1927	2393
Услуги и отдых	150	1175	726	1079	1276	1402	1950	1989	2456
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	403	191	209	117	284	367	834	1334	1685
Оплата жилья и коммунальных услуг	125	338	275	303	492	581	861	959	1075
Акции, облигации	57	11	2	1	0	0	23	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т.п.)	546	—	—	138	227	252	305	338	355
Сбережения	186	251	192	309	413	305	571	645	689
Всего расходов на непродовольственные товары	3155	3894	2910	3909	4675	5496	7938	8930	10519
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	9274	8732	6491	7719	8802	9612	12369	13664	15550

[1]Начиная с декабря 1994 г., категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%;

В течение последних двух лет расходы на различные непродовольственные товары (в реальном выражении) росли крайне неравномерно. Так, если расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам выросли за 2007—2008 гг. приблизительно в 2 раза, на электронику и другие товары длительного пользования — на 36,7%, то на услуги и отдых — на 26%, оплату жилья и коммунальных услуг — на 24,9%, на горючее, топливо — на 21,1%, на вклады — на 20,7%, на различные мелкие товары — на 16,4%, на табак — на 12,2% и на одежду — на 10,4%. Не менее значительным оказался разброс показателей роста расходов на непродовольственные товары, взятых за более длительный период. Так, в течение 1998—2008 гг. расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам выросли более чем в 8 раз, на электробытовую технику и другие товары длительного пользования — в 4,5 раза, на оплату жилья и коммунальных услуг — в 3,9 раз, на различные услуги и отдых — в 3,4 раза. Более чем в 3 раза выросли за десятилетие сбережения российских семей. На этом фоне не столь впечатляюще выглядит рост расходов на одежду (1,7 раз), горючее, различные виды топлива (1,7 раз), табачные изделия (1,2 раза).

Рисунки 2А—2Г содержат иллюстративный материал, отражающий ряд важных тенденций, которые раскрывают долгосрочные изменения в структуре расходов российских домохозяйств. Как следует из рисунка 2А, в 2007—2008 гг. в структуре расходов россиян продолжились изменения, неуклонно приближающие ее к современным западным стандартам. В целом с 1992 г. по 2008 г. доля расходов на продукты питания сократилась с 72,6% до 45%, тогда как доля расходов на непродовольственные товары выросла с 27,4% до 55%. В результате непрерывающегося развития этих тенденций соотношение рассматриваемых расходов, начиная с 2006 г., изменилось на противоположное — в большей степени соответствующее происходящим в стране социально-экономическим переменам. Но несмотря на такие существенные изменения, в России сохраняется достаточно высокая средняя доля расходов на продукты питания по всем домохозяйствам, остающаяся намного больше, чем в высокоразвитых странах. В США, Великобритании, Швеции, Германии и многих других западноевропейских странах средняя доля расходов семей на питание колеблется в пределах 6—15%. Расходы российских домохозяйств на продукты питания оказываются даже выше, чем в целом ряде стран, которые считаются беднее (Мексика, Турция и др.).

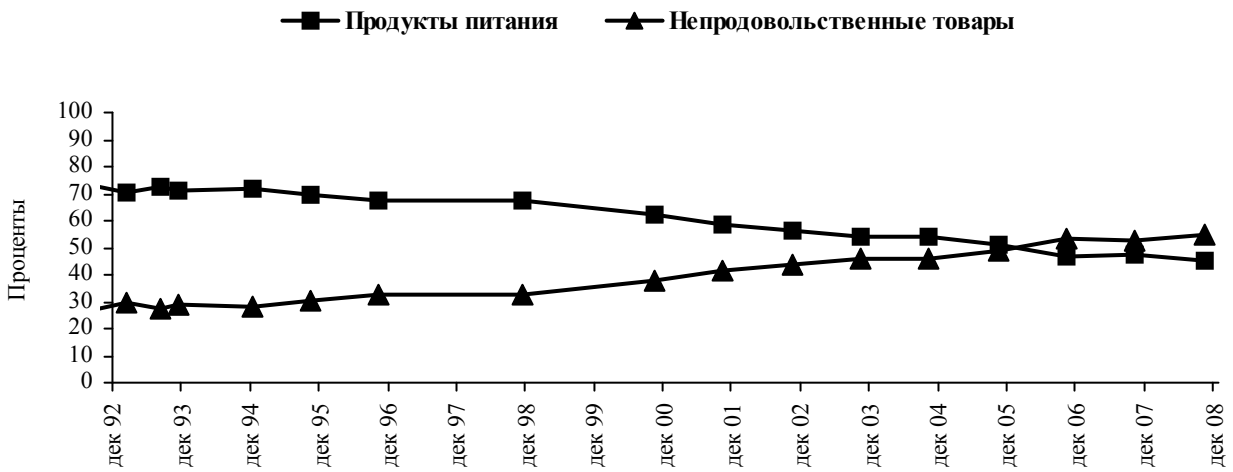

Рис. 2А. **Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары**

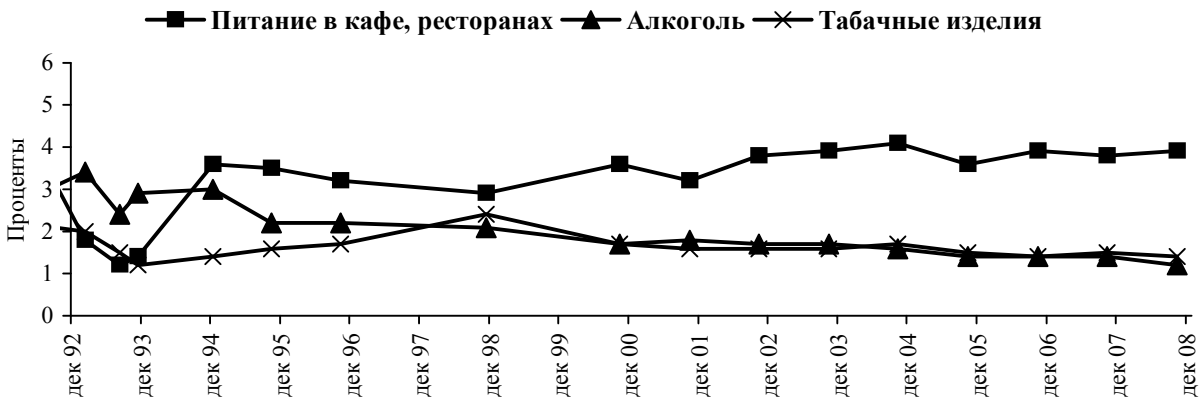

Рис. 2Б. **Структура расходов: питание вне дома, алкоголь и табачные изделия**

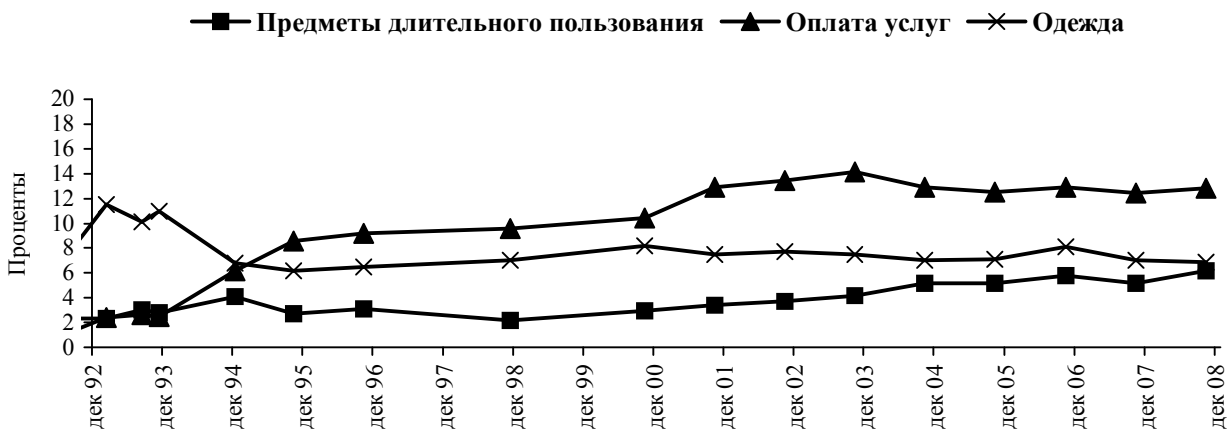

Рис. 2В. **Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда**

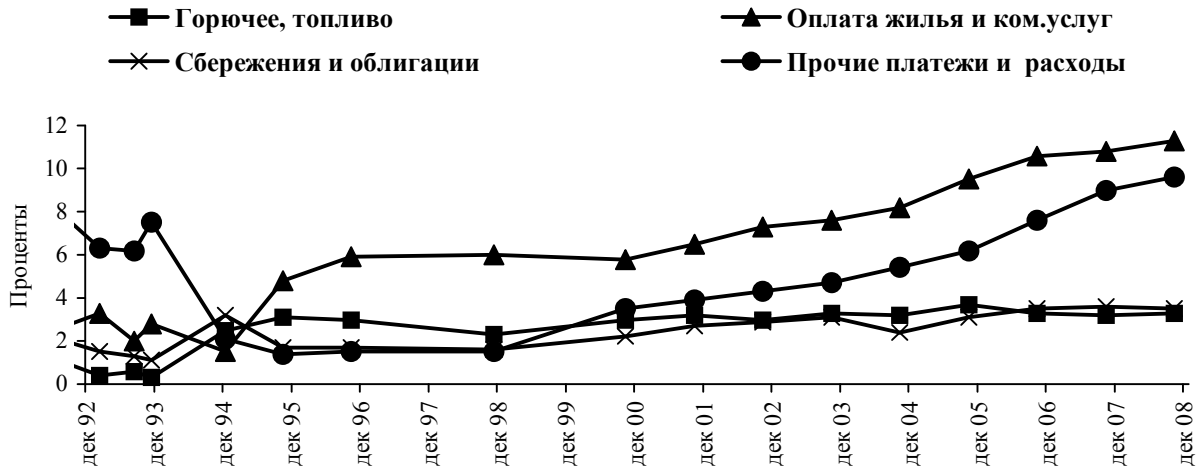

Рис. 2Г. **Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы**

При низких заработках соответствующей части граждан увеличение расходов на непродовольственные товары, квартплату и коммунальные услуги и уменьшение расходов на продукты питания становится причиной ухудшения структуры питания значительной части российских семей, что имеет негативные последствия для здоровья бедных и малообеспеченных слоев населения.

Обращает на себя внимание продолжающееся, после некоторого снижения в 2005 г., повышение доли расходов на питание вне дома (в ресторанах, кафе, столовых и т.п.) и снижение удельного веса расходов на алкогольную продукцию в общей структуре расходов домохозяйств. Если в первой половине 90-х годов прошлого века расходы на алкоголь составляли около 3% бюджета домохозяйств, то к 2008 г. их доля постепенно сократилась до 1,2% (рис. 2Б). В то же время практически неизменной (около 1,5%) на протяжении длительного времени остается доля расходов на табачные изделия.

Еще одной заметной тенденцией является рост доли семейного бюджета, расходуемого на предметы длительно пользования: с 1992 г. по 2006 г. — с 2,3% до 5,8% и затем к концу 2008 г. до 6,2%, т.е. в целом почти в 3 раза (рис. 2В). Доля семейного бюджета, расходуемого на услуги и отдых, с 1992 г. по 2003 г. последовательно выросла с 1,5% до 14,1%, но затем стабилизировалась на уровне немногим менее 13%. Удельный вес расходов на одежду после первоначального роста и последующих колебаний стабилизировался в 2004—2008 гг. на уровне 7%. Очень мало изменились и доли расходов на топливо и горючее, сбережения и облигации (рис. 2Г). В то же время, начиная с 1994 г., отмечается довольно существенный рост доли расходов на оплату жилья и коммунальных услуг (с 1,5% до 11,3%), а также на прочие платежи и расходы (с 2,1% до 9,8%).

В таблице 9 представлены ежемесячные расходы домохозяйств, попадающих в различные квинтили подушевого распределения расходов за 2008 г., которые служат еще одним убедительным свидетельством глубокого материального расслоения населения. Анализ изложенных в таблице данных выявляет, в частности, важную тенденцию, свидетельствующую об устойчивом уменьшении доли ежемесячных расходов на питание с увеличением общих расходов домохозяйств. В 2008 г. траты на питание составляли около 54% бюджета домохозяйств беднейшего расходного квинтиля и всего лишь 20% бюджета домохозяйств самого богатого квинтиля. При этом за последние два года удельный вес расходов на питание в беднейшем расходном квинтиле немного увеличился (примерно на один процентный пункт), тогда как в самом богатом снизился на 5%. Примечательно, что в 1998 г. эти доли составляли соответственно 71 и 43%.

В целом домохозяйства самого верхнего расходного квинтиля тратили в 2008 г. ежемесячно на питание в 3,4 раза больше, чем домохозяйства самого нижнего квинтиля. Примерно таким же был этот разрыв в 2005 г. и 2007 г., тогда как в 2006 г. он достигал 4,2 раз. Но если обратиться к более ранним данным, то можно обнаружить существенное уменьшение данного разрыва. Так, в 2000 г. рассматриваемый показатель достигал 5-ти раз, а в 1998 г. — 6-ти раз. Рассматривая эти данные, необходимо иметь в виду, что, несмотря на отмеченное сокращение, различия в расходах на питание, выраженных в абсолютных цифрах, увеличились. Что касается темпов роста затрат на питание, то в последние годы они были во всех квинтилях примерно одинаковыми.

Анализ выявляет значительные различия в дифференциации ежемесячных расходов между квинтильными группами по отдельным статьям расходов. В 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты, а также на мясо, птицу и рыбу между домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, составляла около 3,7 раз, на картофель — около 5 раз, на овощи и фрукты — 5,7 раз, на алкоголь — 7 раз, на питание вне дома — 8,8 раз. В то же время расходы на хлеб и продукты домашнего производства по квинтильным группам варьировали незначительно. К позитивным тенденциям можно отнести наметившееся снижение этих показателей, о чем свидетельствует сравнительный анализ данных за 2008 г. и 2006 г. В 2006 г. разница в ежемесячных расходах на мясо, птицу и рыбу между домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, составляла около 4,7 раз, на овощи и фрукты — 7,4 раз, на алкоголь — 10 раз, на питание вне дома — 12,6 раз. При этом, как

и прежде, очень четко прослеживается тенденция, свидетельствующая о том, что расходы на различные продукты последовательно растут от нижних квинтилей к верхним.

Таблица 9

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов. Ноябрь 2008 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов				
	Нижний 20%	21—40%	41—60%	61—80%	Верхний 20%
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	194	353	481	538	692
Мясо, птица, рыба	615	991	1362	1610	2288
Картофель	31	53	85	127	154
Хлеб	350	387	397	445	411
Фрукты, овощи	154	307	446	587	874
Прочие продукты питания	432	666	934	1136	1270
Питание в столовых, ресторанах, кафе	166	346	557	838	1466
Продукты домашнего изготовления	351	457	578	686	531
Алкоголь	50	70	129	214	351
Всего расходов на продукты питания	2343	3630	4970	6180	8036
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	89	134	137	194	226
Одежда	329	621	1006	1340	2589
Горючее, топливо	113	305	433	650	1167
Электроника и др. товары длительного пользования	93	232	668	1354	9640
Услуги и отдых	442	778	1324	1934	7819
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	130	422	720	1718	5448
Оплата жилья и коммунальных услуг	575	905	1105	1220	1573
Акции, облигации	0	0	0	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т.п.)	162	248	328	379	661
Сбережения	44	162	366	638	2239
Всего расходов на непродовольственные товары	1976	3809	6088	9428	31361
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	4320	7439	11057	15608	39397
Всего расходов на продукты питания. Октябрь 2007 г.	2188	3508	4581	6027	7375
Всего расходов на непродовольственные товары. Октябрь 2007 г.	1700	3316	4967	8278	26448
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары. Октябрь 2007 г.	3888	6825	9548	14305	33824

Необходимо также обратить внимание на существенные различия в структуре расходов на питание между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей. Так, если в структуре расходов домохозяйств нижнего квинтиля траты на хлеб достигают 14,9%, то в структуре расходов домохозяйств верхнего квинтиля — только 5,1%. В отношении питания в столовых, ресторанах, кафе и т.п. эти показатели составляют соответственно 7,1 и 18,3%, овощей и фруктов — 6,6 и 10,9%, продуктов домашнего производства — 15 и 6,6%, алкогольной про-

дукции — 2,1 и 4,4%. Что касается расходов на молочные продукты, мясо, птицу и рыбу, то в данном случае различия оказались незначительными.

Еще более существенными являются различия между богатыми и бедными в расходах на непродовольственные товары. И эти различия в последние годы становятся более ощутимыми. Если в 2006 г. домохозяйства верхнего квинтиля (подушевого распределения расходов) тратили на непродовольственные товары в 14 раз больше, чем беднейшие 20% домохозяйств, то в 2007 г. — в 15,6 раз, а в 2008 г. — уже почти в 16 раз. Характерно, что до 2006 г. доминировала противоположная тенденция, указывающая на постепенное сокращение различий в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами богатого и беднейшего квинтилей. Так, если в 1998 г. этот разрыв достигал 19,5 раз, в 2000 г. — 16 раз, то в 2005 г. — уже только 11,4 раз.

Наибольшее неравенство наблюдается по расходам на электробытовые товары и другие предметы длительного пользования. В 2008 г. на приобретение этих товаров самые богатые домохозяйства тратили в 104 раза больше, чем самые бедные. В 2006 г. эта разница была гораздо больше и достигала 139 раз. В целом в 2008 г. самые богатые домохозяйства расходовали на приобретение электроники и других предметов длительного пользования почти четверть своего бюджета, тогда как беднейшие — около 2%. В сравнении с 2006 г. доля этих расходов в бюджете богатых домохозяйств немного увеличилась (на 2%), а в бюджете беднейших домохозяйств не изменилась.

Самая богатая группа полностью доминирует и по объемам сбережений. В абсолютном выражении суммы сбережений домохозяйств верхнего и нижнего квинтилей различаются более чем в 50 раз, что, однако, немного меньше, чем в 2006 г., когда этот разрыв достигал 60 раз. В 2008 г. в бюджете богатейших домохозяйств сбережения составляли около 6%, тогда как беднейшие домохозяйства расходовали на эти цели около 1% семейного бюджета. Огромной является также разница в расходах на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Если в 2006 г. она составляла немногим более 19 раз, то в 2008 г. — уже более 40 раз. За два года значительно выросли также расходы, обеспечивающие соответствующую статью бюджета самых богатых домохозяйств: с 8 до 14%. При этом доля данных расходов в бюджете беднейших домохозяйств уменьшилась с 3,6 до 3%.

У богатых семей намного больше возможностей для организации нормального отдыха и оплаты дорогостоящих услуг. Если в 2006 г. они расходовали на услуги и отдых примерно в 16 раз больше, чем беднейшие 20% домохозяйств, то в 2008 г. — почти в 18 раз. В 2006—2008 гг. расходы на услуги и отдых составляли около 20% бюджета самых богатых домохозяйств, что вдвое превышает соответствующую долю бюджета беднейших домохозяйств.

Значительную часть бюджета бедных и малообеспеченных семей поглощает растущая стоимость жилья и коммунальных услуг. В 2006—2008 гг. эти расходы составляли более 13% бюджета домохозяйств беднейшего квинтиля и менее 5% бюджета богатейшей части домохозяйств. Напомним, что еще совсем недавно, в 2000 г., эти показатели были гораздо ниже — соответственно 7,1 и 2,6%. Вместе с тем в абсолютном выражении расходы богатых домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг на протяжении всех последних лет неизменно оказывались примерно в 3 раза выше, чем соответствующие траты домохозяйств беднейшего квинтиля.

Среди других различий отметим, что разница между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей в ежемесячных расходах на горючее, топливо составляла в 2008 г. около 10 раз, на одежду — более 8 раз и на табачные изделия — примерно 2,5 раза. Примечательно, что в 2008 г. доля расходов на горче, топливо была немного выше в семейном бюджете домохозяйств верхнего квинтиля (3% против 2,6% в бюджете беднейших домохозяйств), тогда как доля расходов на одежду — в бюджете домохозяйств нижнего квинтиля (7,6% против 6,5% в бюджете богатых домохозяйств).

Рассматривая данные, изложенные в таблице 9, необходимо обратить внимание на огромный отрыв по уровню материального благосостояния богатейшей части домохозяйств от остальной части населения. Об этом свидетельствуют в частности, показатели, характеризующие различия в уровне расходов между домохозяйствами богатейшего квинтиля и

ближайшего к нему четвертого квинтиля. Так, в 2008 г. расходы домохозяйств верхнего квинтиля превышали расходы домохозяйств предыдущего квинтиля в 2,5 раза. При этом разница в расходах на непродовольственные товары достигала 3,3 раз. Что касается отдельных товаров, то наибольшие различия наблюдались в отношении электротоваров (7,1 раз), услуг и отдыха (4,1 раз), сбережений (3,5 раз), оплаты обучения, выплат по займам, кредитам и страховым полисам (3,2 раза).

Таким образом, анализ данных РМЭЗ свидетельствует о нарастании тенденции дифференциации населения по расходам, углублении разрыва в стандартах потребления между бедными и богатыми слоями общества, которое наблюдалось после 2005 г. Если в 2005 г. общие расходы 20% самых богатых домохозяйств были выше соответствующих расходов домохозяйств беднейшего квинтиля в 6,7 раз, то в 2006 г. — в 8,9 раз, в 2007 г. — в 8,7 раз и в 2008 г. — в 9,1 раз. В 2002—2004 гг. указанное соотношение оставалось равным приблизительно 8 раз, а не далее как в 1998 г. около 10-ти раз. Особенно четко эта тенденция проявилась в возросшем разрыве расходов на непродовольственные товары и услуги не только между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами, но и между богатыми и всеми остальными российскими семьями. Основными факторами изменения структуры потребительских расходов в последние годы являлись инфляционные процессы и значительная дифференциация в росте цен на различные товары и услуги, динамика реальных доходов домохозяйств различных типов, удорожание жилья, коммунальных и транспортных услуг, рост расходов домохозяйств на оплату обучения и медицинские услуги.

1.3. Владение предметами длительного пользования

Важнейшей составляющей семейного потенциала, определяющей качество и стиль их жизни, отражающей долговременную связь доходов с уровнем потребления, является имущественная обеспеченность домохозяйств, т.е. обеспеченность недвижимостью и крупными предметами, а также обеспеченность основными предметами культурно-бытового и хозяйственного назначения. Существенной стороной современного быта как городской, так и сельской семьи в предкризисный период являлось более широкое использование разнообразной бытовой техники, все более активное приобретение современных ее образцов. Повышение потребительской активности семей в этот период сопровождалось изменением их потребительских предпочтений и покупательских возможностей. Для все большего количества семей стало актуальным желание иметь определенную модель автомобиля, конкретный тип бытовой техники.

В 2007—2008 гг. обеспеченность российских домохозяйств предметами длительного пользования характеризовалась в целом позитивными тенденциями (табл. 10). При этом по ряду товарных групп наблюдались весьма существенные сдвиги. Так, только за два последних года уровень обеспеченности домохозяйств легковыми и грузовыми автомобилями вырос с 29,6 до 34,5%, т.е. на 4,9%. И это были самые высокие темпы роста, начиная с 1992 г. Данная тенденция являлась одной из самых надежных и не прерывалась даже в самые неблагополучные периоды. В целом с 1992 г. по 2008 г. доля домохозяйств, владеющих автомобилями, увеличилась более чем вдвое. В результате этих перемен владельцами автомобилей стали свыше трети семей, часть которых имеют по два и более автотранспортных средств. Хотя при этом нельзя не заметить, что приобретение автомобилей носит избирательный характер и зависит от многих факторов.

Все больше российских граждан могут назвать себя частными собственниками, поскольку являются владельцами квартир, дач, коттеджей, земельных участков и пр. Некоторое сокращение владельцев дач (садовых домиков или домов в деревне), которое наблюдалось с 2000 г., объясняется, скорее всего, тем, что среди домохозяйств возросло количество обладателей более благоустроенного и комфортного загородного жилья, которое не подпадает под прежнее определение. Вместе с тем стоит обратить серьезное внимание на тот интересный факт, что после длительного периода, характеризующегося сокращением удельного веса владельцев дач, наблюдавшегося с конца 90-х годов прошлого века, в 2008 г. произошло их уве-

личение с 23,7 до 24,4%. Анализ не выявляет однозначной зависимости между доходами домохозяйств и наличием у них дач. Но роль земельных участков в обеспечении материального благосостояния семей с ростом доходов домохозяйств заметно снизилась.

Таблица 10

Процент владеющих различными предметами длительного пользования на момент проведения опроса

Предметы длительного пользования	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Черно-белый телевизор	53,7	43,4	34,5	29,8	21,5	13,4	—	—	—
Цветной телевизор	54,6	67,6	73,5	75,9	82,9	87,8	92,7	95,0	96,4
Видеомагнитофон	3,1	24,7	32,2	33,4	38,8	42,6	41,8	40,3	35,2
Компьютер	—	—	4,0	4,1	8,2	16,1	26,7	32,2	38,2
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	22,5	24,8	26,3	28,6	27,8	29,6	32,1	34,5
Холодильник	93,0	92,8	92,4	93,3	94,4	94,6	—	—	—
Холодильник «NO FROST»	—	—	—	—	—	—	21,6	29,2	35,0
Стиральная машина	76,6	78,4	78,5	79,1	78,9	80,4	—	—	—
Автоматическая стиральная машина	—	—	—	—	—	—	39,7	46,2	53,0
Дача	17,8	30,8	30,9	30,4	28,8	27,1	25,3	23,7	24,4

* Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

Практически каждая российская семья обеспечена сегодня цветным телевизором. Это стало особенно очевидным после существенного роста владельцев цветных телевизоров, который произошел в последние два года: с 92,7 до 96,4%, т.е. на 3,7%. Хотя еще совсем недавно, в 2000 г., такими телевизорами обладали только три четверти домохозяйств. Что касается черно-белых телевизоров, то они, как следовало ожидать, доживают свой век и сохранились (зачастую «на всякий случай») только в одном из восьми — десяти российских домохозяйств.

Постепенно сокращается также удельный вес домохозяйств, имеющих видеомагнитофоны. Эта тенденция берет свое начало в конце 2005 г., т.е. когда на смену видеомагнитофонам стала все быстрее приходить новая, более совершенная видеотехника (DVD-плееры, компьютеры с DVD). До этого времени количество домохозяйств, владеющих видеомагнитофонами, только росло. Наиболее быстрыми темпами этот процесс шел в первой половине 90-х годов прошлого века. За 1992—1996 гг. доля домохозяйств, которые обзавелись этой, пользующейся тогда огромным спросом, бытовой техникой, выросла с 3,1 до 24,7%, т.е. почти в 8 раз. Но с 2005 г. по 2008 г. их доля уменьшилась с 42,9 до 35,2% т.е. на 7,7%. Количество семей, избавляющихся от устаревшей видеотехники, идет нарастающими темпами. Так, если за 2006 г. доля владельцев видеомагнитофонов сократилась всего лишь на 1,1%, то за 2008 г. — уже на 5,1%.

Вопрос о наличии у населения DVD-плееров, а также микроволновых печей впервые задавался в конце 2005 г. Опрос показал, что микроволновые печи на тот момент имели около 18%, а и DVD-плееры — почти 16% российских домохозяйств.

Несмотря на то, что обеспеченность такими предметами стандартного потребительского набора, как холодильники и стиральные машины, в целом по России находится на уровне западноевропейских и других высокоразвитых стран, обеспеченность новыми образцами, превращающими этот стандартный потребительский набор в современный и престижный, еще существенно отстает от передовых государств. Вместе с тем этот разрыв довольно быстро сокращается. За 2007—2008 гг. удельный вес домохозяйств, владеющих современными холодильниками «No Frost» вырос с 21,6 до 35,5, т.е. на 13,9% или почти в 1,7 раз. За этот же период доля владельцев автоматических стиральных машин увеличилась с 39,7 до 53%, т.е. на 13,3% или в более чем 1,3 раза.

Очень быстрыми темпами продолжается компьютеризация российских домохозяйств. Если в 1998—2000 гг. имели во владении персональный компьютер около 4% домохозяйств, то в 2002 г. — уже 8,2%, в 2004 г. — 16,1%. Таким образом, практически каждые 2 года происходило удвоение владельцев компьютерной техникой. За следующие два года их доля выросла до 26,7%, т.е. на 10,6% или почти в 1,7 раз. Примерно таким же этот рост был и в 2007—2008 гг., когда доля семей, владеющих персональными компьютерами, увеличилась до 38,2%, т.е. на 11,5% или почти в полтора раза.

По мере компьютеризации домохозяйств значительно увеличилось число пользователей компьютерной техникой. В 2000 г. о пользовании компьютером в течение предыдущих 12 месяцев сообщали около трети респондентов, тогда как в 2008 г. уже свыше половины. За этот период почти в полтора раза выросла также доля граждан, использующих его по месту работы или учебы (с 22,3 до 31,4%). Динамика пользования компьютером среди занятых была сходной. Доля компьютерных пользователей среди женщин и мужчин примерно одинакова (немногим более 50%), но женщины заметно чаще мужчин пользуются им в «производственных» целях — 42% против 36%. С возрастом доля пользователей компьютером снижается, а по мере повышения уровня образования возрастает. Огромный контраст существует между городом и селом: среди городских жителей компьютерно «активными» являются примерно две трети, среди сельских — только треть (в том числе в «производственных» целях компьютером пользуются 44% горожан и лишь 25% сельчан).

Постоянно растет и количество домохозяйств, пользующихся услугами Интеренета. Среди респондентов мониторинга удельный вес пользователей Интернета за шесть лет вырос почти в 3 раза: с 12% в 2003 г. до 33% в 2008 г. Значительной была также динамика пользования Интернетом в «производственных» целях: 2000 г. — 6%, 2008 г. — 17%.

В целом степень обеспеченности различных домашних хозяйств довольно дорогостоящей техникой бытового и культурного назначения не одинакова. Как показывает анализ данных Российского мониторинга, уровень обеспеченности домохозяйств предметами длительного пользования тем выше, чем выше статус населенного пункта, в котором проживает семья, и, следовательно, чем он крупнее. Наиболее высокая насыщенность отмечается в региональных центрах, а наименьшая — в сельской местности. В целом городские домохозяйства обеспечены предметами длительного пользования гораздо лучше, чем сельские. Различия в структуре потребления товаров культурно-бытового назначения между городским и сельским населением обусловливаются прежде всего материальным достатком и накладывают существенный отпечаток на потребление. Кроме того, особенности потребностей в предметах длительного пользования определяются уровнем образования, возрастом, составом семьи, родом занятия и другими социально-демографическими факторами, а также уровнем развитости культурно-бытовой сферы.

Не одинакова степень обеспеченности предметами длительного пользования различных типов семей. Как и прежде, наиболее высокий уровень обеспеченности наблюдается в полных семьях среднего возраста, а наименьший — у молодых семей.

Кроме того, данные Российского мониторинга демонстрируют существенный рост обеспеченности домохозяйств основными предметами культурно-бытового назначения по мере роста их доходов и расходов. Прежде всего обращает на себя внимание огромное превосходство домохозяйств самого богатого квинтиля над беднейшими домохозяйствами по уровню обеспеченности компьютерами, достигающее 7 раз. В самом богатом квинтиле также намного больше домохозяйств, имеющих видеомагнитофоны, современные холодильники, автоматические стиральные машины, автомобили отечественного и иностранного производства.

1.4. Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

Важнейшим показателем, позволяющим оценивать социально-экономическое положение активного населения с точки зрения доступа к трудовым доходам, а также во многом определяющим характер воздействия рынка труда, развивающегося в динамично меняю-

щихся социально-экономических условиях, является безработица. Общие сведения по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 по 2008 гг. содержатся в таблице 11. В нее включены как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Как свидетельствуют данные Российского мониторинга, 2007—2008 гг. стали периодом стабилизации ситуации на рынке труда, которая не создавала ощущения приближающего экономического кризиса. Из данных, приведенных в таблице 11, хорошо видно, что достаточно быстрое снижение уровня безработицы, наблюдавшееся после 1998 г., в дальнейшем существенно замедлилось. В начале осени 2008 г. уровень безработицы составлял около 5%, что лишь на 0,2% меньше, чем в конце 2006 г, но более чем вдвое меньше, чем в 1998 г., когда данный показатель достигал максимального значения. Вместе с тем нельзя не отметить, что 2008 г. стал в определенном смысле знаковым, поскольку именно в этом году был достигнут самый низкий уровень безработицы, начиная с 1992 г. Прежнее минимальное значение, составляющее 5,1%, было зафиксировано в конце 1993 г. Поправки на «скрытую» безработицу играли более или менее существенную роль только на первом этапе экономических и социальных реформ. Например, в конце 1993 г., когда данный показатель замерялся впервые, уровень скрытой безработицы достигал 3,8%. Однако в более поздние годы эти поправки были уже несущественны.

Таблица 11

Уровень безработицы среди экономически активного населения: мужчины 18—60 лет; женщины 18—55 лет (в %)

Категории	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	8,8	10,8	8,4	6,9	6,9	5,2	5,3	5,0
Уровень безработицы (включая «скрытую безработицу»)[1]	—	8,8	11,2	8,5	7,0	6,9	5,3	5,3	5,1
Уровень «скрытой безработицы»	—	0,0	0,5	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	21,4	17,1	10,8	8,8	5,1	4,8	4,2	3,5
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)									
Менее 1 месяца	—	7,7	5,4	9,0	6,8	11,4	15,3	11,4	13,4
1—3 месяца	—	13,0	20,6	15,8	20,9	20,1	22,5	27,6	20,5
Более 3 месяцев	—	79,4	74,0	75,3	72,3	68,5	62,2	61,0	66,2
Участие в рабочей силе	86,7	84,5	82,6	82,4	82,4	82,2	82,0	81,8	82,2
Доля работников, заявивших о смене места работы	—	—	9,9	11,2	13,1	12,9	13,4	13,6	11,3
Доля работников, заявивших о смене профессии	—	—	7,5	8,1	9,3	7,9	8,8	9,3	8,3

Структура безработицы претерпела за последние два года не особенно существенные изменения, оставаясь преимущественно долгосрочной. В течение 2007—2008 гг. доля краткосрочной безработицы (продолжительностью до одного месяца) снизилась только на 1,9% (с 15,3% в 2006 г. до 13,4% в 2008 г.), а среднесрочной (от одного до трех месяцев) — на 2% (со-

[1] «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

ответственно с 22,5 до 20,5%). В результате этого снижения доля безработицы длительностью более трех месяцев увеличилась с 62,2 до 66,2%, т.е. на 4 процентных пункта. Примечательно, что вплоть до 2007 г. данный показатель только снижался. В целом за 1996—2006 гг. это снижение составило 17,2% (соответственно с 79,4 до 62,2%). Что касается краткосрочной безработицы, то ее удельный вес за этот же период удвоился (с 7,7 до 15,3%).

Дальнейший анализ показал, что безработица среди женщин, как правило, выше, чем среди мужчин, но все же не настолько, чтобы можно было делать вывод о наличии серьезных гендерных различий, имеющих далеко идущие последствия. В этом можно убедиться, обратившись к данным Российского мониторинга, представленным на рисунке 3, которые демонстрируют динамику уровня безработицы отдельно для мужчин и для женщин. Как показывает практика, значительное преобладание женщин наблюдается, как правило, только среди зарегистрированных безработных. Но это свидетельствует только о том, что женщины чаще обращаются за помощью в государственные службы занятости, уповая на помощь государственных структур или идеализируя возможности биржи труда, а мужчины предпочитают решать проблему трудоустройства самостоятельно, полагаясь на собственные силы, друзей, родственников и хороших знакомых.

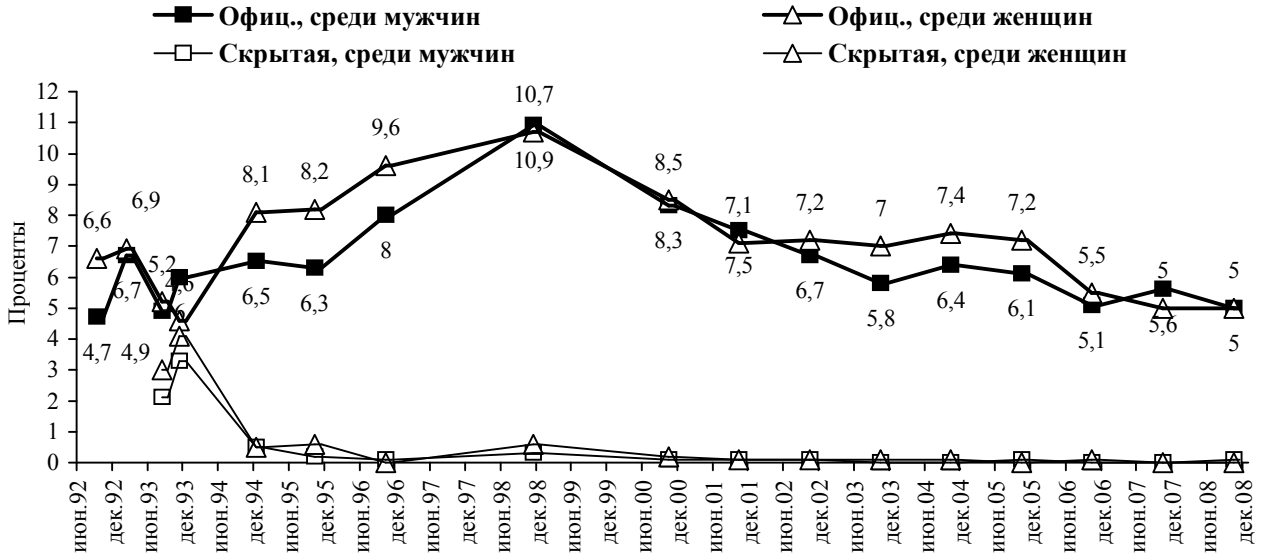

Рис. 3. **Уровень безработицы среди мужчин и женщин (в %)**

В последние два года значения уровня безработицы среди мужчин и женщин были практически одинаковыми и менялись несущественно. Если в 2006. г. женская безработица превышала мужскую на 0,4%, то в 2007 г. уже мужская безработица превышала женскую на 0,6%. И, наконец, в 2008 г. безработица среди мужчин и женщин остановилась на одном уровне — около 5%. В предыдущие годы наблюдались более значительные различия. Так, в 1994—1996 гг. доля безработных женщин была на 1,5—2% выше доли безработных мужчин, а в 2003—2005 гг. эта разница составляла 1—1,2%. Но были и другие годы, когда мужская безработица или превосходила женскую, или практически совпадала с последней.

При стабилизации общих значений безработицы в предкризисный период наблюдался очаговый характер напряженности на рынке труда: критическое положение сложилось в ряде регионов, отдельных территорий и населенных пунктов, а также было характерно для некоторых профессиональных групп. Сохранились огромные региональные различия в уровне безработицы. Так, по данным Росстата, к началу 2008 г. самый низкий уровень безработицы наблюдался в Москве (0,8%). В Московской области уровень безработицы составлял около 2%, Санкт-Петербурге — 2,1%, Челябинской области — 2,5%, Тульской области — 2,6%, Липецкой, Костромской, Ярославской, Калининградской, Рязанской и Ленинградской

областях, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах — от 2,7 до 4%. Но в то же время в ряде так называемых депрессивных регионов отмечался некоторый рост безработицы и снижение уровня занятости. К таким регионам относятся: в Дальневосточном федеральном округе — Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область; в Сибирском федеральном округе — Новосибирская область; в Приволжском федеральном округе — Татарстан, Удмуртия и Чувашия; в Южном федеральном округе — Калмыкия, Астраханская область, Северная Осетия; в Северо-Западном федеральном округе — Калининградская, Мурманская и Новгородская области; в Центральном федеральном округе — Смоленская, Воронежская, Орловская и Ивановская области. Для этих регионов характерно наличие территорий с большим количеством городов и поселков, градообразующей основой которых являются одно-два предприятия. Что касается самых высоких значений безработицы, то они наблюдались в Чеченской Республике (53%) и Ингушской Республике (47,3%). В Дагестане, Карачаево-Черкесии, Тыве и Кабардино-Балкарии уровень безработицы составлял от 17% до 20%.

Рассматривая изложенные данные, свидетельствующие об определенной стабилизации уровня безработицы в наиболее благополучные для России годы, нельзя забывать об очень сильной зависимости данного показателя от ситуации, складывающейся в экономической сфере. Развитие неблагоприятных явлений в экономике способно привести к резкому росту безработицы, что нашло полное подтверждение в период вовлечения России в орбиту глобального финансово-экономического кризиса, вызвавшего резкий спад производства в большинстве регионов России. В результате в конце 2008 г. по стране прошла волна сокращений, затронувшая в наибольшей мере строительство, металлургию, автомобильную промышленность, а также кредитные и банковские учреждения. По данным Росстата, общее число безработных россиян за декабрь 2008 г. выросло на 26,1% по сравнению с декабрем 2007 г. и достигло 5,8 млн. человек. Таким образом, 7,7% экономически активного населения в соответствии методикой МОТ классифицировались как безработные. В государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных было зарегистрировано 1,5 млн. человек. Число официально зарегистрированных безработных в декабре к ноябрю 2008 г. выросло на 9,7%.

В России уже на протяжении длительного периода в больших или меньших масштабах воспроизводится одна и та же модель рынка труда — искусственное сохранение занятости за счет манипуляций с заработной платой, переходом на неполную занятость, отправкой работников в неоплачиваемые отпуска и т.п. В наибольшей степени это характерно для депрессивных регионов. В кризисных условиях использование данной модели приобретает особенно масштабный характер. Использование подобной модели снижает социальную напряженность и позволяет избежать социального взрыва, обвального нарастания безработицы, но в то же время консервирует неэффективную структуру экономики и тормозит социально-экономическую модернизацию. Искусственная маскировка безработицы, по мнению специалистов, расширяет категорию «работающих бедных»[1].

В условиях начала глобального экономического кризиса резкий рост безработицы был отмечен не только в России, экономика которой все глубже интегрируется в систему глобальных рынков, но и во многих других странах. Так, в США безработица в начале декабря 2008 г. достигла самого высокого уровня за 15-летний период — 6,7% от всего трудоспособного населения, что составило 10,3 млн. человек. В Великобритании безработица в этот же период достигла уровня 6% (около 2 млн. человек) — самого высокого за последние 10 лет. Наивысшие значения безработицы среди стран Евросоюза были отмечены в Испании и Словакии — соответственно 12,8 и 10%, а самые низкие в Нидерландах (2,5%), Австрии (3%) и Дании (3,2%).

Как следует из таблицы 11, удельный вес респондентов, работавших в течение последнего месяца, но не получивших заработную плату, продолжая монотонно снижаться, упал за последние два года до минимального значения: с 4,8% в 2006 г. до 3,5% в 2008 г. Общее снижение, взявшее старт после 1996 г., составило 17,9%.

[1] Независимая газета. 2009. 16 сентября.

Нижние две строки таблицы демонстрируют отдельные тенденции, характерные для сферы профессиональной мобильности. Из изложенных в таблице данных видно, что в конце 2008 г. доля работников, заявивших о смене места работы в течение последнего года, составила 11,3%. Это несколько меньше, чем в 2001—2007 гг., и примерно столько же, сколько в 2000 г. Менее значительную роль в механизме перераспределения рабочей силы в анализируемый период играла смена профессии. В конце 2008 г. заявили о смене профессии 8,3% работающих, что лишь немного меньше, чем 8,8% в 2006 г., а также 9,3% в 2002 г., когда было зафиксировано пиковое значение.

Эволюция участия в рабочей силе в течение рассматриваемого периода прошла два этапа. Первый — этап динамичного сокращения уровня занятости экономически активного населения (мужчины в возрасте 18—60 лет и женщины — 18—55 лет), который длился с 1992 по 1998 г., и второй — этап медленного сокращения, начавшийся после 1998 г. При этом в 2008 г. был отмечен некоторый рост участия в рабочей силе в сравнении с 2007 г. — с 81,1 до 82,2%. Но в целом изменения, характерные для последнего десятилетия, были несущественными. В 2008 г. уровень занятости экономически активного населения был лишь на 0,4% меньше, чем в 1998 г.

На протяжении всего периода систематических наблюдений участие мужчин работоспособного населения в рабочей силе было неизменно выше участия женщин. Как следует из рисунка 4, начиная с 1998 г. коэффициент участия в рабочей силе мужчин колеблется в пределах 84—86%, женщин — в границах 78—81%. При этом стоит обратить внимание на некоторое нарастание участия мужчин и женщин в рабочей силе после 2005 г., когда отмечались минимальные значения (соответственно 83 и 77,5%).

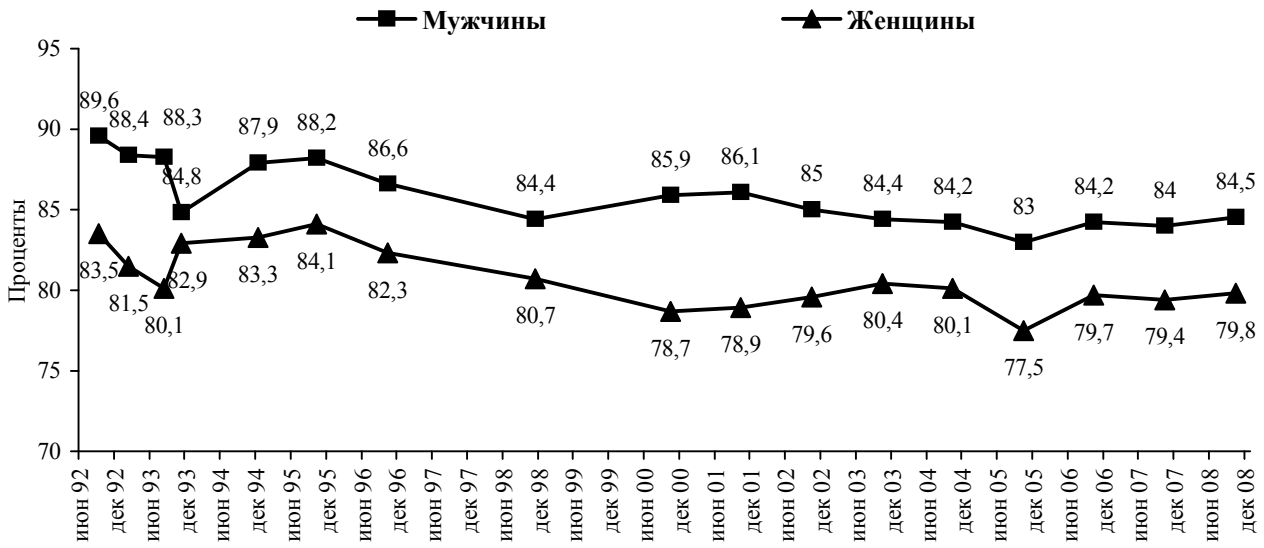

Рис. 4. **Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста**
(имеющие работу или ищущие ее) (в %)

Одной из наиболее заметных тенденций является последовательное нарастание с конца 2003 г. доли работающих пенсионеров (рис. 5). В 2008 г. на рынке труда был активен примерно каждый пятый гражданин пенсионного возраста, что примерно на 5 процентных пунктов больше, чем в 2003 г. и примерно столько же, сколько в первой половине 90-х годов прошлого столетия. Динамика показателей занятости мужчин и женщин пенсионного возраста до конца 2003 г. носила разнонаправленный характер: в то время когда доля работающих мужчин пенсионного возраста последовательно снижалась, процент работающих женщин монотонно увеличивался (1992—2001 гг.), и наоборот (2001—2003 гг.). Но после 2003 г. и у мужчин, и у женщин пенсионного возраста отмечалась только позитивная динамика занятости. Так, за 2003—2008 гг. удельный вес занятых среди мужчин-пенсионеров вырос с 15,7 до 19%, т.е. на 3,3%, тогда как среди женщин пенсионного возраста — с 15,6 до 21,1%, т.е. на

5,5%. Характерно, что в течение последних двух лет удельный вес занятых в мужской когорте пенсионеров практически не изменился, в то время как в женской когорте увеличился довольно существенно — на 3,2%.

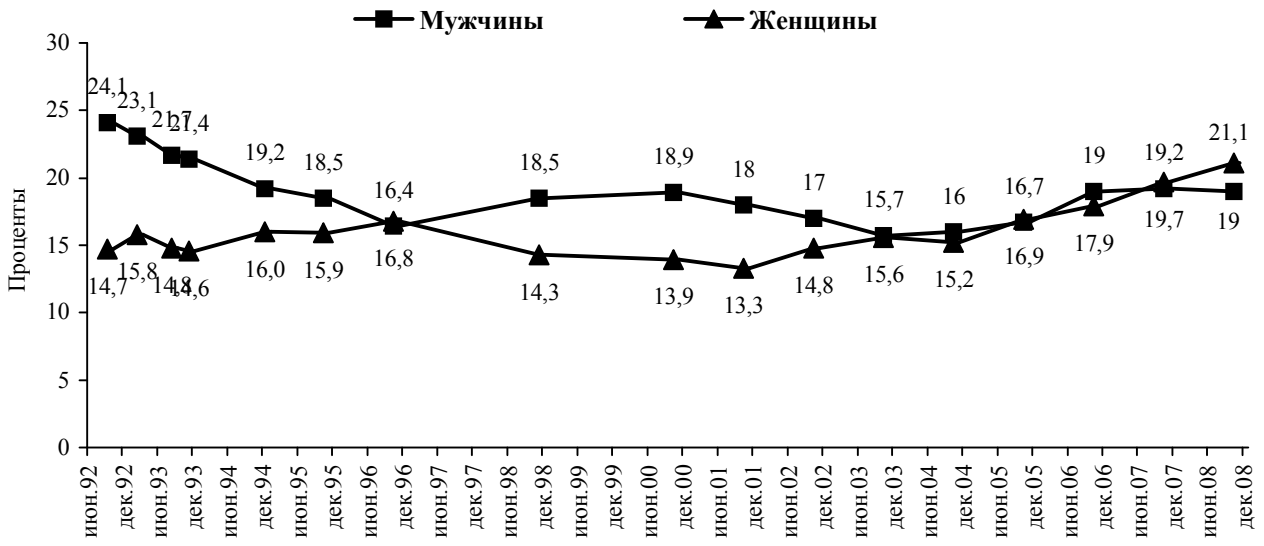

Рис. 5. **Процент работающих пенсионеров: мужчины и женщины**

В основном пенсионеры заняты как профессионалы с высшим образованием и разнорабочие. Если в 1994—1995 гг. к профессионалам с высшим образованием относился примерно каждый пятый работающий пенсионер, то, начиная с 1996 г., приблизительно каждый четвертый. Примерно такой же по численности является когорта разнорабочих или неквалифицированных рабочих разных отраслей. Весьма значительной по численности является также когорта профессионалов со средним специальным образованием, на долю которых приходилось в разные годы от 13% до 16% работающих пенсионеров. Примерно один из десяти занятых пенсионеров постоянно относится к ремесленникам и еще каждый десятый — к промышленным рабочим. Обращает на себя внимание постепенное увеличение среди работающих пенсионеров удельного веса занятых в сфере обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства и торговли (с 4,4% в 1994 г. до 6,9% в 2008 г.) и сокращение доли конторских служащих, т.е. лиц, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом и обслуживанием населения (соответственно с 6,9% до 3,3%). Сравнительно большой по численности является когорта законодателей, крупных чиновников, управляющих всех уровней (около 9,5%). Основными отраслями занятости пенсионеров являются образование, здравоохранение, торговля и бытовое обслуживание. В этих отраслях экономики трудятся около 42% всех работающих пенсионеров. А реже всего они встречаются среди тружеников энергетики, финансовой сферы, сельского хозяйства и органов управления. По остальным отраслям экономики работающие пенсионеры распределены достаточно равномерно.

В условиях, когда процесс постарения населения стал объективной реальностью на всей территории России, проблема занятости пенсионеров приобретает новое звучание. Это связано с тем, что положение лиц с фиксированными доходами, к каковым относятся пенсионеры, в условиях неустойчивой экономики является исключительно уязвимым, так как в решающей степени определяется теми мероприятиями, которые проводятся государством в области социальной защиты данной категории населения. Рассчитывая главным образом на общегосударственную систему пенсионного обеспечения, лица пенсионного возраста находятся в наибольшей зависимости от нее по сравнению с различными группами трудоспособного населения. Но поскольку возможности государства сегодня невелики, важнейшую роль в поддержании более или менее достойного уровня жизни пенсионеров приобретает заня-

тость граждан данной категории. В этой связи особенно ценным представляется сохранение в предкризисный период тенденции, демонстрирующей рост процента занятых пенсионеров.

Важно учитывать и то, что, по прогнозам многих специалистов, в перспективе внимание к занятости пожилых людей повысится, поскольку пенсионеры станут одним из важных ресурсов расширения предложения на рынке труда. Это объясняется быстрой убылью населения в трудоспособном возрасте, превратившейся в одну из самых острых проблем России. По мере выхода российской экономики из кризиса убыль населения в трудоспособном возрасте будет ощущаться все острее. Огромное значение в связи с этим приобретает увеличение общего периода пребывания людей на рынке труда, которое может происходить за счет стимулирования более позднего выхода граждан на пенсию и снятия всевозможных барьеров, препятствующих пожилым людям заниматься активной трудовой деятельностью. Резервы в данном случае огромны, если учесть, что в стране насчитывается свыше 38,5 млн. пенсионеров, из которых около 30 млн. являются пенсионерами по старости. В качестве другого ресурса рынка труда рассматриваются инвалиды, которых в России больше, чем во всех развитых странах. Но уровень их занятости остается крайне низким. Если в странах ОЭСР работают около 50—70% инвалидов трудоспособных возрастов, то в России трудится только около 12% инвалидов.

1.5. Уровень бедности

Рост доходов в предкризисный период сопровождался снижением уровня бедности населения. По данным мониторинга, за 2007—2008 гг. удельный вес домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума снизился с 5,9 до 3,5% (рис. 6)[1]. При этом уровень крайней бедности, определяемый как доля домохозяйств с доходом меньше 50% от черты бедности, сократился с 1,8 до 1,6%.

Указанные изменения явились продолжением общей тенденции, берущей начало после предыдущего финансово-экономического кризиса, которая характеризовалась последовательным снижением доли домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума. С 1998 г. по 2008 г. уровень бедности снизился на 32,2% или в 6,5 раз. Еще более впечатляющим было сокращение уровня крайней бедности. За этот же период он уменьшился на 14,3% или почти в 10 раз, достигнув самого низкого значения из когда-либо зафиксированных в ходе опросов РМЭЗ.

Анализируя вышеизложенные данные, нельзя забывать об относительности выбранного критерия для измерения бедности — прожиточного минимума, который не обеспечивает гражданам права на достойную жизнь. Многие из тех, кто находится выше этой условной черты, живут в крайне сложных материальных условиях и довольствуются только самым необходимым. Причем в 2008 г. цены на товары и услуги, составляющие корзину прожиточного минимума, росли быстрее общего индекса потребительских цен.

Очевидно, что больше всего рискуют стать бедными представители депривированных категорий — семьи сельских жителей, с детьми дошкольного возраста, а также семьи, имеющие иждивенцев, не достигших трудоспособного возраста, или взрослого возраста, но не способных работать или с ограниченной трудоспособностью (инвалиды, тяжелобольные и др.). Риск стать бедным очень велик и у пожилых людей, прежде всего неработающих и лишенных материальной поддержки взрослых детей и других близких родственников.

---

[1] При определении уровня бедности использовались пороги бедности, подсчитанные с учетом следующих факторов: экономия масштаба в больших семьях; различия в ценах по областям Российской Федерации; особенности продуктовых корзин населения, проживающего в различных регионах страны.

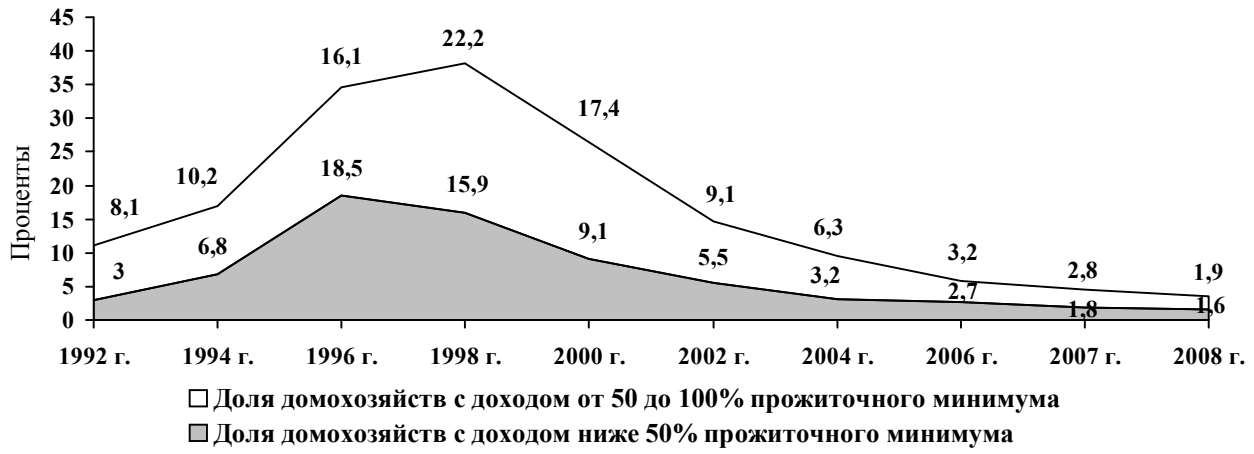

Рис. 6. **Уровень бедности по домохозяйствам**

Как и прежде, повышенная иждивенческая нагрузка относится к важнейшим факторам, определяющим положение семей с детьми относительно черты бедности. Вместе с тем малолетние дети значительно выиграли от увеличения доходов домохозяйств, имевшего место после 1998 г. С 1998 г. по 2008 г. доля детей дошкольного возраста, проживающих в бедных семьях, снизилась с 56,2 до 6,2%,т.е. в 9 раз, в том числе проживающих в семьях с доходом ниже 50% прожиточного минимума — с 25,4 до 3,1%, т.е. более чем в 8 раз (рис. 7). Довольно значительным было снижение данных показателей в последние два года. Так, за 2007—2008 гг. уровень бедности среди детей дошкольного возраста сократился на 4,1%, в том числе крайней бедности — на 1,5%. Учитывая, что наибольшее снижение уровня бедности детей пришлось на более ранний период, данные изменения можно считать довольно существенными.

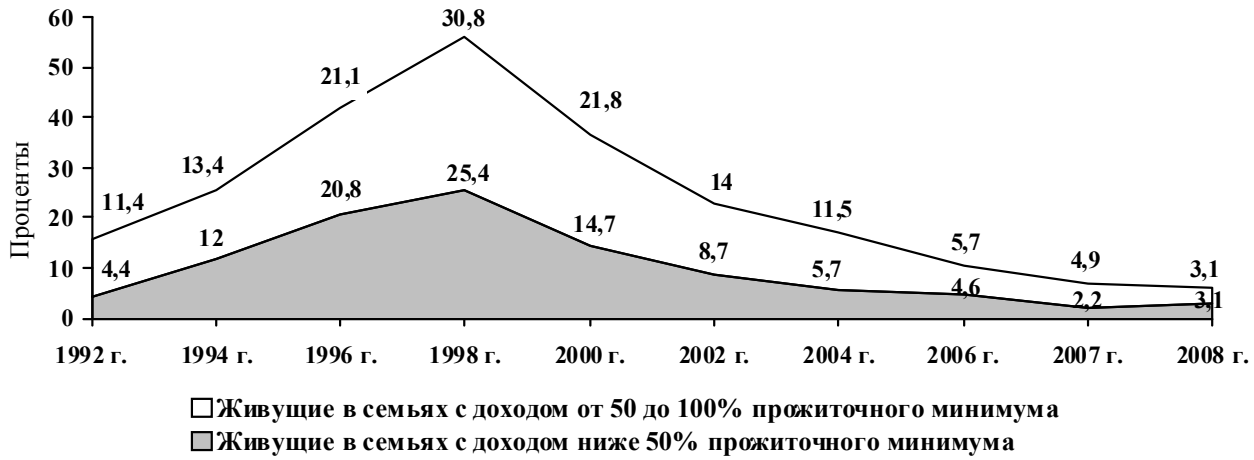

Рис. 7. **Процент детей в возрасте до 7 лет, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума**

До минимума снизился также уровень бедности среди пенсионеров: с 29,8% в 1996 г., когда было зафиксировано максимальное значение, до 1,5% в 2008 г. (рис. 8). При этом следует заметить, что уровень бедности среди лиц пенсионного возраста был постоянно ниже общего уровня бедности. В 1996 г. это разрыв достигал 8,5% или 1,3 раз, тогда как в 2008 г. — 2% или 2,3 раз. Данный факт имеет очень важное значение, поскольку свидетельствует о положительных сдвигах в трансфертной политике центральной и отдельных региональных властей, в решающей степени определяющей социально-экономическое положение пожилых людей.

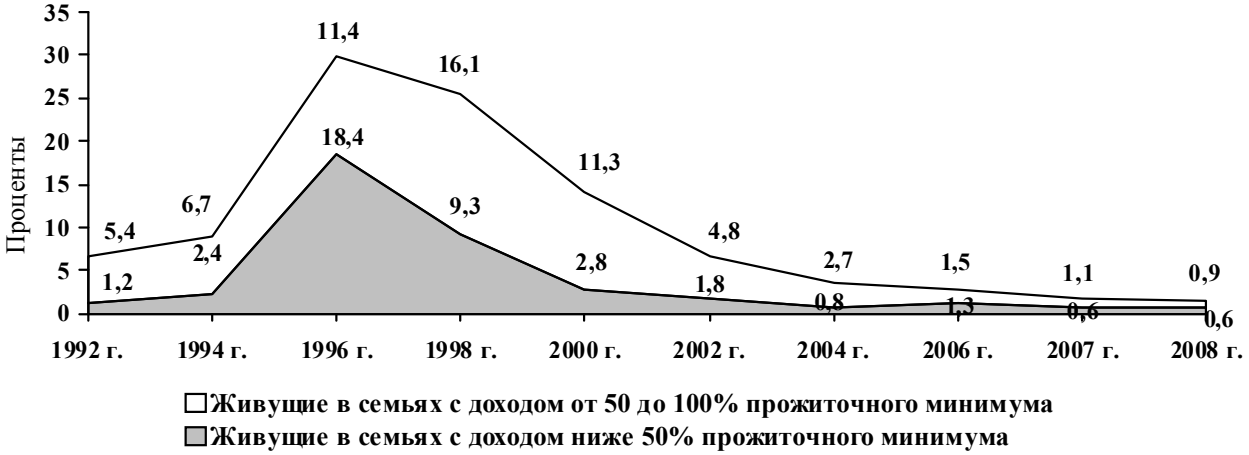

Рис. 8. **Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума**

Неравенство экономических возможностей регионов предопределило дифференциацию их по уровню бедности. Динамическая картина региональных различий уровня бедности представлена в таблицах 12—14. Используемые региональные уровни бедности учитывают разницу в стоимости товаров и моделях потребления по регионам Российской Федерации. Однако, анализируя их, следует учитывать, что результаты обследований РМЭЗ не предназначены для определения региональных экономических показателей. Поэтому все сведения в указанных таблицах следует рассматривать как иллюстративный материал.

Изложенные данные свидетельствуют о снижении уровня бедности во всех регионах, которое, однако, не ликвидирует пеструю картину региональных различий. В 2008 г., как и в предыдущие годы, самый низкий уровень бедности отмечался в Москве и Санкт-Петербурге, тогда как самый высокий — в Сибири и на Дальнем Востоке. За 2007—2008 гг. удельный вес домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума сократился в данных регионах соответственно на 0,3 и 1,9%. Одновременно произошло уменьшение удельного веса детей дошкольного возраста и пенсионеров, проживающих в бедных семьях. Один из самых высоких уровней бедности отмечался в Северном и Северо-Западном регионах (4,4%). Вместе с тем доли детей дошкольного возраста и пожилых людей, проживающих в бедных семьях, здесь сравнительно невелики (соответственно 4,8 и 2,5%).

Данные Российского мониторинга позволяют сделать вывод об определенном снижении остроты проблемы бедности на Северном Кавказе — в регионе, который традиционно относится к очагам повышенной социальной напряженности. За два последних года доля домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума в Северокавказском регионе сократилась, без учета некоторого повышения в 2007 г., с 6,3 до 3,6%, т.е. почти вдвое. Это сокращение произошло полностью за счет уменьшения удельного веса домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума (т.е. удельный вес домохозяйств с доходом менее 50% прожиточного минимума не изменился). За этот же период удельный вес малолетних детей, живущих в бедных семьях, сократился с 9,5 до 8%, а пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума — с 3,5 до 1,3%, т.е. почти в 3 раза.

В остальных регионах, занимающих срединное положение, общие показатели уровня бедности после очередного снижения составляли в 2008 г. около 2,4—2,8%. Но при этом обращает на себя внимание очень высокий уровень бедности малолетних детей в Уральском регионе, достигающий 12%. И хотя это существенно меньше, чем в 1998 г. (48,5%), но примерно столько же, сколько в 2006 г. (12,8%). В тоже время в Центральном черноземном районе, Волго-Вятском районе и Поволжье удельный вес детей, проживающих в бедных семьях, за 2007—2008 гг. снизился в четыре раза — с 8 до 2%, в том числе, проживающих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума — с 2,6 и 1%.

Таблица 12

Региональные уровни бедности по домохозяйствам (с использованием региональных прожиточных минимумов)

	Даты сбора данных									
	1992 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Москва и Санкт-Петербург										
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,1	2,9	5,2	7,0	6,1	3,0	1,5	1,5	2,2	0,7
Процент домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	7,1	7,4	5,7	15,4	7,4	4,1	2,0	0,2	1,3	0,8
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	10,2	10,3	10,9	22,4	13,5	7,1	3,5	1,8	3,5	1,5
Север и Северо-Запад										
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,5	8,3	12,4	13,7	7,3	4,7	2,9	2,9	2,7	2,3
Процент домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	8,8	8,4	21,9	25,4	16,6	10,1	6,0	3,2	1,6	2,1
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	12,3	16,7	34,3	39,1	23,9	14,8	8,9	6,1	4,3	4,4
Центральный черноземный район, Волго-Вятский район и Поволжье										
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	2,3	6,3	18,0	15,3	8,0	4,5	3,1	2,3	1,9	0,9
Процент домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	6,4	9,9	15,8	23,7	18,3	9,1	5,5	3,0	1,9	1,5
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	9,7	16,2	33,8	39,0	26,3	13,6	8,6	5,3	3,8	2,4
Северный Кавказ										
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	5,1	7,2	27,5	23,7	14,0	8,6	4,4	1,8	1,7	1,8
Процент домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	10,9	12,9	15,2	22,1	18,1	14,1	10,3	4,5	4,9	1,8
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	16,0	20,1	42,7	45,8	32,1	22,7	14,7	6,3	6,6	3,6
Урал										
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,9	7,2	16,1	13,8	9,2	3,9	2,2	2,7	1,2	0,8
Процент домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	7,6	8,5	17,4	23,1	21,4	9,6	6,4	3,7	2,7	2,0
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	9,5	15,7	33,5	36,9	30,6	13,5	8,6	6,5	3,9	2,8
Сибирь и Дальний Восток										
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,3	8,6	23,5	18,4	9,7	8,6	4,5	4,6	1,9	3,5
Процент домохозяйств с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	7,8	12,6	18,2	20,2	15,2	8,4	7,8	3,9	4,8	3,1
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	11,1	21,2	41,7	38,6	24,9	17,0	12,3	8,5	6,7	6,6

Таблица 13

Региональные уровни бедности: процент детей в возрасте до 7 лет, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума

(с использованием региональных прожиточных минимумов)

	Даты сбора данных									
	1992 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Москва и Санкт-Петербург										
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,9	1,2	4,5	***	***	***	***	1,9	5,0	2,0
Процент детей, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	10,6	8,3	4,5	***	***	***	***	1,9	3,4	2,0
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	14,5	9,5	9,0	***	***	6,8	6,1	1,9	8,4	4,0
Север и Северо-Запад										
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	4,1	9,0	7,4	24,1	0,0	6,0	***	***	**	2,4
Процент детей, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	10,6	11,8	27,6	27,9	21,4	8,9	***	***	**	2,4
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	14,7	20,8	35,0	52,0	21,4	14,9	***	***	**	4,8
Центральный черноземный район, Волго-Вятский район и Поволжье										
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	2,6	9,9	17,8	25,5	12,9	5,8	8,5	2,6	2,4	1,0
Процент детей, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	10,4	13,3	24,2	33,1	24,9	14,7	9,7	5,4	3,1	1,0
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	13,0	23,2	42,0	58.6	37,8	20,5	18,2	8,0	5,5	2,0
Северный Кавказ										
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	10,4	16,9	32,3	34,6	23,0	15,7	6,3	4,6	1,2	4,0
Процент детей, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	14,1	19,7	16,2	31,0	24,6	19,3	14,1	4,9	6,5	4,0
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	24,5	36,6	48,5	65,6	47,6	35,0	20,4	9,5	7,7	8,0
Урал										
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	2,3	13,5	18,3	18,1	14,8	8,0	4,1	3,8	0,0	3,6
Процент детей, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	10,8	15,9	22,3	30,4	19,7	16,9	7,0	9,0	7,7	8,4
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	13,1	29,4	40,6	48,5	34,5	24,9	11,1	12,8	7,7	12,0
Сибирь и Дальний Восток										
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,3	16,0	26,4	23,7	16,8	10,2	5,4	13,1	3,2	6,6
Процент детей, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	11,1	8,3	22,6	27,4	19,2	15,5	22,8	5,6	6,1	2,8
Процент детей, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	14,4	24,3	49,0	51,1	36,0	25,7	28,2	18,7	9,3	9,4

*** Возможна неточность. В момент проведения опроса РМЭЗ в данном регионе эта группа в выборе составила менее 50 человек.

Таблица 14

Региональные уровни бедности: процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума (с использованием региональных прожиточных минимумов)

	Даты сбора данных									
	1992 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г	2008 г.
Москва и Санкт-Петербург										
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,2	1,5	5,0	1,2	3,2	0,4	0,4	1,5	0,7	0,0
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	5,7	4,1	2,4	13,3	3,4	3,0	0,8	1,1	1,1	0,7
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	6,9	5,6	7,4	14,5	6,6	3,4	1,2	1,5	1,8	0,7
Север и Северо-Запад										
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,7	2,4	13,3	8,4	1,9	1,9	0,0	0,0	2,6	1,8
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	5,6	2,9	16,0	14,0	10,0	4,2	1,1	1,7	0,0	0,7
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	9,3	5,3	29,3	22,4	11,9	6,1	1,1	1,7	2,6	2,5
Центральный черноземный район, Волго-Вятский район и Поволжье										
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	0,7	1,2	16,0	9,3	2,3	0,8	0,8	1,3	0,7	0,2
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	4,5	6,4	9,8	16,3	10,9	3,5	1,5	1,0	0,4	0,5
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	5,4	7,6	25,8	25,6	13,2	4,3	2,5	2,3	1,1	0,7
Северный Кавказ										
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,7	5,2	25,8	13,3	5,6	2,3	1,4	1,4	1,2	0,5
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	6,7	8,1	13,7	18,9	12,9	9,1	6,2	2,1	2,5	0,8
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	8,4	13,3	39,5	32,2	18,5	11,4	7,6	3,5	3,7	1,3
Урал										
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,1	3,3	17,8	5,8	1,7	0,4	0,4	1,0	0,3	0,3
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	4,0	4,9	10,4	15,9	14,0	6,4	2,5	1,6	0,7	1,3
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	5,1	8,2	28,2	21,7	15,7	6,8	2,9	2,6	1,0	1,6
Сибирь и Дальний Восток										
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	0,6	4,0	26,0	12,5	2,5	5,7	0,8	1,7	0,0	1,8
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума	7,0	10,3	16,6	15,6	12,1	4,6	4,5	2,9	1,8	1,6
Процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	7,6	14,3	42,6	28,1	14,6	10,3	5,3	4,5	1,8	3,4

Сохранение повышенного уровня бедности в Сибири и на Дальнем Востоке объясняется сложной экономической ситуацией, сложившейся на этих территориях. Отставание данных регионов объективно обусловлено негативным воздействием удорожающих факторов: удаленности, слаборазвитой инфраструктуры, слабой заселенности. В предкризисный период

темпы роста валового регионального продукта были здесь самыми низкими среди федеральных округов. Эти регионы оказались очень сильно зависимыми и от нарастания кризисных явлений. Последовавшее после начала экономического кризиса сжатие мирового и внутреннего инвестиционного спроса сильнее всего ударило по черной металлургии. Максимальные темпы промышленного спада показали такие металлургические регионы, как Вологодская область (на 44% в ноябре 2008 г. к ноябрю 2007 г.), Челябинская (на 35%) и Кемеровская (на 23%). Крайне негативно отразился кризис и на машиностроительных регионах. Самый сильный спад показали депрессивные Курганская и Ульяновская области (на 25—28%). Число машиностроительных регионов с сильным спадом оказалось больше, чем металлургических: промышленное производство в Нижегородской, Смоленской, Ярославской областях, Алтайском и Хабаровском краях сократилось в ноябре 2008 г. к ноябрю 2007 г. на 16—21%[1].

Зонами повышенного риска бедности и нищеты являются обширные периферийные сельские районы, малые города и поселки Нечерноземья, Урала и Дальнего Востока, остающиеся территориями социальной и экономической деградации. По данным ряда специалистов, до 40% европейской части России относят к так называемым «черным дырам». Депрессивные территории крайне трудны для модернизации, поскольку располагают низким качеством человеческого капитала, требуют привлечения огромных ресурсов и длительного времени для получения позитивных результатов. Деградация периферийных районов сопровождается наиболее тяжелыми последствиями для населения, значительная часть которого оказывается за чертой бедности или на грани бедности и нищеты. Необходимо также отметить, что безусловными лидерами обеднения являются сельские жители, проживающие в зонах, неблагоприятных для сельскохозяйственных работ. В регионах с хорошо развитой системой сельского хозяйства среди сельского населения доля бедных обычно ниже.

Таким образом, накануне нового финансово-экономического кризиса во всех регионах России отмечалось снижение остроты проблемы бедности, о чем свидетельствовало сокращение удельного веса домохозяйств с доходом меньше прожиточного минимума. Но несмотря на отмеченные позитивные сдвиги, проблема бедности продолжала оставаться одной из наиболее сложных и беспокойных в подавляющем большинстве российских регионов, что требует с осторожностью подходить к оценке сложившихся трендов. Социально-экономическое положение значительного числа семей, находящихся выше черты бедности по формальным показателям, было не намного легче, чем положение домохозяйств, располагающихся ниже этой черты. В таких условиях даже незначительное усиление неблагоприятных факторов было способно инициировать существенное повышение уровня бедности в стране, что особенно важно для понимания последствий нынешнего экономического кризиса, сопровождающегося значительным падением доходов населения и ростом безработицы. Обострение проблемы бедности в кризисных условиях превращает борьбу с ней в приоритетную задачу социальной политики.

1.6. Некоторые другие экономические аспекты

Невыплаты заработной платы. Одной из отличительных особенностей предкризисного периода стала определенная стабилизация ситуации с задержками заработной платы. Как следует из таблицы 15, в 2007—2008 гг. доля лиц трудоспособного возраста, которым задерживалась заработная плата, составляла немногим более 5%. И это было самое низкое значение, начиная с 1998 г., когда с невыплатами заработной платы сталкивались почти две трети граждан, относящихся к трудоспособному населению. Стабилизации данного показателя предшествовал длительный период последовательного сокращения удельного веса лиц, которым задерживалась зарплата: с 63,9% в 1998 г. до 8,8% в 2006 г. и затем до 5,3—5,4% в 2007—2008 гг., т.е. более чем в 12 раз. Но несмотря на указанные позитивные перемены, проблема задолженности по оплате труда так и не получила своего окончательного решения, продолжая оставаться постоянно действующим социально-экономическим фактором.

В качестве следующей важной тенденции необходимо выделить сокращение сроков задолженности по заработной плате. Эта тенденция выражается в последовательном увели-

[1] Независимая газета. 2009. 27 января.

чении доли лиц, которым зарплата задерживалась на один месяц и менее (с 20,3% в 1998 г. до 65,8% в 1996 г. и затем до 70,3% в 2008 г.) и уменьшении удельного веса тех, кому зарплата задерживалась на срок больше трех месяцев (с 41,7% в 1998 г. до 6,8% в 2006 г. и затем до 5,2% в 2008 г.). При этом удельный вес лиц трудоспособного возраста, которым зарплата задерживалась на срок от одного до двух месяцев, варьировал в течение 1998—2008 гг. в пределах 18—25%., тогда как доля тех, кто не получал зарплату в полном объеме в течение 2—3-х месяцев — уменьшилась с 18 до 6%, т.е. в 3 раза. Средняя сумма задолженности по заработной плате, снижавшаяся в течение 1996—2000 гг., стабилизировалась в 2002—2006 гг. на уровне примерно 5400 руб., но затем резко начала расти, увеличившись к концу 2008 г. до 9129 руб., т.е. в 1,7 раз.

Таблица 15

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению *

	Процент не полностью получивших зарплату	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), (в рублях декабря 2003 г.)
		1 месяц и менее	1— 2 месяца	2— 3 месяца	Больше 3-х месяцев	
1994 г.						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	8139
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	4198
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	6264
1996 г.						
Мужчины	54,5	25,1	24,7	18,3	32,0	10351
Женщины	53,7	26,2	27,7	18,0	28,1	6231
Всего работников	54,1	25,6	26,2	18,1	30,1	8254
1998 г.						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	10487
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	5395
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	7824
2000 г.						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	5460
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	3251
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	4511
2002 г.						
Мужчины	24,6	41,2	22,6	10,9	25,3	6315
Женщины	21,7	54,3	17,6	7,4	20,7	4517
Всего работников	23,2	47,1	20,3	9,3	23,2	5456
2004 г.						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	6266
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	4158
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	5337
2006 г.						
Мужчины	10,1	61,3	22,0	8,5	8,3	6725
Женщины	7,4	72,4	20,7	2,3	4,6	3953
Всего работников	8,8	65,8	21,4	6,0	6,8	5537
2007 г.						
Мужчины	6,3	58,1	25,2	6,7	10,0	8399
Женщины	4,2	66,4	19,7	6,5	7,4	5236
Всего работников	5,3	61,3	23,1	6,6	9,0	7160
2008г.						
Мужчины	6,5	65,1	20,2	7,9	6,7	10574
Женщины	4,2	79,1	15,6	2,7	2,6	6842
Всего работников	5,4	70,3	18,5	6,0	5,2	9129

* Мужчины в возрасте 18—60 лет, женщины в возрасте 18—55 лет.

Учитывая быстрые темпы развития кризисных процессов в России, имеет смысл дополнить изложенные данные более подробными сведениями о динамике невыплат заработной платы в течение 2008 г., которые расширяют представление о социально-экономических процессах на начальном этапе экономического кризиса. Согласно данным Росстата, если в январе-октябре 2008 г. задолженность по зарплате постоянно сокращалась, лишь несколько увеличившись в летние месяцы, то в октябре-ноябре был отмечен ее резкий рост. При этом в течение января-октября 2008 г. численность работников, которым задерживалась зарплата, оставалась практически постоянной и составляла около 200 тыс. человек, тогда как в ноябре она резко возросла до 300 тыс. человек, а в декабре — до 600 тыс. человек. Таким образом, доля таких людей только за два последних месяца 2008 г. выросла в 3 раза и составила около 2% работников реального сектора экономики. В наибольшей мере проблема задолженности по заработной плате коснулась работников обрабатывающих отраслей и строительства. Общая сумма задолженности только за ноябрь 2008 г. выросла на 3,7 млрд. рублей и достигла 7,76 млрд. рублей.

Все это говорит о том, что многие работодатели, перешедшие в предкризисный период к цивилизованным формам взаимоотношений со своими работниками, в трудной ситуации незамедлительно вернулись к прежней практике задержек заработной платы, виртуозно освоенной в 90-х годах прошлого века всеми участниками российского рынка труда. Наличие накануне нового экономического кризиса на рынке труда некоторого количества работодателей, без всякого ущерба для себя и своего бизнеса практикующих невыплаты своим работникам, послужило сигналом для остальных субъектов рынка, провоцирующим их к нарушению трудового законодательства. В кризисных условиях вновь получили распространение такие формы так называемого «нестандартного поведения»[1] агентов на рынке труда, как инициированные администрацией предприятий неоплачиваемые (либо частично оплачиваемые) отпуска, работа по сокращенному графику, скрытые формы оплаты труда и пр.

В 2008 г. около 40% российских предприятий были убыточны и могли в любое время приостановить работу или полностью прекратить свое существование. Поэтому с каждой новой волной экономического кризиса повышается вероятность того, что количество работников, которым задерживают или не выплачивают заработную плату, может значительно увеличиться. Основным источником дохода для многих семей, остающихся без заработанных денег, становятся пенсии пожилых людей. При этом следует иметь в виду, что в отличие от рядовых работников, руководители предприятий и управленцы высшего звена от невыплат заработной платы не страдают даже в самые тяжелые для предприятий периоды.

Мужчинам заработная плата постоянно задерживалась чаще, чем женщинам. Но тенденции изменения ситуации с невыплатами зарплаты в обеих когортах были одинаковыми, соответствующими общему тренду. С 1998 г. по 2008 г. доля лиц, которым задерживалась заработная плата, среди мужчин трудоспособного возраста практически монотонно сократилась более чем в 10 раз — с 65,1 до 6,5%, пройдя самую нижнюю точку в 2007 г. (6,3%). В когорте женщин трудоспособного возраста это снижение составило с 62,8 до 4,2%, т.е. почти 15 раз. Разница в долях мужчин и женщин, не полностью получающих заработную плату, по годам опроса варьирует в пределах от 1 до 7 процентных пунктов.

Что касается средних сумм задолженности, то они только за 2007—2008 гг. выросли у мужчин в 1,6 раз — с 6725 руб. до 10574 руб.; у женщин — в 1,7 раз — с 3953 руб. до 6842 руб. После этих изменений средние суммы задолженности по зарплате достигли в 2008 г. как у мужчин, так и у женщин максимальных значений, начиная с 1992 г. Наибольшие разрывы в суммах невыплат заработной платы пришлись на 1994 г. и 1998 г., когда средняя сумма задолженности у женщин была почти в 2 раза меньше, чем у мужчин. Кроме того, среди женщин, не получавших вовремя заработную плату, практически по всем волнам мониторинга больше, чем среди мужчин той же категории, была доля лиц, которым зарплата задерживалась на срок менее месяца, и меньше удельный вес тех, кому зарплата задерживалась на срок более трех месяцев.

[1] См.: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991—2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. С. 7—8.

Данные факты, только на первый взгляд благоприятные для женщин, на самом деле свидетельствует о глубоком разрыве в оплате труда, который оказывается не в их пользу. Очевидно, что чем больше зарплата, тем больше и сумма задолженности, в случае задержки заработной платы, а также выше вероятность непосредственно столкнуться с проблемой невыплат. Такая ситуация является во многом следствием вытеснения женщин в малопрестижные и низкооплачиваемые сферы экономики, которое уже давно стало одним из широко распространенных проявлений дискриминации по половому признаку.

Источники трудового дохода и гендерные различия. В современном российском обществе, как и прежде, статус женщины несет на себе значительные ограничения по сравнению со статусом мужчины в различных областях социальной жизни, включая возможности занятости в трудовой сфере, владения собственностью, распределения дохода и т.д. В обновленном российском обществе возможности для реализации способностей женщин заметно расширились, однако даже после этих позитивных перемен женщины очень часто сталкиваются с непризнанием равенства их профессиональных, интеллектуальных и иных качеств. Такая ситуация ощущается тем острее, чем выше стремление женщины продвинуться в профессиональной или общественно-политической областях. Проблема дискриминации женщин в России, как и в большинстве других стран, имеет самые разнообразные проявления. Женщины очень часто проигрывают мужчинам в сфере труда при устройстве на работу, сохранении рабочего места, организации собственного дела, продвижении по служебной лестнице, определении размера и выплате заработной платы и т.д.

О том, что в сфере труда сложилась дискриминация по половому признаку, убедительно свидетельствует анализ данных РМЭЗ о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (процент сообщивших о получении того или иного вида дохода).

Таблица 16

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения *
(процент сообщивших о получении того или иного вида дохода)

	Даты сбора данных								
	1992 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Мужчины									
Доход от работы на государственных предприятиях	64,2	30,7	31,6	35,0	34,6	30,9	31,4	30,8	31,2
Средний размер получаемого дохода **	5053	4508	3012	3868	5280	5375	6424	7119	8674
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	15,7	21,6	20,9	25,7	28,1	32,9	35,1	37,0	38,4
Средний размер получаемого дохода **	4748	6132	3751	4401	6280	7283	8257	9323	10238
Доход о работы в неформальном секторе	2,4	10,9	10,0	11,9	12,6	12,4	10,6	8,9	9,0
Средний размер получаемого дохода **	7482	2520	1692	2401	2955	3849	3695	4340	5905
Доход от трудовой деятельности	80,3	58,3	58,3	67,5	71,3	72,7	73,7	74,0	75,9
Средний размер получаемого дохода **	5190	5118	3263	4100	5556	6231	7201	8143	9446
Женщины									
Доход от работы на государственных предприятиях	60,0	31,8	34,4	39,0	37,1	37,6	37,4	37,9	37,3
Средний размер получаемого дохода **	3401	2903	1952	2088	2995	3297	4571	5059	5481
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	9,7	18,8	17,5	18,5	23,7	26,0	27,7	29,0	30,2
Средний размер получаемого дохода **	3369	4050	2799	3139	4251	4836	6353	7942	7634
Доход о работы в неформальном секторе	1,8	6,0	5,9	6,8	6,3	6,6	6,8	5,0	5,5
Средний размер получаемого дохода **	4511	2012	925	1497	1888	2438	2785	3094	4596
Доход от трудовой деятельности	70,0	54,0	55,4	61,8	64,2	67,7	68,9	69,7	70,3
Средний размер получаемого дохода **	3507	3351	2198	2424	3484	3921	5306	6284	6541

* Мужчины в возрасте 18—60 лет, женщины в возрасте 18—55 лет.

** Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход (в рублях декабря 2003 г.)

Картина сложившейся системы разделения труда явно малопривлекательна для женщин. Из таблицы 16 следует, что женщины реже мужчин работают в наиболее доходном частном секторе. В 2008 г. доля лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях или предприятиях смешанной формы собственности, среди мужчин составляла 38,4%, тогда как среди женщин — 30,2%. Образовавшийся гендерный разрыв оказался самым большим за все время наблюдений в ходе Российского мониторинга. При этом отмечался практически последовательный рост этого разрыва: с 2,8% в 1996 г. до 8,2% в 2008 г., т.е. почти в 3 раза. Исключение составил только 2000 г., отмеченный неожиданным всплеском, достигающим 7,2%, после 3,4% в 1998 г. Сложившийся тренд, демонстрирующий осложнение ситуации с доступом российских женщин в наиболее доходные сектора экономики, является одним из важных свидетельств определенного ухудшения их положения на рынке труда.

Данные, изложенные в таблице 16, свидетельствуют о постоянном росте доли негосударственного сектора, который является одой из главных тенденций в сфере занятости. Так, среди мужчин и женщин трудоспособно возраста удельный вес лиц, заявляющих о получении дохода от работы на частных предприятиях или на предприятиях смешанной формы собственности, за 1992—2008 гг. вырос соответственно в 2,5 и 3,1 раза (с 15,7 до 38,4% и с 9,7 до 30,2%), в том числе за 2007—2008 гг. — на 3,3 и 2,5%.

Что касается государственного сектора экономики, то здесь в конце 2008 г. работали только 31,2% мужчин и 37,3% женщин трудоспособного возраста. И эти показатели практически не менялись с 2004 г. Характерно, что в самом начале реформ наблюдалась противоположная картина. Тогда, в сентябре 1992 г., на государственных предприятиях работали 64,2% мужчин и около 60% женщин. Преобладание женщин в государственном секторе экономики объясняется главным образом их концентрацией на низкооплачиваемых должностях в бюджетных отраслях экономики: здравоохранении, социальном обеспечении, образовании, науке, страховании, текстильной промышленности и др. Здесь важно заметить, что степень межотраслевой дифференциации средней заработной платы в последние годы принципиально не изменилась. Самой низкой стоимость рабочей силы остается в образовании, здравоохранении и сельском хозяйстве, а максимальной — в отраслях добывающей промышленности и в области финансовой деятельности.

В 2008 г. среди мужчин трудоспособного возраста доля лиц, получающих доход от работы в неформальном секторе, была в 1,7 раза больше, чем среди женщин. В 2006 г. этот разрыв составлял около 1,6 раз, а в 2007 г. — 1,8 раз. Но самое высокое значение, достигающее 2-х раз, было зафиксировано в 2002 г. За 2007—2008 гг. доля лиц, получающих доход от работы в неформальном секторе, снизилась среди мужчин трудоспособного возраста с 10,6 до 9%. Это сокращение явилось продолжением более ранней тенденции, берущей начало после 2002 г. Среди женщин трудоспособного возраста уменьшение доли получающих доход от работы в неформальном секторе за 2007—2008 гг. составило с 6,8 до 5,5%. В течение 1996—2006 гг. данный показатель колебался в тех же пределах: от 5,9 до 6,8%. Средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, вырос за 2007—2008 гг. в мужской когорте с 3695 руб. до 5905 руб., т.е. на 60%, тогда как в женской когорте — с 2785 руб. до 4596 руб., т.е. на 65%. Но с 1998 г. по 2008 г. эти показатели выросли соответственно в 3,5 и 5 раз.

В целом удельный вес женщин, получающих какой-либо доход от трудовой деятельности, постоянно меньше аналогичной доли мужчин. В 2008 г. эта разница составляла 5,6% (70,3% против 75,9%), что является одним из самых высоких значений. Больше она была только в 2000—2002 гг.: от 5,7 до 7,1%. В 2008 г. заработки мужчин на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности были на 18% выше, чем на государственных, а заработки женщин — на 39%. В 2006 г. эти показатели составляли соответственно 28,5 и 39%, тогда как в 1998 г. — 24,5 и 14,3%.

В анализируемый период в среднем заработок женщины составлял примерно две трети от заработка мужчины. Самой незначительной эта разница была в 2007 г., когда заработок женщины составлял 77,2% от заработка мужчины. Это на 3,5% больше предыдущего максимального значения, отмеченного в 2006 г. Но уже в 2008 г. данный показатель снизился до 69,3%. На протяжении большинства предыдущих лет он колебался в пределах 63—68%. На государственных предприятиях женщины зарабатывали в 2008 г. на 36,8% меньше, чем мужчины, в то время как в частном и частногосударственном секторах их заработки были меньше только на четверть (25,4%). Характерно, что в 2006 г. эти различия были менее существенными.

Тогда женщины зарабатывали на государственных предприятиях на 28,2% меньше, чем мужчины, а на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности — на 23,1%.

В течение 2007—2008 гг. доходы мужчин выросли на 31%, в то время как доходы женщин увеличились только на 23%. У мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых в государственном секторе, этот рост составил соответственно 35 и 20%, а у занятых на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности — 24 и 20%. Но если обратиться к данным за более длительный период, то оказывается, что с 1998 г. по 2008 г. доходы мужчин и женщин выросли в целом одинаково — примерно в 3 раза. Доходы мужчин и женщин, занятых на государственных предприятиях, за этот период увеличились соответственно в 2,9 и 2,8 раз, а занятых на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности — соответственно в 2,9 и 2,7 раз.

Таким образом, одним из наиболее заметных проявлений гендерного неравенства на рынке труда является то, что, несмотря на достаточно высокий уровень образования и профессиональной подготовки, заработная плата женщин постоянно отстает от заработной платы мужчин. Данный факт особенно интересен тем, что разрыв в заработной плате мужчин и женщин образуется в ситуации, когда при более высоком уровне образования женщины зачастую занимают менее престижные и хуже оплачиваемые должности. Такая ситуация наблюдается во всех без исключения отраслях экономики. Гендерные различия в заработках свидетельствуют о сохранении «феминизации» низкооплачиваемых работ, вытеснении женщин в те области трудовой деятельности и на те должности, где низкая оплата труда.

Пенсии и невыплаты пенсий. На рисунке 9 представлены данные по среднему размеру пенсий и по масштабу невыплат пенсий, начиная с ноября 1993 г. Эти данные демонстрируют последовательный рост пенсий в России после 1998 г. при постоянном превышении среднего размера пенсий для мужчин. Повышение пенсий мужчинам и женщинам идет примерно одинаковыми темпами. В целом за 1998—2008 гг. средний размер пенсии, выплачиваемой мужчинам, вырос в 2,3 раза (с 1428 руб. до 3292 руб.), а выплачиваемый женщинам — в 2,5 раза (с 1130 руб. до 2781 руб.). За последние два года пенсии мужчинам и женщинам увеличились соответственно на 37 и 24,2%. Но основной рост пришелся на 2008 г.

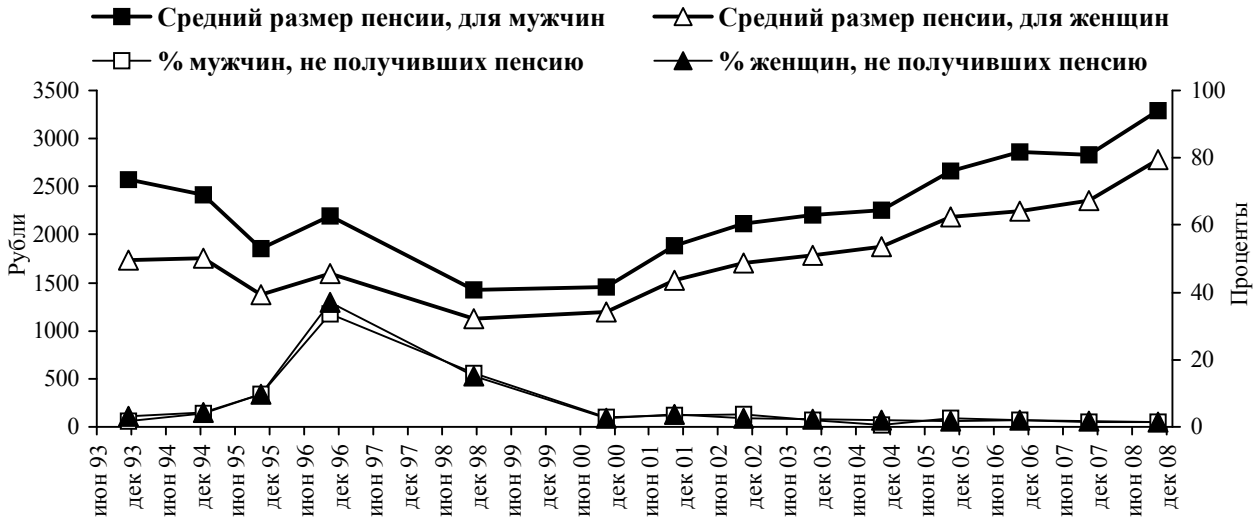

Рис. 9. **Процент пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию (в рублях 2003 г.)**

В 2008 г. прекратилось относительное ухудшение материального положения пенсионеров в сравнении с работающими. В 2008 г. отношение среднего размера пенсии к среднему размеру дохода от трудовой деятельности у мужчин сохранилось на уровне 34,8%, достигнутых в 2007 г. после снижения с 39,7% в 2006 г. В то же время у женщин данный показатель в 2008 г. составил 42,5%, что гораздо больше 37,4%, зафиксированных в 2007 г., и немного больше 42,2%, которые были отмечены в 2006 г. Но несмотря на эти изменения, соотношение между средним размером пенсии и средним размером дохода от трудовой деятельности и у мужчин, и у женщин в 2008 г. было меньше, чем до 2006 г.

Задержки выплат пенсий были исключительно значимым фактором только в 1996 г., когда более трети российских пенсионеров не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу РМЭЗ. Но начиная с 2000 г. такой проблемы практически не существует. Редкие случаи задержек пенсионных выплат не являются массовыми и объясняются причинами случайного характера.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг. Как следует из таблицы 17, в 2008 г. плата за жилье и коммунальные услуги росла быстрее, чем в предыдущем году. Если в 2007 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги выросла на 7,3%, то в 2008 г. — на 12,7%, что, однако, меньше, чем в 2006 г., когда данный рост составил около 16%. В целом за 1995—2008 гг. средняя сумма платы за жилье и коммунальные услуги выросла почти в 3 раза. Этот рост затронул все типы анализируемых домохозяйств. Но темпы роста коммунальных платежей в последние два года были все же меньше, чем во все предыдущие годы.

Таблица 17

Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам*

	Все домохозяйства	В том числе:			
		домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995 г.					
Процент домохозяйств-должников	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)	781	844	817	377	292
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	422	495	418	276	254
1998 г.					
Процент домохозяйств-должников	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)	1525	1750	1461	652	423
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	432	541	422	260	227
2000 г.					
Процент домохозяйств-должников	26,9	33,1	32,9	9,6	11,8
Сумма задолженности (если есть)	1470	1519	1820	412	640
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	387	483	396	244	195
2004 г.					
Процент домохозяйств-должников	17,2	21,3	20,7	4,7	7,3
Сумма задолженности (если есть)	2497	2636	2510	3245	414
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	722	888	810	428	332
2006 г.					
Процент домохозяйств-должников	13,6	16,9	17,9	4,4	4,2
Сумма задолженности (если есть)	3909	3770	5373	911	2303
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	993	1174	1024	651	591
2007 г.					
Процент домохозяйств-должников	10,3	15,6	14,9	2,6	2,5
Сумма задолженности (если есть)	4356	4430	4674	519	2636
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	1065	1234	1188	719	637
2008 г.					
Процент домохозяйств-должников	8,6	10,5	11,6	3,1	3,4
Сумма задолженности (если есть)	3952	3889	5394	779	1798
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги**	1200	1398	1267	798	757

* Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в рублях декабря 2003 г.

** Если нет задолженности

В 2007—2008 гг. продолжилось сокращение удельного веса домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам. В течение этих двух лет доля домохозяйств-должников уменьшилась с 13,6 до 8,6%, т.е. на 5% или более чем в полтора раза. Как следует из приведенных в таблице данных, пик коммунальных неплатежей пришелся на 1998 г., когда доля домохозяйств-должников составляла 37,5%. В дальнейшем наблюдалось постоянное снижение количества должников. Примечательно, что в 2008 г. впервые, начиная с 2000 г., было отмечено уменьшение суммы задолженности по квартплате и коммунальным услугам, которое составило 9,3%. До этого она только росла, увеличившись с 1470 руб. в 2000 г. до 4356 руб. в 2007 г., т.е. почти в 3 раза.

Домохозяйства во главе с женщиной или мужчиной трудоспособного возраста являются должниками гораздо чаще, чем домохозяйства, во главе которых стоят лица пенсионного возраста. Если среди домохозяйств, возглавляемых женщиной или мужчиной пенсионного возраста, доля должников в 2008 г. составляла немногим более 3%, то среди домохозяйств во главе с женщиной или мужчиной трудоспособного возраста — соответственно 11,6 и 10,5%. Но при этом надо заметить, что если процент должников среди домохозяйств, возглавляемых женщиной или мужчиной трудоспособного возраста, постоянно снижался, начиная с 1998 г., то удельный вес должников среди домохозяйств, во главе которых стоят женщины и мужчины пенсионного возраста, в 2008 г. немного вырос. В сравнении с 2007 г. этот рост составил соответственно с 2,6 до 3,1% и с 2,5 до 3,4%.

Социальные льготы. По данным РМЭЗ, около 20% населения принадлежат к различным категориям «льготников», в том числе 13% женщин и 7% мужчин. Доля домохозяйств, имеющих в своем составе «льготников», остается достаточно стабильной в последние годы и составляет около 42%. При этом примерно 9% домохозяйств имеют в своем составе двух получателей социальных льгот и еще 0,7% — трех и четырех.

Более половины одиноких людей относятся к льготным категориям граждан, что составляет 11,5% от общего числа домохозяйств. Другую большую группу домохозяйств-льготополучателей представляют домохозяйства, состоящие из двух человек (14,1% от общего числа домохозяйств). При этом 40% домохозяйств из двух человек включают в себя двух «льготников» (то есть состоят только из «льготников»), остальные 60% включают в свой состав одного «льготника». Среди таких домохозяйств, состоящих только из «льготников», 55% — это домохозяйства, состоящие только из пенсионеров (одинокие пенсионеры среди них составляют 26,7% от числа домохозяйств-льготополучателей). Эти данные обнаруживают тенденции к изоляции «льготников», особенно «льготников»-пенсионеров, в отдельных домохозяйствах и концентрации их в домохозяйствах небольшого размера, состоящих из 1—2 человек (в сумме — 62% от всех домохозяйств-льготополучателей). Более крупные домохозяйства, состоящие из трех и более человек, если и включают в себя льготников, то в 3/4 случаев — только одного.

В среднем на одно домохозяйство–льготополучатель приходится 1,25 представителя льготных категорий граждан. Это означает, что домохозяйства в основном (77%) получают льготы за счет одного члена семьи (табл. 18). Лица, принадлежащие к льготным категориям граждан, чаще принадлежат к домохозяйствам небедным, нежели к бедным: только 26% бедных домохозяйств имеют в своем составе «льготников», тогда как среди домохозяйств с текущими доходами выше прожиточного минимума доля домохозяйств-льготополучателей достигает 35%. Таким образом, группа малоимущих домохозяйств оказывается в меньшей степени охвачена программой социальной поддержки.

Таблица 18

Концентрация категорий льготополучателей среди домохозяйств (в %)

Категория домохозяйства	Все домохозяйства	Домохозяйства — получатели льгот
Всего	0,59	1,25
в том числе среди:		
бедных	0,43	1,20
небедных	0,57	1,26

В качестве основания для отнесения к группе «льготников» использовались укрупненные категории регистра Пенсионного фонда Российской Федерации. В отчете представлены группы, вмещающие не менее 0,1% населения. Следует отметить, что одновременно один и тот же респондент может относиться к нескольким категориям «льготников». Чуть более 4% льготополучателей имеют несколько оснований для получения льгот. Как правило, это совмещение разных оснований с какой-либо из групп инвалидности. Наибольшее количество оснований для получения льгот (три и четыре) имеет небольшая доля «льготников» — чуть менее 1% совокупности.

Среди различных категорий «льготников» самыми крупными являются категории ветеранов труда (56%), а также инвалидов I, II и III групп (к которым относятся около 42% «льготников»). При этом категория ветеранов труда отличается низкой долей лиц, имеющих право на получение льготного пакета социальных услуг (не более трети, в зависимости от вида льготы). Весомую долю получателей льгот из числа тружеников тыла составляют в основном женщины со средним возрастом 70 лет — около 62% женщин-«льготников» отнесли себя именно к этой категории. Средний возраст мужчин с инвалидностью III группы ниже пенсионного возраста и составляет 55 лет, средний же возраст женщин — 60 лет — для инвалидности III группы. Средний возраст лиц, относящихся к инвалидам I и II групп, составляет больше 60 лет как для мужчин, так и для женщин.

Категория лиц, относящихся к «льготникам» в связи с участием в Великой Отечественной войне, сокращается, но все еще составляет заметную долю льготников — 8,7%. Эта категория включает участников Великой Отечественной войны, жителей блокадного Ленинграда, тружеников тыла (проработавшие в тылу в годы Великой Отечественной войны более 6 месяцев). Самой многочисленной является группа женщин — тружеников тыла (4,8% среди всех «льготников») со средним возрастом 81 год.

Большинство лиц, отнесенных к льготным категориям граждан, либо состоят в браке, либо вдовы. Как следует из таблицы 19, вдовами являются в основном пожилые женщины, причем преимущественно они относятся к категориям тружеников тыла, ветеранов труда, ветеранов Великой Отечественной войны. Такая категория, как «члены семьи погибшего, инвалида войны, участника Великой Отечественной войны, ветерана боевых действий», также включает в себя вдов из разных возрастных групп. Другая большая по численности группа — это «льготники», состоящие в зарегистрированном браке. Она включает в себя около 70% мужчин-«льготников» и 30% «льготников»-женщин. Ни с какими отдельными категориями льготников эта группа, в сущности, не связана. Еще одна категория по признаку семейного положения — это лица, разведенные и более не вступавшие в брак. Она на 80% состоит из женщин. Как правило, лица из этой группы относятся к категориям инвалидов II группы и ветеранов труда. Среди лиц, никогда не состоявших в браке, — инвалиды, в том числе дети, а также молодые мужчины — ветераны боевых действий.

Таблица 19

Семейное положение льготников (в % от всех льготников)

Семейное положение	Мужчины	Женщины
лица, никогда не состоявшие браке	2,5	4,2
лица, состоящие в зарегистрированном браке	24,4	20,7
лица, проживающие совместно, но не зарегистрированные	2,7	2,9
лица, разведенные и в браке не состоящие	1,6	6,2
вдовец (вдова)	3,2	31,0
лица, официально зарегистрированные, но вместе не проживающие	0,2	0,4

Городские жители имеют больший доступ к системе льгот. Если среди горожан около 21% относятся к различным категориям «льготников», то среди жителей сел их всего 17,7%. В более детальном разрезе разных типов поселений (табл. 20) прослеживается неоднородность распределения льгот среди их жителей. Среди пенсионеров, не относящихся к льготным категориям граждан, доля работающих составляет около трети (почти 32%). Таким образом, пенсионеры-«льготники» существенно реже прибегают к работе как к источнику дохода. Кроме того, среди работающих пенсионеров-«льготников» 31% указали, что основным источником дохода для них являются не собственные заработки, а пенсионные выплаты.

Таблица 20

Распространенность видов льгот среди домохозяйств разных типов поселений (в %)

Виды льгот	Доля домохозяйств, получающих отдельные виды льгот	В том числе проживающие в:			
		областных центрах	городах	ПГТ	селах
Бесплатное или льготное обеспечение лекарствами	20,9	21,9	20,0	16,8	21,1
Бесплатное или льготное санаторно-курортное лечение	15,1	18,4	12,6	13,2	12,9
Бесплатный или льготный проезд к месту лечения и обратно	14,8	17,1	12,6	11,4	14,2
Бесплатный или льготный проезд на пригородном ж/д транспорте	22,2	27,1	19,0	23,2	17,6

Приоритет малоимущих слоев населения на получение льготного пакета социальных услуг не выявлен. Хотя получатели льгот представлены относительно равномерно среди разных групп по доходу, на долю бедных слоев населения приходится значительно меньшая доля льготников. Особенно ярко неравномерность доступа к социальным льготам проявляется в разрезе город/село, поскольку сельские льготополучатели имеют тенденцию концентрироваться в средних и высоких децилях по доходу.

На рисунке 10 представлено распределение доли «льготников» среди децильных групп по среднедушевому доходу. При этом средний размер доходов по децилям 1–4 ниже установленного прожиточного минимума. Поэтому условно децили с первого по третий мы можем считать бедными. Как раз на эту, самую малообеспеченную группу льготников и приходится наименьшая доля социальных трансфертов. В 1—3 децили входят всего чуть более 20% получателей льгот, тогда как к верхним трем децилям принадлежат 27% льготополучателей. Остальные 53% «льготников» концентрируются в средних группах по доходу, характеризуемых 4—7 децилями.

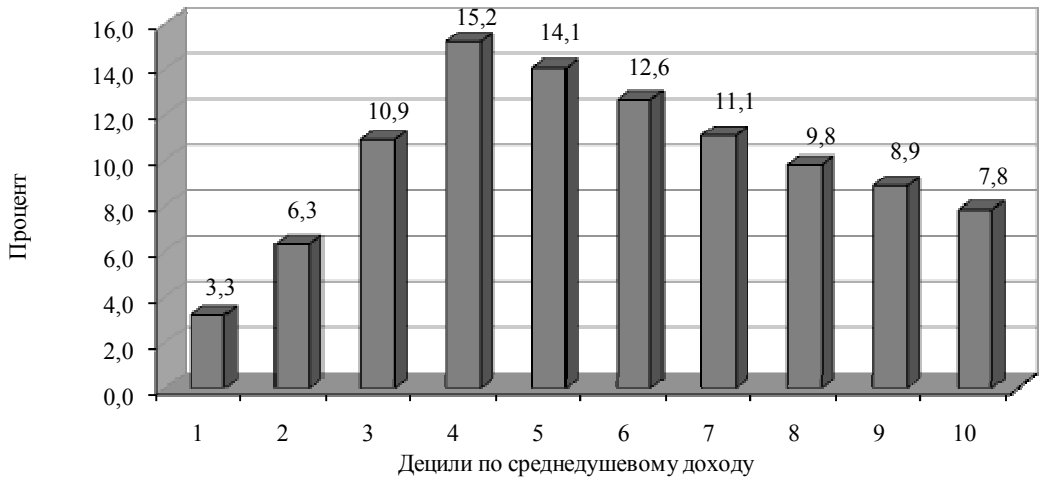

Рис. 10. **Распределение доли «льготников» среди децильных групп по среднедушевому доходу (в %)**

Обратившись к распределению отдельных видов социальных льгот среди обеспеченных и малоимущих слоев населения, можно утверждать, что бедные не имеют приоритетного доступа и ни к одному из видов льгот. В результате проведенного анализа можно утверждать, что адресность льгот по признаку помощи малоимущим категориям граждан очень низка — система предоставления социальных льгот не сглаживает (если не сказать, усиливает) различия в материальном положении различных групп населения.

Из рисунка 11 следует, что распределение льгот в городе отличается относительной однородностью. Доля социальных льгот, приходящихся на самое малообеспеченное городское население, выше, чем в целом по населению. Около 52% получателей льгот относятся к 3—6 децилям по доходу, но наименьшая доля по-прежнему принадлежит к самому бедному слою населения, она составляет всего 13,4%[1]. Среди респондентов последнего дециля удельный вес льготников выше (7,2%), чем среди первого, но более ни одной группы по концентрации не превосходит.

Довольно высокой неоднородностью распределения социальных льгот отличается сельская местность. На первую децильную группу по среднедушевому доходу (самую низкую) в селе приходится всего 1,2% получателей льгот-сельчан, тогда как на последнюю — 10,7%. Наибольшая же доля льготников в селе относятся к 6—8 децильным группам по среднедушевому доходу. Максимальная концентрация (16,1%) наблюдается в седьмом дециле. Но говорить о низкой адресности льгот в данном случае трудно, поскольку граница бедности в селе пролегает между 6 и 7 децилями. А население с доходами ниже установленной границы определенно является прямым адресатом социальных трансфертов. На небедную часть сельчан приходится 53,4% льготников, что ниже, чем в городах. Но столь незначительные доли получателей социальных льгот среди самых малообеспеченных сельчан все-таки свидетельствуют о большой неоднородности распределения льгот.

Анализ распространенности отдельных видов социальных льгот среди категорий лиц, отнесенных законодательством Российской Федерации к льготным категориям граждан, показывает, что чаще всего получают «жизненно важные» льготы лица, причисленные к следующим категориям льготников: участники Великой Отечественной войны; ветераны боевых действий; члены семей погибших на войне, инвалидов и ветеранов боевых действий; инвалиды I, II и III групп.

Рис. 11. **Распределение долей городских и сельских «льготников» среди децильных групп по среднедушевому доходу (в %)**

[1] Доля лиц, относящихся к льготным категориям граждан, чей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума

Бесплатное или льготное обеспечение лекарствами предоставляется большему числу льготников, чем все остальные «жизненно важные» льготы. Почти в каждой категории «льготников» доля получающих эту льготу очень высока и часто превышает 90%. Но есть категории льготополучателей, которым бесплатные или льготные лекарства предоставляются реже: только треть ветеранов труда и бывших несовершеннолетних узников фашизма пользуются этим видом льгот. Другой вид льгот — бесплатное или льготное санаторно-курортное лечение — также предоставляется широкому кругу категорий получателей льгот. Чаще всего им пользуются участники, ветераны и инвалиды войн, члены их семей и инвалиды. Более 60%, но не более 84% в каждой из перечисленных льготных категорий граждан являются получателями этой льготы. Но среди таких категорий «льготников», как бывшие несовершеннолетние узники фашизма, почетные доноры, граждане, подвергшиеся радиационному воздействию в Чернобыле, Семипалатинске, на Новой Земле и других местах, приравненных к ним, лица, необоснованно репрессированные по политическим мотивам и впоследствии реабилитированные, а также ветераны труда, этим видом социальных льгот пользуются лишь немногим более четверти респондентов (менее 26%).

Право бесплатного или льготного проезда на пригородном железнодорожном транспорте полагается лишь трети детей-инвалидов и их опекунов, трети пострадавших от облучения радиацией в установленных зонах и только 1/5 несовершеннолетних узников фашизма. Но среди остальных категорий «льготников» этим видом льготы пользуются более половины граждан.

В течение последних трех лет наблюдался рост распространенности льгот, включенных в социальный пакет, среди лиц, относящихся к льготным категориям граждан. Доля лиц, получающих льготы из социального пакета, среди граждан, относящихся к льготным категориям, выросла в целом почти на 7%. При этом обращает на себя внимание наиболее интенсивный рост (более 1,5%) доли лиц, получающих социальные льготы, в группах ветеранов труда и инвалидов II и III групп. Особенно значительный рост наблюдался в отношении льготы на лекарственные средства. Параллельно отмечалось интенсивное нарастание количества реципиентов, предпочитающих натуральным льготам их денежную компенсацию (для всех видов льгот). Наиболее четко выражена данная тенденция в сельской местности, где фактический доступ к получению положенных натуральных льгот существенно затруднен, и имущественное положение заставляет респондентов чаще указывать, что деньги им важнее и нужнее, чем льготы в натуральном выражении.

Чаще всего льготники предпочитают получать денежную компенсацию вместо бесплатных или льготных лекарств. Доля лиц, отдавших предпочтение денежной компенсации по этому виду льгот, достигла 53% к 2008 г., что связано преимущественно со сложностями оформления натуральной формы льготы и задержками предоставления положенных лекарственных средств. Бесплатное или льготное санаторно-курортное лечение и проезд к месту лечения и обратно на междугороднем транспорте отличаются очень низкой долей получателей льгот. Она составила около 40% «льготников», которые имеют право на льготы, за исключением тех лиц, которые предпочли денежную компенсацию натуральной форме льготы. К 2008 г. доля «льготников», склонившихся к получению денежного эквивалента этих льгот, составила более 45%. Бесплатным или частично оплачиваемым (льготным) проездом на пригородном железнодорожном транспорте регулярно пользуется около трети получателей. Вторая треть предпочитает получать денежные компенсации. Что касается последней трети, то она вообще не пользуется предоставленной им льготой, хотя и сохраняет ее за собой в натуральном виде.

Выяснено также, что льгота на оплату жилищно-коммунальных услуг не только не сглаживает, но, наоборот, усиливает имущественное расслоение, наращивая свою распространенность и увеличивая объем с ростом доходов. Особенно четко эта тенденция проявляется в отношении сельских жителей. Пользование данной социальной льготой не связано напрямую с принадлежностью к льготным категориям граждан, но около половины ее полу-

чателей составляют именно эти люди. В частности, весьма многочисленной является категория ветеранов труда.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что предпринимаемые сегодня шаги в области формирования новой социальной политики мало ориентированы на нужды малообеспеченных слоев населения. Несмотря на постоянно декларируемую необходимость первоочередного внимания к нуждам и потребностям самых разных категорий граждан, в реальной жизни социальная сфера продолжает пребывать в положении пасынка. До сих пор отсутствует хорошо продуманная социальная политика, предусматривающая более или менее приемлемые для всех групп общества варианты решения социальных проблем, а выделяемые на самые неотложные социальные нужды материальные и иные ресурсы явно недостаточны.

1.7. Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

На протяжении нескольких докризисных лет в российском обществе наблюдалось хотя и не очень быстрое, но настойчивое и последовательное нарастание оптимистических настроений. Начиная с октября 2000 г., результаты опросов демонстрировали постепенное расширение в массовых настроениях позитивного спектра как следствие повышения уровня адаптированности населения к условиям трансформирующегося общества. Наибольшие перемены в настроениях россиян пришлись на 1999—2002 гг., т.е. на период интенсивного и неуклонного преодоления негативных последствий предыдущего финансово-экономического кризиса или на начало так называемого восстановительного роста. Не стал глубоким потрясением для значительного большинства российских граждан и стремительно приближающийся новый экономический кризис. Более того, очень многие отнеслись к нему достаточно спокойно, не предполагая предпринимать какие-либо серьезные шаги для противостояния надвигающимся трудностям, что объясняется рядом причин.

Во-первых, несмотря на укрепление стабилизационных и интеграционных процессов, наличие позитивных тенденций в экономическом развитии страны, предкризисное российское общество оставалось обществом повышенного риска, которое требует от человека высокой степени готовности к внезапному появлению новых угроз и опасностей, поиску и оперативному принятию нестандартных решений, осуществлению конкретных действий, направленных на сохранение своего статуса, привычного уклада жизни. В таких непростых, травматических условиях выросло новое поколение россиян. По сути, для многих людей, приспособившихся жить в сложных условиях, научившихся формировать свои бюджеты и планировать расходы, исходя из скудных ресурсов, вхождение в новый экономический кризис стало лишь частью привычного жизненного опыта в ситуации повышенного риска.

Во-вторых, в отличие от финансово-экономического кризиса 1998 г., разразившегося внезапно и заставшего людей врасплох, нынешний кризис надвигался постепенно. Его предпосылки вызревали в течение нескольких лет, о чем постоянно предупреждали добросовестные и ответственные специалисты. Важно учитывать и то, что нынешний кризис зародился далеко за пределами России. Его первые признаки проявились в США еще в 2005 г., когда аналитики заметили, что темпы роста цен на недвижимость там начали падать. В течение нескольких следующих лет россияне имели возможность наблюдать, как кризис охватывал основные мировые рынки, трансформируясь из финансового кризиса в глобальный экономический, достигая беспрецедентных масштабов. Это позволило сгладить остроту восприятия кризисных явлений населением России и оставило людям время для осмысления ситуации и привыкания к обновляющейся среде. Сказывался и низкий уровень экономико-финансовой грамотности значительной части населения, не позволяющий людям уверенно ориентироваться в происходящих событиях и предугадывать развитие кризисных тенденций.

В-третьих, изначально многие люди воспринимали нынешний кризис как глобальный финансовый кризис, который коснется России в меньшей степени, чем других стран. Первые симптомы неблагополучия, проявившиеся в банковско-финансовой сфере, рассматривались

как малозначимые неприятности, которые в скором времени должны исчезнуть сами собой, а последовавшее затем ухудшение ситуации в реальном секторе экономики воспринималось как кратковременное обострение уже известного и привычного внутреннего экономического кризиса. Такая уверенность поддерживалась оптимистическими заверениями руководителей страны, пользовавшихся огромным доверием у населения. Вплоть до октября 2008 г. не только руководство страны, но и чиновники, бизнесмены и банкиры заявляли, что россиянам нечего бояться глобального финансового кризиса, поскольку Россия изолирована от западной экономики и в стране создана надежная «подушка безопасности» в виде колоссальных валютных и бюджетных резервов. Но как показали последующие события, удар глобального кризиса по России оказался весьма существенным, что стало возможным как раз из-за достаточно глубокой интеграции российской экономики в мировую экономику.

В-четвертых, за время радикальных реформ существенно возросли адаптационные возможности россиян. Несмотря на то, что накануне кризиса количество проигравших в результате реформ заметно превышало количество тех, кто сумел добиться ощутимого успеха, уровень адаптированности россиян к сложившимся социальным условиям был довольно высок. Гораздо больше людей стали верить в свои силы и возможности. Россияне намного активнее, чем на первых этапах реформ, начали осваивать различные способы социально-экономической адаптации, чаще принимать ответственные решения, проявлять инициативу и предприимчивость.

Вышеизложенное во многом объясняет тот факт, что в октябре 2008 г. многие показатели, характеризующие социальное самочувствие россиян, демонстрировали как бы по инерции укрепление позитивных тенденций. Так, осенью 2008 г. доля респондентов, удовлетворенных своей жизнью в целом, достигла 42,2% — максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга (табл. 21). Это на 6,1% больше, чем в 2006 г. и в 3,5 раза больше, чем в кризисном 1998 г., когда уровень удовлетворенности россиян своей жизнью был минимальным. Одновременно сократился удельный вес россиян, не удовлетворенных своей жизнью (с 39,9% в 2006 г. до 35% в 2008 г.) и занимающих промежуточную, неопределенную позицию (соответственно с 23,5 до 22,1%). Отмеченные тенденции в той или иной степени были характерны для самых различных категорий населения. Но при этом пожилые люди были более критичны в своих оценках, чем молодые люди. Лица с высшим образованием были чаще удовлетворены своей жизнью, чем менее образованные; горожане — чаще, чем сельчане и жители небольших поселков. Заметно снижают уровень удовлетворенности своей жизнью в целом бедность и отсутствие или угроза потери работы.

Таблица 21

Удовлетворенность своей жизнью в целом (в %)

Оценка	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Полностью удовлетворены	3,6	3,4	2,6	2,2	3,8	5,5	6,9	5,9	5,2	5,4	6,5	6,6	6,3
Скорее удовлетворены	10,8	10,6	9,3	9,7	13,8	17,4	26,7	24,8	30,3	31,3	29,6	33,5	35,9
И да, и нет	20,5	20,9	19,9	18,0	22,1	23,9	23,9	22,6	24,1	25,5	23,5	23,8	22,1
Не очень удовлетворены	40,2	35,8	36,6	33,4	36,6	35,4	30,6	32,1	28,8	26,3	27,7	24,6	24,5
Совсем не удовлетворены	23,6	28,5	30,6	35,9	22,7	17,0	11,5	14,1	11,1	10,8	12,2	10,9	10,5
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,8	1,0	0,8	0,4	0,5	0,5	0,7	0,5	0,6	0,7

К тенденциям, действующим в этом направлении, следует отнести также дальнейшее, хотя и не особенно существенное, нарастание удовлетворенности россиян своим материальным положением и стабилизацию оценок изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев. Как следует из рисунка 12, с 2000 г. по 2008 г. доля россиян, удовлетворенных материальной стороной своей жизни, увеличилась с 11,1 до 23,1%, т.е. более чем вдвое, в том числе за 2007—2008 гг. — на 4,3%[1]. При этом удельный вес граждан,

[1] Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

которых не устраивает их материальное положение, за 2000—2008 гг. сократился с 75,4 до 58,8%, т.е. на 16,6%, в том числе за последние два года на 4,5%. Стоит обратить внимание также на некоторое увеличение удельного веса лиц, занимающих неясную позицию («и да, и нет»). С 2000 г. по 2008 г. этот рост составил 4,6%. Таким образом, несмотря на то, что уровень удовлетворенности россиян материальной стороной своей жизни в предкризисный период оставался крайне низким, его динамика была в целом позитивной.

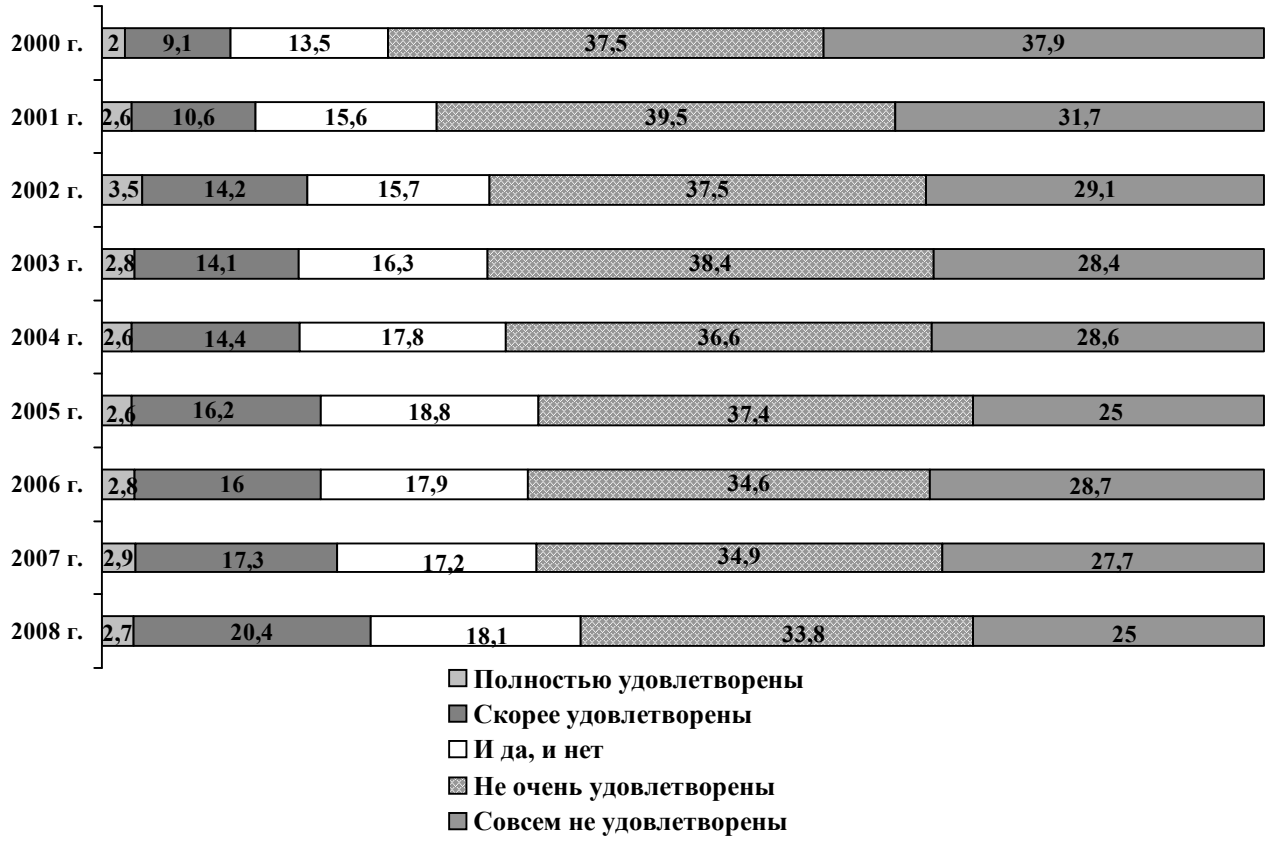

Рис. 12. **Удовлетворенность своим материальным положением (в %)**

Что касается оценок изменения материального положения своих семей за последние 12 месяцев, то они менялись в том же позитивном направлении, но гораздо медленнее (рис. 13)[1]. За 2001—2008 гг. доля граждан, указывающих на улучшение материальных условий жизни, увеличилась с 23,8 до 28,3%, т.е. на 4,5%. При этом за последние два года никаких существенных изменений не произошло. В 2007—2008 гг. примерно каждый шестой респондент отмечал ухудшение экономического положения своей семьи за прошедший год, тогда как в 2001 г. на это указывал каждый четвертый опрошенный. Но общий итог оставался, безусловно, положительным. В 2008 г. доля позитивных оценок более чем в 1,7 раз превосходила удельный вес негативных оценок. При этом большинство граждан на протяжении всех последних лет (от 52,4% в 2001 г. до 55,3% в 2006 г.) не замечали каких-либо изменений в своем материальном положении.

В целом нарастание оптимистических настроений в предкризисный период, несмотря на усиление тревожных сигналов, исходивших их разных секторов экономики, во многом было обусловлено не только сохранением инерционных моментов, но и существованием противоположных, нередко взаимоисключающих ориентаций в массовом сознании. Позитивные перемены, происходившее в социально-экономическом положении населения в последние годы, вносили в массовое сознание совершенно новые элементы, вселяющие надежду на

[1] Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

незыблемость, необратимость сложившихся тенденций. Свойственные еще в недавнем прошлом широким слоям ощущение принадлежности к низам общества, чувство безысходности и предопределенности своей судьбы, некой социальной отверженности, порожденной материальной бедностью, становились все менее характерными для их мироощущения. У все более значительных групп граждан возникало убеждение в расширении социальных горизонтов.

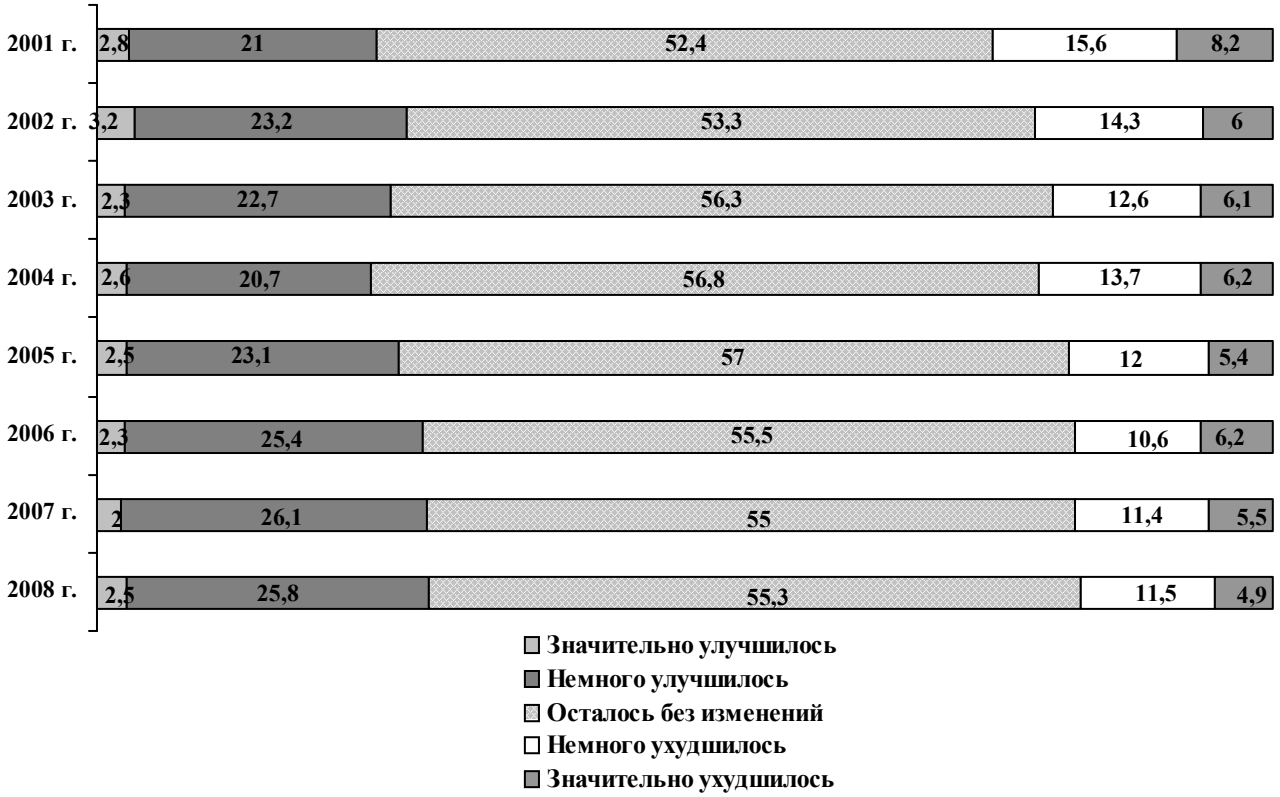

Рис. 13. **Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев (в %)**

Как следует из таблицы 22, за последний год, т.е. в период все ускоряющегося нарастания кризисных явлений, доля респондентов, располагающихся, по самооценкам, на нижних ступенях шкалы материального благосостояния, т.е. относящих себя к наименее обеспеченным слоям населения, уменьшилась с 39,9 до 36,5%, и одновременно увеличился удельный вес лиц, занимающих ступени среднего и верхнего уровней (соответственно с 56,3 до 58,6% и с 3,8 до 4,9%)[1]. Эти изменения явились продолжением общих позитивных тенденций, которые наблюдались в предыдущие годы. В целом за 1998—2008 гг. доля респондентов, относящих себя к средним слоям на шкале материального благосостояния, выросла более чем в полтора раза — с 38,7 до 58,6%, значительно превысив долю тех, кто относил себя к малообеспеченным или бедным. Удельный вес последних за этот же период уменьшился более чем в 1,6 раз — с 59,5 до 36,5%.

[1] В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Таблица 22

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки

Год сбора данных	Уровни и ступени шкалы, %								
	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994 г.	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1995 г.	14,2	16,6	22,7	20,9	19,3	4,6	1,4	0,3	0,1
1996 г.	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998 г.	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000 г.	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001 г.	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002 г.	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003 г.	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004 г.	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005 г.	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006 г.	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007 г.	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008 г.	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6

Рассматривая изложенные данные, необходимо иметь в виду относительность позитивных перемен. Значительное большинство граждан по-прежнему оценивали состояние собственных финансов и достигнутый уровень материального благополучия негативно или весьма осторожно. Так, удельный вес респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, достигал в 2008 г. 58,8%. Явления недовольства материальной стороной своей жизни были весьма широко распространены среди граждан разного пола и возраста, среди лиц, проживающих в городах и в сельской местности. К тому же, 55,3% россиян не замечали каких-либо перемен в материальном положении своих семей, а 16,4% — обращали внимание на его ухудшение. При этом очень четко прослеживалась тенденция: чем старше респонденты и чем ниже уровень материального благосостояния их семей, тем реже они отмечали позитивные изменения в материальном положении.

Анализ изложенных данных позволяет говорить о том, что усиление оптимистических настроений россиян, нарастание уровня их социальных ожиданий в предкризисный период далеко не всегда совпадало с повышением уровня удовлетворенности своим материальным положением. Требования, выходящие за рамки традиционных материальных запросов, касающиеся качественных аспектов жизни, были характерны для сознания небольшой части граждан, тогда как большинство россиян испытывали серьезные материальные трудности, не избавились от ощущения неустойчивости своего положения, обеспокоенности нерешенностью целого ряда важных социальных проблем. Для бедствующего большинства надвигающийся кризис не мог быть серьезным потрясением или шоком. Этих людей гораздо больше беспокоили очередной виток роста цен, жилищная проблема, задержки заработной платы, отсутствие достойных жизненных перспектив, качественного медицинского обслуживания и т.д.

Вместе с тем нельзя не заметить, что описанные выше тенденции не отражают весь спектр сдвигов, происходивших в общественном сознании осенью 2008 г. Как бы то ни было, но одним из главных направлений нового настроя массового сознания стало появление первых признаков тревожности в связи с нарастанием экономического кризиса, который перво-

начально развивался в очаговых формах. Непосредственным отражением этих процессов явилось возникновение в качестве самостоятельной тенденции в сознании отдельных групп населения пессимистических настроений. Как показал анализ, за малоподвижными макропоказателями скрывались существенные изменения на микроуровне. Но это были все же очень спокойные, взвешенные реакции, не имеющие ничего общего с растерянностью и шоком, которые пережили россияне в августе 1998 г. Давление обстоятельств жизни, испытываемое тогда населением, было значительно сильнее того, с которым столкнулись россияне на начальном этапе нового экономического кризиса. Некоторым людям использование прежнего опыта преодоления последствий кризиса, называемого «постадаптацией»[1], существенно облегчило вхождение в новую кризисную социальную среду.

Предощущение наступления глубокого кризиса выразилось, в частности, в том, что часть россиян стала по-новому, более сдержанно и менее позитивно оценивать собственные жизненные перспективы. Ближайшее будущее представлялось этим людям довольно туманным. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос: «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?». В октябре 2008 г. в сравнении с октябрем 2007 г. доля респондентов, позитивно оценивающих свои личные и семейные жизненные перспективы, снилась с 26,7 до 23,5%, т.е. на 3,2% (табл. 23). При этом 21,9% опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос, что является одним из достаточно убедительных свидетельств широкого распространения среди россиян ощущения ненадежности своего положения, нестабильности существования. Чаще других испытывали затруднения в оценке своих жизненных перспектив респонденты с низким уровнем образования и проживающие в небольших поселках. Что касается граждан, рассчитывающих на худшее, то их доля выросла с 10,9 до 13,3%, т.е. на 2,4%.

Таблица 23

Оценка личных и семейных жизненных перспектив (в %)

Оценка	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Будут жить намного лучше	2,4	2,6	1,7	1,5	3,0	3,5	3,8	3,1	3,6	2,8	3,1	2,9	3,0
Будут жить немного лучше	14,4	12,0	12,3	9,1	15,7	20,7	21,6	21,0	20,4	20,5	22,1	23,8	20,5
Ничего не изменится	34,7	36,9	37,0	28,3	44,1	45,2	46,8	45,1	46,0	44,2	47,1	41,8	41,3
Будут жить немного хуже	20,0	18,0	16,7	17,7	11,1	9,1	8,3	8,1	9,7	7,3	5,8	6,6	8,9
Будут жить намного хуже	20,8	20,0	18,8	25,7	7,7	4,6	3,4	3,5	4,0	3,5	2,5	4,3	4,4
Затруднились ответить	7,7	10,5	13,5	17,7	18,4	16,9	16,1	19,2	16,3	21,7	19,4	20,6	21,9

Среди изменений последних двух лет обращает на себя внимание значительное сокращение доли лиц, которые убеждены, что в их жизни ничего не измениться: с 47,1% в 2006 г. до 41,3% в 2008 г., т.е. на 5,8%, а также увеличение на 5 процентных пунктов удельного веса россиян, ожидающих ухудшения своей жизни. До 2006 г. наблюдалась противоположная тенденция: доля лиц, негативно оценивающих свои перспективы с 1998 г. по 2006 г. постоянно уменьшаясь, сократилась с 43,4 до 8,5%, т.е. более чем в 5 раз, тогда как доля «позитивного спектра» выросла с 10,6 до 25,2%, т.е. в полтора раза.

Приращение позитивного спектра в 2008 г. произошло преимущественно за счет женщин, лиц среднего возраста, обладающих достаточно высоким уровнем образования. Но в целом сохранялась уже устоявшаяся тенденция, демонстрирующая ухудшение оценок личных и семейных жизненных перспектив по мере повышения возраста респондентов, т.е. со-

[1] *Корель Л.В.* Генезис и механизм адаптаций в постсоциалистической России: теоретико-методологический подход // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С. 211.

бытия, связанные с распространением глобального кризиса, не нарушили сложившуюся конфигурацию оценок.

Пессимистические, негативные настроения в отношении своего будущего в большей мере были характерны сельчанам и жителям небольших поселков, чем горожанам. Только каждый пятый сельчанин в октябре 2008 г. надеялся, что через год будет жить лучше, а почти 55% думали, что в их жизни ничего не изменится. В то же время среди жителей региональных центров около трети демонстрировали оптимистические ожидания и до 40% считали, что будут жить примерно так же, как и в уходящем году. Учащиеся общеобразовательных учреждений и студенты разделяли оптимистические настроения относительно своего будущего чаще, чем наемные работники и специалисты, и намного чаще, чем различные категории неработающих граждан — безработные, не работающие по состоянию здоровья, неработающие пенсионеры и временно неработающие, но и не желающие трудиться. Исключение составляли домохозяйки, занятые воспитанием детей, и женщины, которые находились в декретном отпуске или официальном отпуске по уходу за ребенком, многие из которых с оптимизмом смотрели в будущее.

Было также выявлено, что в октябре 2008 г. в группе работников, занятых на предприятиях и в организациях частного сектора, больше оптимистов, чем в когорте работников государственного сектора. Но особенно высоко оценивали свои жизненные перспективы работники, занятые на предприятиях и в организациях, владельцами и совладельцами которых являются иностранные фирмы и иностранные частные лица. Среди них было почти в полтора раза больше лиц, позитивно оценивающих свои жизненные перспективы, чем среди работников государственных и частных предприятий, и намного меньше тех, кто считал, что в их жизни ничего не изменится или что их жизнь ухудшится. Симптоматично, что по сравнению с октябрем 2007 г. наибольшее ухудшение оценок жизненных перспектив отмечено у работников частного сектора, а наименьшее — у работников государственного сектора.

В отличие от оценок личных и семейных жизненных перспектив, показатели изменения обеспокоенности населения невозможностью обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года практически не изменились. В 2008 г., как и в 2006—2007 гг., выражали беспокойство по этому поводу около 69% респондентов (табл. 24). И хотя это существенно меньше, чем 75,7% респондентов, выразивших аналогичное мнение в 1994 г., и меньше, чем 84,2% опрошенных, ответивших подобным образом в 1998 г., говорить о кардинальных сдвигах в оценках своего будущего не представляется возможным. Очевидно, что в условиях обострившихся экономических трудностей проблемы материального благополучия приобретают для человека гораздо большее значение, чем в лучшие времена. Однако устоявшийся уровень обеспокоенности материальными проблемами не меняется одновременно с изменением экономической ситуации. Действительное состояние массового сознания в переходный период предоставляет немало примеров подобной устойчивости, оказывающей значительное влияние на формирование представлений о своем настоящем и будущем.

Таблица 24

Обеспокоенность невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев (в %)

Степень обеспокоенности	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Очень беспокоит	53,6	55,5	57,1	64,0	49,6	42,3	41,6	41,8	40,1	39,5	39,2	35,6	37,3
Немного беспокоит	22,1	21,8	22,3	20,2	22,8	26,2	31,0	29,7	31,0	31,0	31,3	33,2	31,5
И да, и нет	7,8	8,5	8,5	6,3	10,7	12,5	9,1	9,1	11,1	12,5	11,8	12,0	11,0
Не очень беспокоит	11,2	9,8	8,2	6,6	11,4	13,2	12,6	13,5	12,1	12,2	12,3	13,8	14,4
Совсем не беспокоит	5,3	4,4	3,9	2,9	5,5	5,8	5,7	5,9	5,7	4,8	5,4	5,4	5,8

Известно, что страх перед безработицей, боязнь остаться без стабильных источников дохода негативно влияет на потребление, вынуждает людей ограничивать расходы, чтобы сохранить средства на случай вынужденной потери рабочего места. Но поскольку в октябре 2008 г. негативные настроения, связанные с угрозой безработицы, еще не набрали силу, люди не рассматривали ситуацию вынужденного сокращения потребления как реальную проблему. А те, кто проецировали подобную ситуацию на себя, на свою семью, чаще всего рассматривали в качестве вынужденной меры ограничение покупок дорогостоящих товаров и услуг, но не самого необходимого. Вместе с тем, анализируя причины стабильности значений обеспокоенности населения невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, нельзя забывать о крайне высоком уровне такого пессимизма. В октябре 2008 г. только лишь один из пяти опрошенных не выражал особого беспокойства по данному поводу. Причем всего лишь 5,8% респондентов были полностью уверены, что никакие невзгоды не смогут помешать им обеспечивать себя всем самым необходимым в обозримом будущем.

В целом высокая степень беспокойства по поводу успешности решения первоочередных материальных проблем характерна не только для бедных, но и для наиболее обеспеченных людей. Так, если в самом бедном квинтиле с тревогой смотрят в будущее почти три четверти опрошенных, то в самом богатом — около половины. Подобная обеспокоенность нарастает по мере повышения возраста респондентов, но в самых старших возрастных когортах ее уровень стабилизируется. Сельчане и жители небольших поселков проявляют большую тревожность, чем горожане. К категориям работников, испытывающим наибольшую обеспокоенность перспективами решения материальных проблем, относятся занятые в сельском хозяйстве и тяжелой промышленности, тогда как в противоположную группу попадают финансисты и работники науки и культуры. Как и следовало ожидать, люди, занимающиеся предпринимательской деятельностью и бизнесом, меньше других задумываются о том, как обеспечить себя самым необходимым в недалеком будущем. Но и среди них тревожность по этому поводу выражают свыше половины представителей данной группы. Такие значительные показатели во многом можно объяснить высоким уровнем материальных запросов и притязаний предпринимателей и бизнесменов.

II. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕННЫМ УСЛОВИЯМ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

2.1. Социально-психологические аспекты занятости и трудоустройства

Среди многочисленных проблем трансформирующегося общества ключевая роль принадлежит проблеме социально-экономической адаптации, включающей непростые вопросы приспособления к измененным условиям труда и занятости. Это связано с тем, что посредством трудовой деятельности реализуется основная функция повседневности — жизнеобеспечение, вокруг которой концентрируются главные проблемы адаптации населения к меняющейся социальной действительности. Трудовая деятельность не только удовлетворяет жизненные потребности, но и объединяет разрозненных индивидов в единый социальный организм, являясь ретранслятором культуры и одновременно необходимым условием его развития.

К числу тех стержневых проблем, которые непосредственно связаны со сферой трудовой деятельности, играющей важнейшую роль в жизни общества, относится занятость. От решения проблемы занятости во многом зависит успех вывода страны из глубокого экономического кризиса. Речь идет не только о преодолении тех или иных кризисных явлений и стабилизации социально-экономического развития, снижении негативных последствий, связанных с сокращением численности трудоспособного населения и структурной перестройки экономики, но и о расширении возможностей для реализации жизненных интересов основной массы населения. В настоящее время ориентация на постоянную занятость и профессиональную деятельность приобрела исключительно важное, жизненное значение и составляет основное содержание образа мышления и образа поведения значительной части населения. В нынешних экономических условиях характер занятости выступает важнейшим фактором, определяющим уровень жизни и социальное положение работников и их семей, потенциал их социально-экономической адаптации, выбор путей, механизмов и способов приспособления к трансформирующейся действительности. По сути, стремление людей к трудоустройству и сохранению работы стало главной чертой их существования.

Все это объясняет, почему ощущение надвигающегося финансово-экономического кризиса выразилось в первую очередь в изменении отношения определенной части российских граждан к проблемам занятости и трудоустройства. Озабоченность проблемами занятости, трудоустройства, обеспокоенность угрозой безработицы оказались сильнее, чем любые иные переживания, инициированные новым экономическим кризисом. Об этом можно судить по ответам респондентов на вопрос: «Насколько вас беспокоит то, что можете потерять работу?».

Анализ показал, что в октябре 2008 г. в сравнении с аналогичным периодом 2007 г. доля россиян, обеспокоенных возможностью потери работы, выросла с 53,2 до 57,4 %, т.е. на 4,2 процентных пункта (рис. 14). Причем данный рост произошел главным образом за счет лиц, выражающих высокую степень беспокойства. Это было весьма существенное приращение, если учесть, что с конца 2002 г. данный показатель практически не менялся. Одновременно с 35,3 до 31,3%, т.е. на 4 процентных пункта уменьшилась доля респондентов, которые не замечали нарастания угрозы потери работы. Выявленные тенденции стали одним из наиболее очевидных свидетельств начала ломки некоторых сформировавшихся ранее представлений, связанных с окончательным преодолением последствий предыдущего финансово-экономического кризиса (август 1998 г.) и постепенным переходом к стабильному экономическому развитию.

Кроме того, подобные данные показывают и то, что определенный оптимизм, сформировавшийся на волне восстановительного экономического роста, оказался весьма шатким, чутко реагирующим на изменения экономической ситуации. Такая высокая неустойчивость в немалой степени является следствием пережитых ранее глубоких потрясений и шоков трансформационного периода.

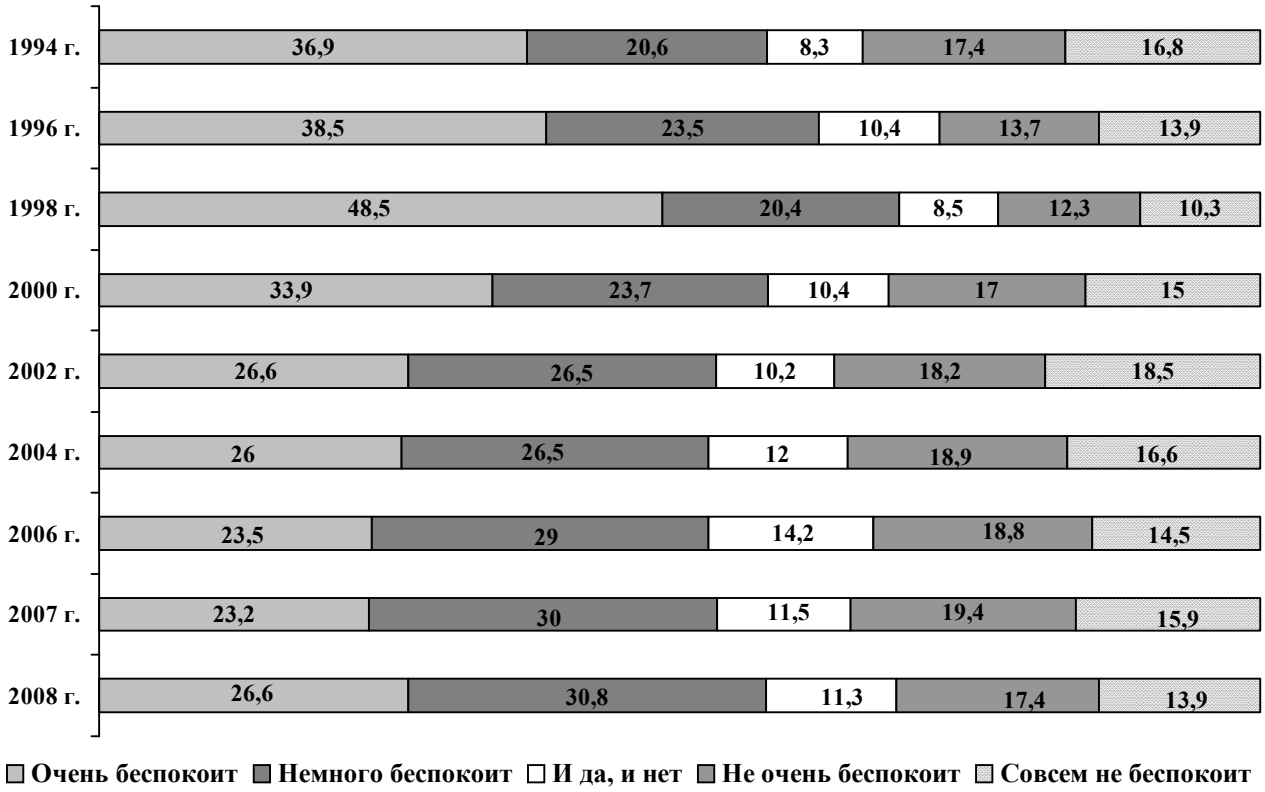

Рис. 14. **Обеспокоенность угрозой потери работы (в %)**

Заметно выросла за последний год также доля лиц, не уверенных в способности найти подходящую работу, не хуже прежней, в случае потери нынешнего рабочего места. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?». Как следует из рисунка 15, доля лиц, не уверенных в способности решить проблему трудоустройства, постоянно снижавшаяся с 1998 г., резко выросла за последний год на 4,3% — с 39,2% в октябре 2007 г., когда было зафиксировано минимальное значение, до 43,5% в октябре 2008 г. При этом удельный вес лиц, уверенных в своих силах, сократился с 45 до 39,6%, т.е. на 5,4%.

Рост уверенности в возможности трудоустройства в докризисный период имел под собой веское основание в виде снижения уровня безработицы в стране. Но как только угроза безработицы усилилась, оптимистические настроения сразу же пошли на спад. Здесь необходимо иметь ввиду, что одной из наиболее характерных особенностей настроений самых широких слоев населения уже давно является озабоченность проблемами занятости, придающая людям ощущение неуверенности, ненадежности своего бытия. Повышенная обеспокоенность неопределенностью своего существования, неясными жизненными перспективами нередко возникает или усиливается не только по причине отсутствия работы, но и на почве угрозы ее потери.

Этим можно объяснить тот факт, что особенно высоким в октябре 2008 г. оказался процент лиц, негативно оценивающих свои возможности, среди респондентов, уверенных, что вероятность увольнения для них велика. Если среди тех, кого угроза потери работы беспокоила очень сильно, удельный вес граждан, негативно оценивающих возможность повторного трудоустройства, составлял 69,7%, то среди тех, кого эта проблема «немного беспокоила» или «не очень беспокоила» — соответственно 42,9 и 25,9%. Примечательно, что среди респондентов, которых проблема безработицы совершенно не волновала, неуверенность по поводу нового трудоустройства выражал примерно каждый пятый опрошенный. Значитель-

ную долю этих респондентов, считающих себя неуязвимыми в кризисных условиях, составляли лица, занимающие престижные, высокооплачиваемые рабочие места, позволяющие работникам наиболее полно реализовать свои способности. Но найти еще один раз такую работу им кажется нереальным или маловероятным.

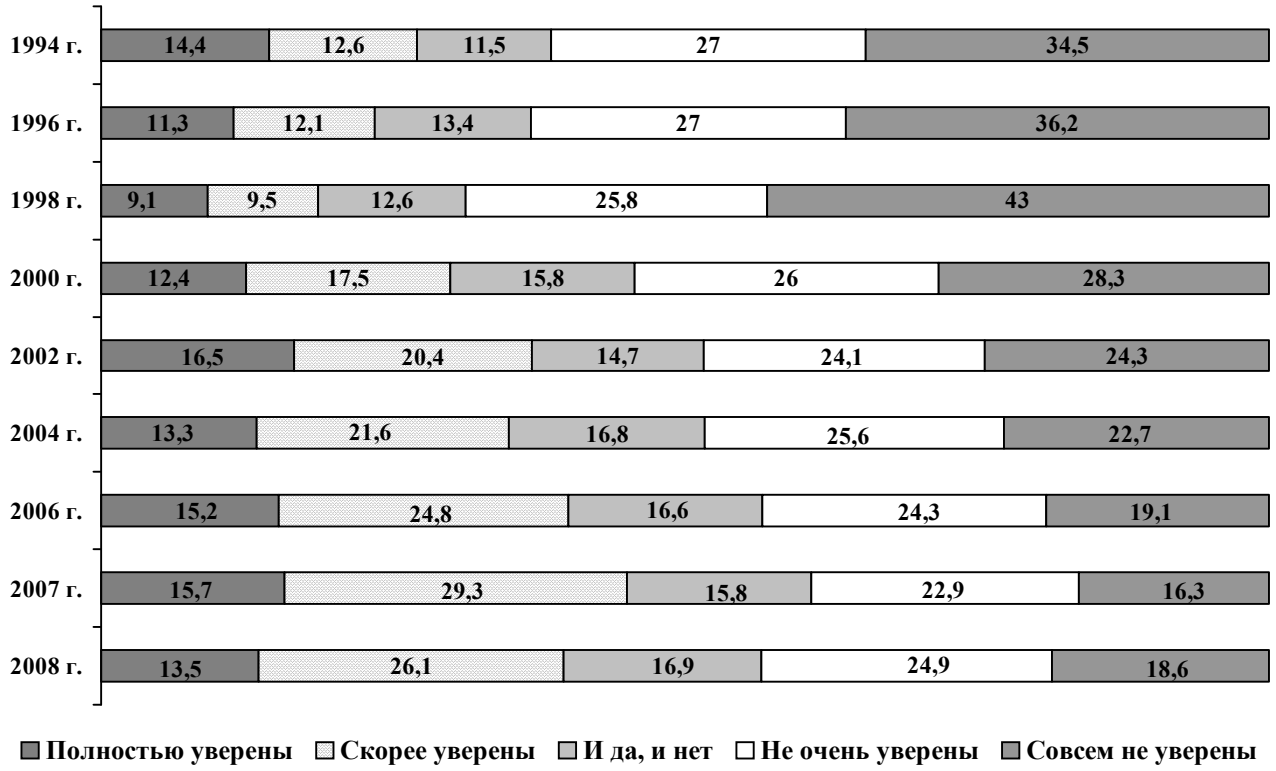

Рис. 15. **Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы (в %)**

В кризисных условиях, когда спрос на рынке труда падает, а предложение нарастает, у граждан, потерявших работу, возникают огромные сложности с трудоустройством, особенно если речь идет о людях, не отличающихся высокой конкурентоспособностью. В этой связи вызывает интерес тот факт, что наиболее высокий рост обеспокоенности безработицей был отмечен у респондентов в возрасте от 30 до 50 лет, специалистов с высоким уровнем образования, т.е. у работников с развитым адаптационным потенциалом. Причем самый высокий уровень тревожности, достигающий 62%, был зафиксирован в группе 40—50-летних. Думается, что причина подобных настроений кроется в том, что многие из этих людей очень сильно дорожат своей работой. Еще в ходе ранних опросов было замечено, что больше других боятся потерять свое рабочее место работники, которым есть, что терять.

Рост тревожности по поводу угрозы безработицы отмечен также в когорте 21—30-летних респондентов (с 45,5% в октябре 2007 г. до 50,4% в октябре 2008 г.). Но поскольку в октябре 2008 г. спрос на рабочую силу во многих регионах все еще превышал предложение, основная масса работников реагировала на кризис достаточно спокойно и сдержанно. В значительной мере это было характерно выпускникам вузов и других образовательных учреждений, которым свойственно с повышенным оптимизмом смотреть в будущее. Немаловажное значение в данном случае имела также ограниченность собственного социального опыта данной категории молодых людей, отсутствие у нее достаточных знаний об окружающей действительности, опирающихся на личную жизненную практику. Что касается представителей старшего поколения, то они встретили кризис без особого беспокойства. Причем среди 51—60-летних респондентов было отмечено даже существенное снижение (на 5,5 процентных пунктов) озабоченности проблемой безработицы.

Нарастание угрозы безработицы наиболее отчетливо ощущалось в малых городах, небольших поселках и в сельской местности. При этом особенно высокий уровень тревожности отмечался в тех монопрофильных населенных пунктах, где жизнь людей во многом зависит от деятельности одного градообразующего предприятия, обеспечивающего работой большинство трудоспособного населения. В региональных центрах и других крупных городах с развитыми рынками труда и высококвалифицированной рабочей силой влияние кризиса оказалось менее заметным. Еще более четко были выражены данные тенденции в отношении изменения уверенности в возможности повторного трудоустройства.

Различия в восприятии возросшей угрозы потери работы в немалой степени определяются отраслевой спецификой, которая представлена в таблице 25. Рассматривая изложенные данные, следует иметь в виду, что нынешний экономический кризис начинался как финансовый кризис с обвала ипотечного кредитования в США. В августе 2007 г. он распространился на Европу, и мировая финансовая система начала испытывать нехватку денег. Этим в немалой степени объясняется тот немаловажный факт, что первыми в России, еще в 2007 г., почувствовали дыхание кризиса работники отраслей экономики, которые наиболее тесно связаны с внешними рынками — нефтегазовой промышленности, энергетики, финансов, военно-промышленного комплекса и некоторых других отраслей промышленности. Именно в этих отраслях, начиная с конца 2007 г., отмечается самый значительный и последовательный рост обеспокоенности работников угрозой потери работы. В существенной мере указанная тенденция реализуется также работниками строительства, втянутыми в эпицентр кризисных событий, а также лицами, занятыми в образовании и здравоохранении.

Таблица 25

Обеспокоенность проблемами занятости работников различных отраслей экономики (в %)

Отрасль	Обеспокоены угрозой потери работы*			Не уверены, что найдут подходящую работу **		
	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Легкая и пищевая промышленность	58,3	52,7	57,6	42,1	36,4	41,6
Гражданское машиностроение	55,6	58,6	60,0	54,2	52,1	53,9
Военно-промышленный комплекс	56,1	57,2	61,0	57,0	49,5	49,4
Нефтегазовая промышленность	65,3	71,3	79,2	32,3	32,8	43,3
Другая отрасль тяжелей промышленности	52,2	53,7	60,3	43,3	45,9	46,1
Строительство	46,1	49,5	57,4	30,6	31,6	39,7
Транспорт, связь	56,3	53,0	52,8	43,5	37,2	41,4
Сельское хозяйство	60,5	59,2	65,5	64,1	59,7	59,8
Органы управления	60,0	54,8	60,0	57,9	43,6	55,7
Образование	48,3	53,0	55,8	47,6	42,4	45,4
Наука, культура	46,5	49,3	51,7	45,0	41,8	52,9
Здравоохранение	48,4	50,3	54,2	43,3	41,6	44,3
Армия, МВД, органы безопасности	55,0	56,7	53,2	36,5	34,3	39,2
Торговля, бытовое обслуживание	45,9	51,6	52,8	32,4	26,2	29,1
Финансы	50,0	53,7	60,6	39,4	35,4	34,3
Энергетическая промышленность	57,5	70,0	70,2	53,2	50,0	53,3
Жилищно-коммунальное хозяйство	57,1	54,4	61,3	44,5	43,7	48,1

* Приведены суммарные данные по позициям «очень беспокоит» и «немного беспокоит»

** Приведены суммарные данные по позициям «совсем не уверены» и «не очень уверены»

Характерно, что в октябре 2008 г., когда кризис начал стремительно охватывать российскую экономику, рост тревожности по поводу возможной потери работы был зафиксирован практически во всех отраслях. Этому росту непосредственно предшествовало самое значительное снижение мировых цен на нефть, падение фондового рынка в России, начало «плановой девальвации» рубля. Усиление финансового кризиса вызвало сокращение государственных проектов в области инфраструктуры и строительства, инвестиционных программ крупных компаний, что не могло не отразиться на состоянии российской экономики.

Обращение к данным, изложенным в правой части таблицы 25, показывает, что рост обеспокоенности угрозой потери работы не всегда сопровождается повышением неуверенности в возможности решить эту проблему в случае необходимости. Наиболее полное совпадение наблюдается в когортах работников нефтегазовой промышленности, строительства, науки и культуры, жилищно-коммунального хозяйства. Иная картина обнаруживается в группах респондентов, занятых в финансах, торговле и бытовом обслуживании, военно-промышленном комплексе, сельском хозяйстве. Многие из этих работников, осознавая нарастание опасности стать безработным, не выражают по этому поводу никакого серьезного беспокойства.

Повышенный рост озабоченности проблемами занятости отмечен, с одной стороны, в группе законодателей, крупных чиновников и управляющих, с другой стороны, в группах ремесленников и разнорабочих. Что касается работников предприятий и организаций различной формы собственности, то нарастание тревоги в связи с возможной потерей работы в условиях экономического кризиса в набольшей мере характерно занятым на предприятиях и в организациях с иностранным участием, а в наименьшей — работникам государственных предприятий и организаций. Причем, если до кризиса в 2007 г. уровень тревожности в компаниях с иностранным участием был самым низким (45,5% против 54,3% — в государственном секторе и 52,9% — в частном секторе), то после его начала превысил все другие показатели (63,4% против 57,9 и 57,7% соответственно). Среди других тенденций отметим, что боязнь увольнения и неуверенность в возможности найти новую работу в большей мере характерна работникам, оформленным на своей работе официально, в отличие от тех, кто работает без трудового соглашения или контракта. Однако рост беспокойства проблемами занятости в обеих группах с началом кризиса оказался примерно одинаковым.

Важным фактором нарастания тревожности проблемами трудоустройства на начальном этапе кризиса явилась оценка изменения материального положения своей семьи. Если среди граждан, отмечающих улучшение материального положения, доля лиц, обеспокоенных возможностью потери работы, выросла с октября 2007 г. по октябрь 2008 г. с 43,1 до 45,3%, т.е. на 2,2%, то среди тех, кто заметил ухудшение материальных условий жизни — с 52,3 до 65,8%, т.е. на 13,5%.

Обеспокоенность угрозой потери работы и неуверенность в возможности трудоустройства вносят существенный вклад в формирование негативных эмоциональных состояний. Как показывает анализ, уровень социального самочувствия тем выше, чем меньше обеспокоенность респондентов угрозой потери работы и проблемой трудоустройства. Среди оптимистов доля людей с высоким уровнем самочувствия почти вдвое выше, чем среди тех, кто крайне негативно оценивает свои шансы.

Характерно, что рост озабоченности россиян проблемами занятости и трудоустройства в 2008 г. произошел на фоне повышения уверенности граждан в собственных силах. За 2007—2008 гг. доля респондентов, позитивно оценивающих соответствие своих качеств текущей экономической ситуации, выросла с 42,3 до 44,2%, т.е. на 1,9%., достигнув самого высокого значения за все время наблюдений (рис. 16). В целом с 1998 г., когда было зафиксировано минимальное значение, по 2008 г. данный показатель вырос в полтора раза или на 14,5%. Высокие самооценки соответствия собственных качеств требованиям современной рыночной ситуации позволяют ожидать в дальнейшем от человека более высокой активности и настойчивости в решении жизненных проблем. И действительно, для большинства вербальных «рыночников» характерны ориентация на успех, индивидуальные достижения, целеустремленность, высокие волевые качества, уверенность в собственных силах.

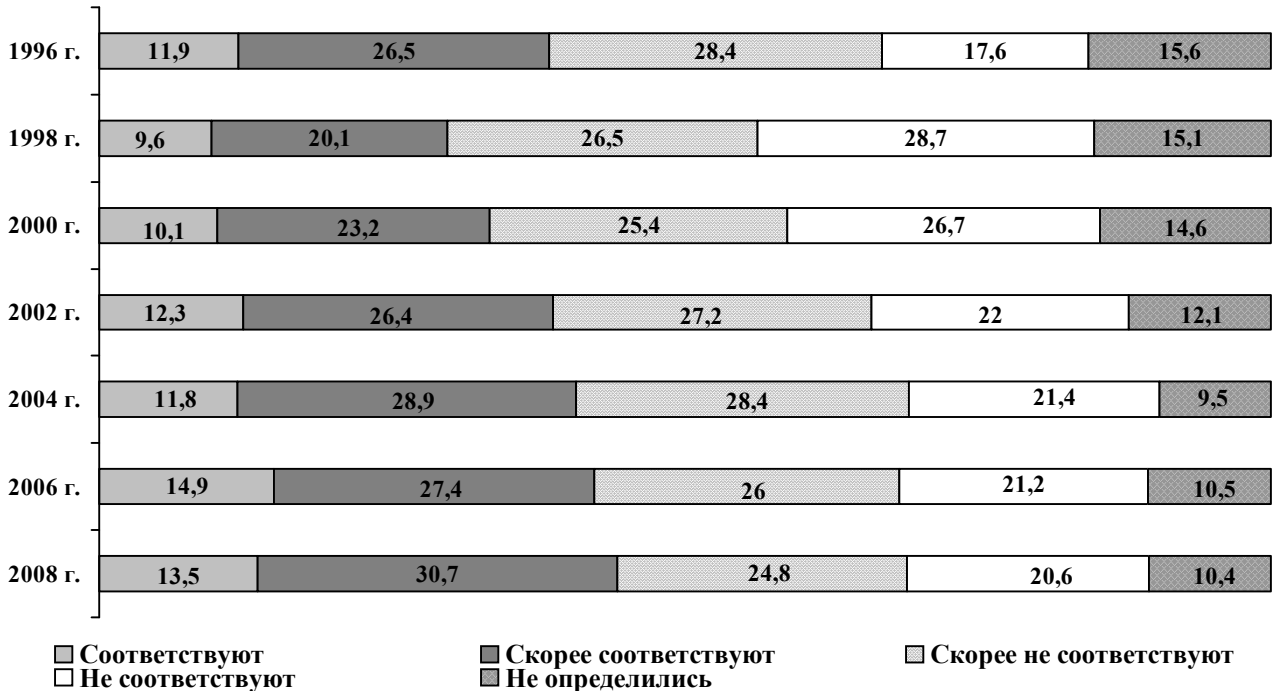

Рис. 16. **Самооценка соответствия личностных качеств сложившейся экономической ситуации (в %)**

Итак, в октябре 2008 г. ситуацию на рынке занятости можно было охарактеризовать как сложную, но достаточно стабильную. Большинство россиян еще не столкнулись с непосредственными проявлениями кризиса в сфере занятости, не замечали на своих предприятиях появление каких-либо проблем, связанных с экономическим кризисом, но внутреннее равновесие у некоторых из этих людей уже нарушилось. Собственный пессимизм этой части граждан постоянно подпитывался сообщениями, распространяемыми средствами массовой информации, и разговорами на экономические темы с окружающими. Но в то же время основная масса россиян надеялась, что кризис их не коснется. Существенную долю этих людей составляли лица, постоянно пребывающие в бедственном положении и в силу этого полагающие, что «хуже уже не будет». Необходимо учитывать, что осуществление радикальных экономических реформ привело к огромным и преимущественно негативным изменениям в благосостоянии основной массы населения. Для нынешнего российского общества характерны относительно низкий уровень доходов значительной части граждан, глубокая дифференциация и расслоение семей по доходам и собственности, огромные территориальные различия по уровню и качеству жизни. Возросший в 90-е годы прошлого века разрыв между потребностями основной массы населения и степенью их удовлетворения ничуть не уменьшился в последующее десятилетие.

Вместе с тем сложившаяся ситуация уже стала вносить существенные коррективы в жизнь тех граждан, которые непосредственно столкнулись с последствиями экономического кризиса. В начале октября 2008 г. вопреки обещаниям чиновников и аналитиков стали появляться первые достоверные сообщения о том, что в российских компаниях происходят сокращения персонала. В ходе одного из исследований, проведенного в середине октября 2007 г., от 3 до 8% респондентов сообщили, что у них уже закрываются предприятия, происходит сокращение кадров, урезается заработная плата[1]. В первую очередь сокращения затронули банки, компании, занимающиеся предоставлением финансовых услуг, строительством, рекламные агентства и т.п. В более выгодном положении в этих условиях оказались высококвалифицированные специалисты, работники с высоким уровнем образования. Многие

[1] *Левинсон А.* Наше «мы»: Кто не боялся кризиса // Ведомости. 2008. 21 октября.

промышленные компании, формально сохраняя персонал, стали переходить на сокращенную рабочую неделю.

В следующие месяцы, когда произошел аномальный спад производства и всплеск увольнений, проблема занятости вышла на первый план в списке тревог, потеснив беспокойство по поводу роста цен и инфляции, повышения уровня преступности и коррупции. Если в начале кризиса компании старались избегать массовых увольнений, оптимизируя свои расходы за счет мягких мер, таких как различные формы сокращения рабочего времени, снижение заработной платы, урезание соцпакета, отмена части льгот, пересмотр уровня премий и т.п., то по мере углубления экономического кризиса они вынуждены были переходить к более жестким мерам, вплоть до увольнения работников, что вызывало резкое ослабление чувства социальной уверенности. И это было характерно не только для депрессивных, но и для многих более благополучных регионов с развитыми рынками труда, относительно высоким уровнем квалификации работников. Причем ситуация в регионах с низкой докризисной безработицей усилилась больше, чем в регионах с высокой докризисной безработицей. В очень сложном положении оказались выпускники вузов и других образовательных учреждений, намеревающиеся приступить к трудовой деятельности, поскольку при наличии вакансий работодатели обычно отдают предпочтение в кризисных условиях опытным специалистам. Молодые работники без опыта пользуются спросом в такое время только там, где предлагаются минимальные фиксированные оклады.

2.2. Способы поиска работы

Важнейшей и нередко судьбоносной проблемой, с которой неоднократно приходится сталкиваться каждому человеку в течение жизни, является проблема трудоустройства. Изучение различных стратегий поведения на рынке труда показывает, что при поиске работы люди больше всего надеются на своих друзей, товарищей и знакомых (табл. 26). В 2008 г. к этому способу поиска работы прибегали 78,2% граждан, обеспокоенных решением проблемы трудоустройства. Ведущим данный способ оставался на протяжении всех лет мониторинга, но его значимость со второй половины 90-х годов прошлого века существенно повысилась. Если в 1994—1997 гг. к нему обращались примерно две трети респондентов, занятых поиском работы, то начиная с 1998 г. — три четверти и более. Максимальное значение, составляющее 82,9%, было зафиксировано в 2006 г., но к концу 2008 г. данный показатель вновь снизился до 78,2%.

На втором месте среди способов поиска работы находятся непосредственные обращения к работодателям. В 1994—2008 гг. значимость данного способа колебалась в пределах от 45 до 52%. Причем в последние годы этот диапазон был гораздо уже: от 47,7 до 50,5%. Лишь немного уступает непосредственному обращению к работодателям обращение к рекламным объявлениям. В 2006 г. этим способом пользовалось рекордное количество граждан, занятых решением проблемы трудоустройства. Их доля достигала 51,8%, но к концу 2008 г. она сократилась до 44,2%. Значительным являлось также количество людей, пытающихся найти работу через своих родственников. В 2008 г. этим способом пользовались 39,4% респондентов данной категории, что лишь немного меньше, чем в 2000 г., когда было достигнуто максимальное значение (42,7%). К наиболее перспективным способам поиска работы, быстро набирающим популярность, относится использование Интернета. Если в 2006 г. к нему обращались 13,1% респондентов, то в 2008 г. — уже 19,6%. Что касается служб занятости, то в государственные службы в 2008 г. обращался только каждый пятый ищущий работу. И их доля постоянно сокращалась. С 1996 г., когда было отмечено максимальное значение, она уменьшилась в 2,2 раза — с 45,2 до 20,4%. Еще меньше людей обращались в негосударственные службы занятости. В 2000—2002 гг. их доля была максимальной, достигая 16—17%, но к концу 2008 г. она сократилась до 10,1%.

Таблица 26

Распространенность способов поиска работы (в %)[1]

Обращались в поисках работы:	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.
в государственные службы занятости	38,2	45,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4
в негосударственные службы занятости	13,1	12,0	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1
к друзьям, знакомым	60,5	66,3	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2
к родственникам	29,5	41,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4
непосредственно на предприятия	45,0	47,3	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7
к рекламным объявлениям	29,6	34,8	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2
к рекламным объявлениям в Интернете	—	—	—	—	—	—	13,1	19,6

Поиск работы через родственников, друзей, товарищей и знакомых выступает ведущим инструментом трудоустройства в подавляющем большинстве высокоразвитых стран. Однако в российском обществе его преобладание проявляется особенно четко, что во многом связано с информационной непрозрачностью самого процесса трудоустройства. Как показывает практика, основные потоки информации как о рабочих местах, так и рабочей силе циркулируют по неформальным сетям, в которые включаются все участники рынка труда. И для работников, и для работодателей обращение к родственникам и друзьям, коллегам и знакомым становится важнейшим каналом, обеспечивающим доступ к необходимой информации и гарантирующим ее максимальную надежность. По данным РМЭЗ, отношение обращавшихся к родственникам, друзьям, знакомым (но не к формальным посредникам) при поиске работы к прибегавшим к услугам формальных посредников (но не родственников, друзей, знакомых) составляет в среднем по России 2,6. Примерно такой же показатель (2,9) был получен в ходе специального исследования, проводившегося в 2002 г. в Санкт-Петербурге и Саратове[2].

Как показал дальнейший анализ, женщины чаще обращаются за содействием в государственные службы занятости, мужчины — к друзьям, знакомым, непосредственно на предприятия. Число обращений к друзьям и знакомым растет по мере повышения уровня образования респондентов. Люди более старшего возраста предпочитают обращаться в государственные службы занятости и непосредственно на предприятия, а молодежь — в негосударственные службы занятости, к родственникам и рекламе. В сельской местности преобладают прямые контакты с работодателем.

Поиск работы с использованием родственно-дружеских связей оказывается не только самым распространенным, но и крайне эффективным инструментом трудоустройства (рис. 17). Отвечая на вопрос «Как вы нашли эту вашу основную работу?» в 2008 г. свыше половины работников указали, что через своих друзей, товарищей и знакомых (41,9%) или через родственников (11,5%). Причем удельный вес респондентов, которые нашли работу через друзей и знакомых, с 2006 г. по 2008 г. вырос на 3,5%, тогда как доля устроившихся на работу с помощью родственников уменьшилась на 0,9% (с 12,4 до 11,5%). Обращает на себя внимание и тот интересный факт, что примерно каждый десятый работник (10,5%) устроился на свою нынешнюю работу по приглашению руководства или других сотрудников данной ор-

[1] Доля обращавшихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

[2] *Матвеенко В.Д., Савельев П.А.* Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 2: Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2004. С. 66—67.

ганизации (предприятия), т.е., по сути, по чьей-то протекции, и небольшая часть — по распределению, но со связями.

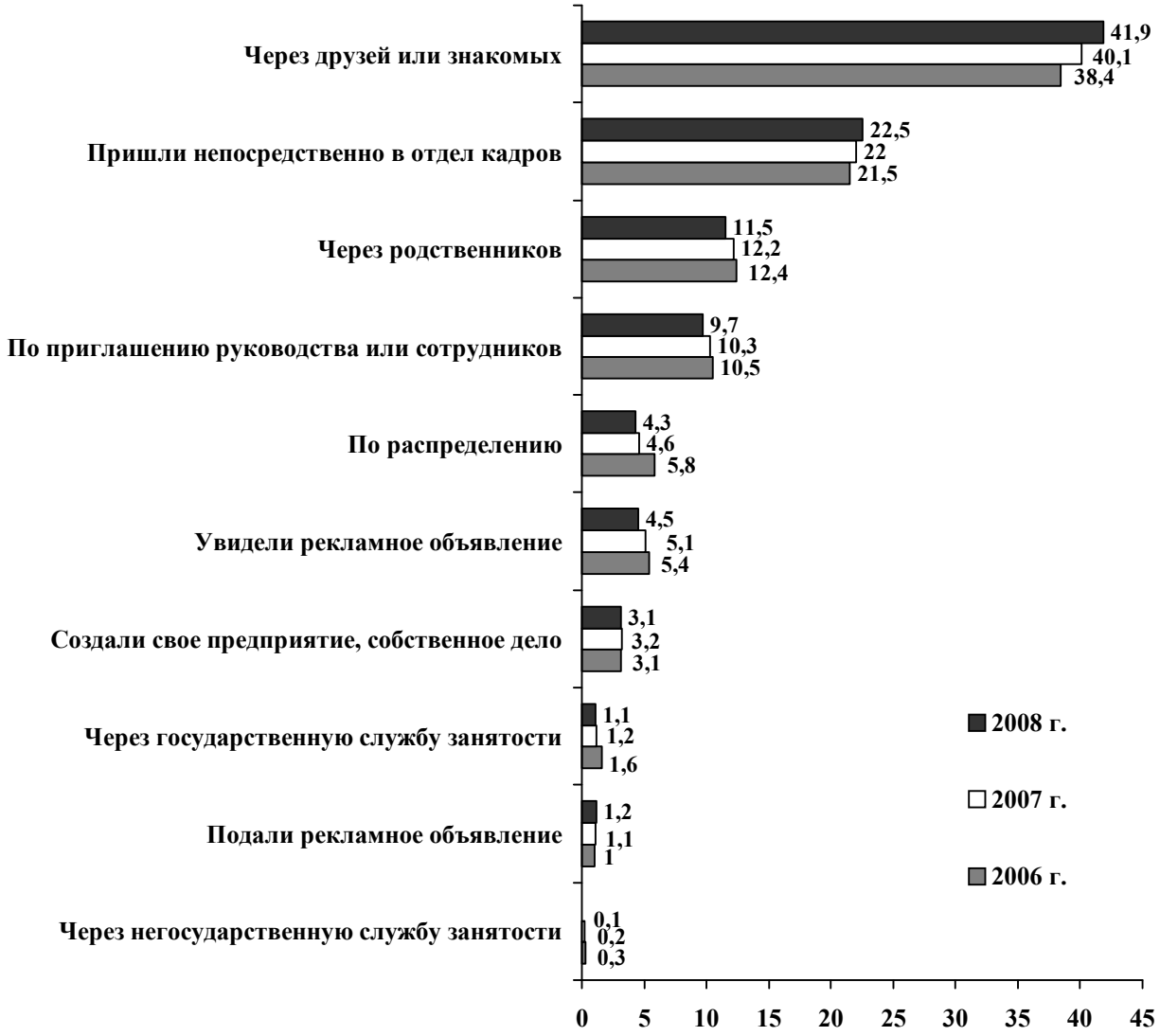

Рис. 17. **Способы трудоустройства (в %)**

Итак, все чаще кадровые работники подбирают специалистов, особенно на ответственные должности, используя личные связи, прислушиваясь к рекомендациям людей, которых они хорошо знают, которым доверяют. Хотя нельзя не обратить внимание и на то, что нередко за родственно-дружескими и другими им подобными связями скрываются такие осуждаемые обществом явления, как блат, семейственность, кумовство, землячество и т.п. Но провести четкую грань, где «помощь родственников» отличается от «семейственности», а «рекомендации друзей» от «блата» практически невозможно. Родственники, друзья и знакомые играют не только роль входа в неформальную профессиональную сеть, по которой идет поиск работы, но и выступают в качестве посредника, доверенного лица при трудоустройстве.

Примерно каждый пятый респондент нашел свою основную работу, обратившись непосредственно в отдел кадров данного предприятия или организации. Значимость данного способа трудоустройства за последние два года немного выросла и в 2008 г. составила 22,5%. Противоположная тенденция наблюдалась в отношении трудоустройства посредством распределения. Их доля за последние два года уменьшилась с 5,8 до 4,3%. При этом респонденты данной группы были распределены по двум подгруппам: устроившиеся на ра-

боту по распределению без связей и устроившиеся по распределению со связями. Полностью доминирующей оказалась первая подгруппа. Доля работников, устроившихся на работу по распределению без связей, уменьшилась за два года с 5 до 4,2%, а по распределению со связями — с 0,8% до абсолютного минимума.

Не особенно существенным было также количество работников, которые трудоустроились с помощью рекламных объявлений. Причем доля лиц, которые увидели где-либо рекламное объявление, сократилась с 5,4 до 4,5%. Большинство этих людей воспользовались рекламой, размещенной в СМИ и специальных рекламных сообщениях, но не в Интернете. Их доля уменьшилась за рассматриваемый период с 4,9 до 3,8%, тогда как на долю воспользовавшихся рекламой, размещенной в Интернете, пришлось от 0,5% в 2006 г. до 0,7% респондентов в 2008 г.

Что касается лиц, которые смогли устроиться на работу благодаря тому, что сами подали рекламное сообщение, то в 2008 г. их удельный вес составил всего лишь 1,2%. Большая их часть разместила рекламные объявления в Интернете (0,7%), меньшая — в печатных и других электронных СМИ (0,5%). Примечательно, что в 2006 г. наблюдалась противоположная картина. Тогда смогли найти работу посредством размещения рекламных сообщений в Интернете только 0,3% работников, тогда как посредством подачи рекламы в другие СМИ — 0,7%. И хотя эти показатели невелики, они, тем не менее, отражают общую тенденцию повышения роли Интернета в процессе трудоустройства. Рост популярности Интернета в данном случае объясняется простотой подачи рекламного объявления, возросшей широтой Интернет-аудитории, возможностью адресного обращения к работодателю и другим заинтересованным субъектам рынка труда.

Небольшой оказалась также группа респондентов, которые нашли работу через службы занятости. При этом доля лиц, которые устроились на работу через государственные службы занятости, уменьшилась с 1,6% в 2006 г. до 1,1% в 2008 г., тогда как доля трудоустроившихся через негосударственные службы занятости осталась неизменной (0,2—0,3%). Отдельную категорию составляют респонденты, которые не пытались устроиться на работу, а создали свое собственное дело. На их долю в 2007—2008 гг. приходилось немногим более 3% опрошенных.

Анализ различий в способах устройства на работу по признаку пола свидетельствует, что мужчины чаще трудоустраиваются с помощью друзей и знакомых и эффективность данного способа за последние годы увеличилась (табл. 27). В 2008 г. в сравнении с 2006 г. доля лиц, устроившихся на работу с помощью друзей и знакомых, выросла среди мужчин с 40,5 до 45,6%, тогда как среди женщин — с 36,7 до 38,9%. Кроме того, мужчины примерно вдвое чаще женщин открывают собственно дело, создают предприятия (в 2008 г. соответственно 4,1% против 2,3%). В то же время женщины чаще мужчин устраиваются на работу по приглашению руководства или сотрудников предприятий и организаций (в 2009 г. соответственно 10,7% против 8,4%), а также по распределению (5,4% против 2,9%). Пи этом эффективность последнего способа за 2006—2008 гг. заметно снизилась как у женщин, так и у мужчин — соответственно с 7 до 5,4% и с 4,5 до 2,9%.

На практике решение проблемы трудоустройства связано с преодолением определенных психологических барьеров. Одной из причин затруднений выступает отсутствие у временно не работающих четких представлений о своих возможностях и целях поиска. При всей неудовлетворенности положением безработного они не желают погружаться в ту область профессиональной деятельности, которая их интересует, потому что это может быть связано с понижением социального статуса или снижением заработной платы. Но на самом деле квалифицированные специалисты, отважившиеся на работу в новой для себя области даже за меньшее вознаграждение, со временем чаще всего добиваются успеха и высоких заработков.

Другой причиной затруднений при решении проблемы трудоустройства становится страх перед грядущими переменами. Очень многие испытывают неуверенность в собственных силах, убеждены в своей недостаточной компетентности. Кроме того, работники, давно не занимавшиеся поисками работы, бывают сильно напуганы сообщениями в средствах мас-

совой информации о многочисленных увольнениях, трудностях поиска работы и трудоустройства. Распространяя подобные сведения, средства массовой информации выступают в качестве одного из главных источников дезинформации населения относительно реальной картины на рынке труда и усиления социальной напряженности. Поиски временно не работающих, ориентирующихся на подобную одностороннюю информацию, часто заканчиваются неудачей по той причине, что они боятся, что не найдут работу, хотя даже в условиях экономического кризиса всегда имеются свободные рабочие места. Менее склонны обращать серьезное внимание на неутешительную статистику и различного рода слухи люди с позитивным настроем, хорошими способностями к презентации своих положительных качеств. Как показывает практика, гибкие, изобретательные и уверенные в себе люди способны найти работу в любых рыночных условиях.

Таблица 27

Различия в способах трудоустройства между мужчинами и женщинами (в %)

Способы трудоустройства	2006 г.		2007 г.		2008 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Через друзей и знакомых	40,5	36,7	42,8	37,9	45,6	38,9
Пришли непосредственно в отдел кадров	21,7	21,3	21,8	22,3	21,9	22,9
Через родственников	12,0	12,7	12,0	12,3	11,0	11,9
По приглашению руководства или сотрудников	9,0	11,8	9,4	11,1	8,4	10,7
По распределению	4,5	7,0	3,0	5,9	2,9	5,4
Увидели рекламное объявление	5,7	5,1	5,0	5,3	4,1	4,9
Создали предприятие, собственное дело	4,0	2,4	3,7	2,7	4,1	2,3
Через государственную службу занятости	1,2	1,9	0,9	1,4	0,7	1,6
Подали рекламное объявление	1,1	0,9	1,1	1,0	1,1	1,3
Через негосударственную службу занятости	0,2	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1

Поиск новой работы и трудоустройство оказываются трудноразрешимыми проблемами не только для рядовых работников, но и для успешных руководителей, управленцев, менеджеров, которые довольно часто предаются отчаянию из-за первых осечек при поиске работы. Трудоустройство нередко заканчивается неудачей по той причине, что способы поиска, подходящие рядовым работникам, не всегда устраивают руководителей. Они не считают достойным для себя обращаться в службы занятости, непосредственно на предприятия, просить помощи у близких друзей.

Проблема трудоустройства — это в большей мере проблема профессионального образования. Образование помогает быстрее найти подходящую работу, устроиться на работу и удержаться на рабочем месте. Давно известно, что уровень безработицы среди высокообразованных работников намного ниже, чем среди малообразованных. Не случайно лица с низким уровнем образования являются первыми среди тех, кто сталкивается с риском потери работы и длительной безработицы в кризисных условиях.

По мере становления рыночной экономики резко повысилась потребность в получении качественного образования. Ослабление внимания к высшему образованию на начальном этапе реформ сменилось значительным ростом числа вузов, появившихся в результате развития рынка образования, куда устремилась молодежь, надеясь получить престижную профессию или специальность. С начала второй половине 90-х годов в России наблюдается

настоящий образовательный бум, проявляющийся как в росте спроса на высшее и среднее профессиональное образование, так и в увеличении объемов его предложения. Данный процесс обусловливается не только потребностями развития рыночной экономики, но и стремлением молодежи посредством образования, престижной профессии снизить риск безработицы, приобрести надежное положение. С образованием многие молодые люди связывают свое профессиональное и социальное самоопределение. Образование лежит в основе формирования адаптационных стратегий молодежи, у которой сильнее, чем у людей среднего и старшего возраста, убеждения, что их будущий успех зависит от личных способностей и образовательных достижений. Этим в немалой степени объясняется низкий уровень удовлетворенности молодых людей полученным образованием.

Уже к началу нового века образовательный уровень россиян достиг наивысших отметок и по формальным показателям стал одним из самых высоких в мире. Вместе с тем опыт показывает, что достижения в области профессионального образования необходимо соизмерять не только с количеством дипломированных специалистов, но и с качеством их подготовки, востребованностью и конкурентоспособностью на рынке труда.

Существенные коррективы в сферу профессионального образования вносит динамичное развитие рыночной экономики. Одной из наиболее заметных тенденций в данной области является увеличение доли лиц с высшим образованием, которое наблюдается во всех возрастных группах. Значительно повысился интерес к образованию людей зрелого возраста, о чем свидетельствует рост количества граждан, имеющих два высших образования и более. Замечено, что высшее профессиональное образование по социальному статусу занимает в общественном сознании сегодня место, которое ранее занимало среднее образование. Существенным является также предложение труда со средним профессиональным образованием. Его относительное снижение в последние годы объясняется тем, что в старших возрастных когортах трудоспособного населения, постепенно выбывающих с рынка рабочей силы, доля лиц со средним специальным образованием является очень высокой.

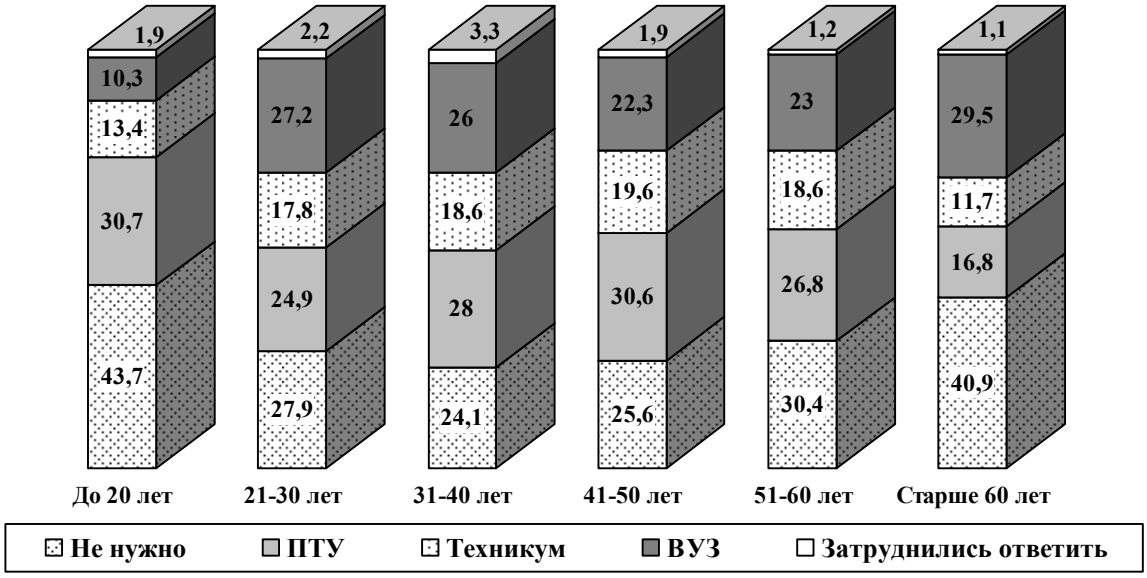

Рис. 18. **Распределение ответов на вопрос «Профессиональное образование какого уровня необходимо для выполнения вашей работы?» в зависимости от возраста респондентов, 2008 г. (в %)**

Вместе с тем, если опираться на мнение занятого населения, то нынешние потребности экономики в высококвалифицированных специалистах выглядят довольно противоречиво. По данным РМЭЗ, только 24,5% занятых в экономике уверены, что для выполнения их нынешней работы требуется высшее образование (включая послевузовское), и 18,1% дума-

ют, что им достаточно знаний, которые дает техникум. Что касается остальных работников, то 27,5% уверены, что могут обходиться знаниями, которые дает ПТУ, и еще 28% занятых считают, что им не нужно никакого специального профессионального образования. Особенно много последних в самой младшей и самой старшей возрастных когортах (рис. 18). Женщины попадают в эту категорию чаще, чем мужчины. Среди респондентов с высшим и средним специальным образованием их доли составляют соответственно 9,2 и 23,4%.

Изложенные данные позволяют говорить о том, что общие потребности экономики в квалифицированной рабочей силе оказываются сегодня ниже предложения. Это связано с тем, что наряду с тенденцией повышения спроса на квалифицированную рабочую силу на рынке труда действует и другая, свидетельствующая о регрессивном развитии ее профессионально-квалификационной структуры.

Кризис взаимоотношений профессионального образования и рынка труда проявляется в дефиците квалифицированных кадров, растущая потребность в которых нередко удовлетворяется за счет приглашения иностранцев — менеджеров, опытных специалистов в промышленности, торговле и некоторых других областях экономики. Приглашение иностранных специалистов зачастую является вынужденной мерой, обусловленной низким качеством подготовки отечественных кадров. По данным Всероссийского фонда образования, кадровым требованиям транснациональных корпораций отвечает лишь каждый десятый дипломированный российский инженер[1].

Следуя современным тенденциям, работодатели постоянно повышают требования к уровню подготовки поступающих на работу специалистов. Многие из них требуют даже от молодых людей, только вступающих на рынок труда, широкого спектра знаний и умений, как в сфере своей профессиональной деятельности, так и в какой-то конкретной области, прочных навыков работы на компьютере, уверенного знания одного или нескольких иностранных языков и т.п. Довольно часто можно услышать от работодателей, что они уже давно испытывают «кадровый голод». Вместе с тем экономический кризис показал, что не так уж и редко кадровая проблема оказывается преувеличенной. Сокращение персонала предприятий в кризисных условиях во многих случаях можно сравнить с очищением от «балласта». В отношении таких предприятий и организаций с раздутыми штатами необходимо вести речь не о дефиците квалифицированных специалистов, а о неумении работодателей грамотно использовать потенциал своих работников, создавать условия для постоянного обновления и углубления ими своих профессиональных знаний и навыков.

В этой связи стоит обратить внимание на тот факт, что около 22% занятых считают уровень своего образования выше требований, которые предъявляет их нынешняя профессиональная деятельность. И больше всего таких работников (29%) среди респондентов с высшим образованием. Кроме того, примерно каждый пятый опрошенный (20,3%) считает, что его знания и опыт используются на основной работе в незначительной мере или совсем не используются. Недовольство по этому поводу чаще других выражают работники молодого и пожилого возраста. Больше всего респондентов, указывающих на невостребованность своих профессиональных знаний и опыта, среди разнорабочих (59,3%), тогда как меньше всего — среди профессионалов с высшим образованием (4,7%) и крупных чиновников (9,2%). В группе профессионалов со средним специальным образованием их доля составляет 14,5%.

После перехода к рыночной экономике наиболее интенсивно росло число лиц с высоким уровнем образования в отраслях, производящих рыночные услуги: торговля и общественное питание, бытовое обслуживание населения, жилищно-коммунальное хозяйство, финансы, т.е. в тех отраслях, которые развивались наиболее быстрыми темпами. Однако используются квалифицированные специалисты в этих отраслях экономики зачастую неэффективно. Так, самые высокие показатели недоиспользования знаний и опыта работников зафиксированы в легкой и пищевой промышленности, жилищно-коммунальном хозяйстве,

[1] Независимая газета. 2009. 7 августа.

торговле и бытовом обслуживании. Гораздо лучше обстоят дела в органах управления, финансах, энергетической промышленности и образовании.

В целом сложившаяся ситуация не способствует росту престижа профессиональных знаний и опыта, повышению требований к уровню подготовки специалистов в учреждениях профессионального образования, преодолению разрыва между образованием и практической деятельностью. Далеко не все респонденты считают знания, навыки и умения, полученные в образовательном учреждении, полезными для своей профессиональной деятельности. Больше всего их среди лиц, окончивших ПТУ, технические и другие училища со средним и без среднего образования.

Результаты мониторинга еще раз убеждают, что профессиональное образование в России ориентировано во многом на удовлетворение социальной потребности в образовании, но не потребностей рынка труда. Для российского образования характерно преобладание общетеоретической подготовки над собственно профессиональной, прикладной. Не случайно наиболее полезными для себя респонденты считают знания и умения общего характера, полученные в учебном заведении. Однако современная ситуация в бизнесе и на производстве требует, чтобы учреждения профессионального образования были ориентированы в большей степени на практическую подготовку специалистов, чем на общетеоретическую. Именно практическая составляющая подготовки выпускников учреждений профессионального образования вызывает больше всего нареканий у работодателей. Основной причиной такого положения дел является неготовность многих образовательных учреждений гибко реагировать на динамично меняющиеся запросы рынка труда. Кроме того, вузы лучше вооружают своих выпускников умениями быстро осваивать новые знания и приобретать необходимые навыки, логически мыслить, чем конкретными профессиональными знаниями и навыками. В отношении ПТУ и различных профессиональных курсов (бухгалтеров, шоферов, трактористов, машинисток и др.) наблюдается противоположная картина.

К серьезным проблемам следует отнести несбалансированность соотношения специальностей, по которым учреждения профессионального образования готовят специалистов, и потребностей рынка в конкретных специалистах. Во многом это объясняется запаздыванием изменения спроса на образовательные услуги относительно изменений структуры спроса на рынке труда. В результате очень многие молодые люди, только начиная обучение в учреждениях профессионального образования, рискуют оказаться после их окончания безработными. Вместе с тем немало выпускников добровольно отказывается работать по полученной специальности, отдавая предпочтение более престижной и высокооплачиваемой работе.

В конце 2008 г. были заняты на основной работе по той специальности, которую получили в учебном учреждении, немногим более половины опрошенных, в том числе точно по той же специальности — 36,5% и по близкой или родственной специальности — 18,9%. Что касается тех респондентов, которые работают совершенно по другой специальности, то их удельный вес достигает 44,6%. Как следует из рисунка 19, больше всего их среди лиц, окончивших ПТУ и им равные образовательные учреждения со средним и без среднего образования (соответственно 55 и 60,3%). В когорте респондентов с высшим образованием их доля составляет около одной трети. Люди, имеющие высокое образование, отличающиеся высоким уровнем профессиональной квалификации, но берущиеся за работу, не соответствующую их уровню профессиональной подготовки, нередко становятся источником социального недовольства. Они чаще других неудовлетворенны своей работой в целом и отдельными ее сторонами: условиями труда, оплатой, возможностями профессионального роста.

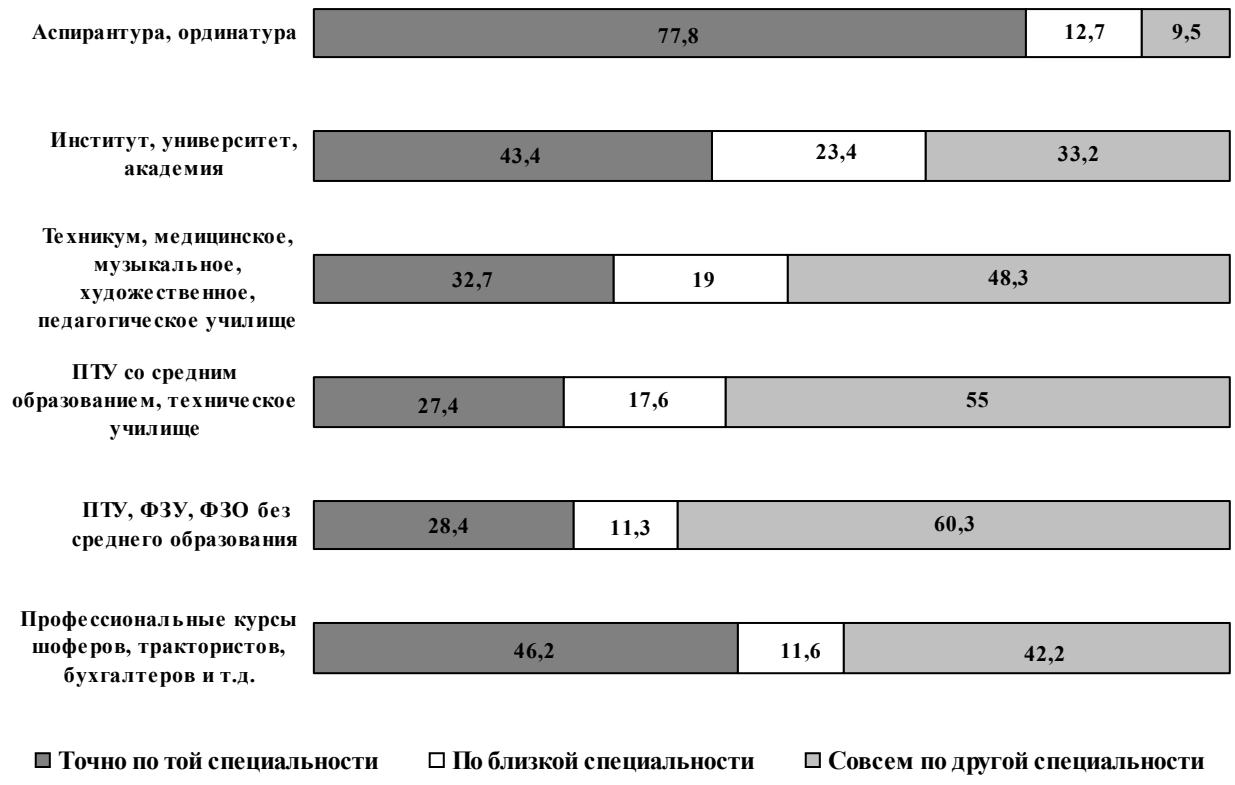

Рис. 19. **Соответствие занятости на основной работе специальности, полученной в образовательном учреждении, 2008 г. (в %)**

Подобное положение дел, когда почти половина занятого населения работает не по специальности, полученной в учреждении профессионального образования, может свидетельствовать о высокой профессиональной мобильности россиян, в основе которой лежит способность и готовность в случае необходимости переменить профессию, род деятельности, место работы или место жительства, привычный должностной статус, образ жизни. В кризисных условиях механизм перераспределения рабочей силы существенно деформируется. Широкое использование режима неполного рабочего дня, предоставление неоплачиваемых отпусков, задержки заработной платы активизируют увольнения по собственному желанию. Но в то же время такая ситуация убеждает в отсутствии эффективного социально-экономического прогнозирования на федеральном и региональном уровнях, сбалансированных планов подготовки специалистов в учреждениях профессионального образования с учетом потребностей рынка труда.

Никогда не работали по своей специальности каждый пятый выпускник вузов и каждый третий выпускник сузов. Огромное беспокойство вызывает тот факт, что среди молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет доля лиц, не работавших по полученной специальности, составляет 42,3%. Именно в этом возрасте в большинстве случаев происходит вступление молодого человека на рынок труда, формируются механизмы первичной адаптации молодого человека к рынку труда. После перехода к рыночной экономике заметно выросла активность подростков на рынке труда, что обусловлено, прежде всего, ухудшением материального положения семей, безработицей среди взрослого населения, усилившимся стремлением молодых людей к самостоятельности и другими социально-экономическими и социально-психологическими факторами.

Среди 31—40-летних доля лиц, никогда не работавших по специальности, почти в полтора раза меньше, чем среди молодежи (29,9%). В каждой следующей возрастной когорте их доля последовательно уменьшается до 8,3% среди пожилых людей. Особенно много

работников, никогда не работавших по «своей» специальности, среди конторских служащих и служащих по обслуживанию клиентов, квалифицированных сельскохозяйственных работников и работников рыбной промышленности, занятых в сфере обслуживания, а меньше всего среди профессионалов с высшим образованием.

Незакрепленные на практике знания и первичные профессиональные навыки у таких работников достаточно быстро ослабевают или утрачиваются. Если у людей среднего возраста, не имеющих возможности трудоустроиться, частичная профессиональная деквалификация наступает примерно через три года, то у молодых людей этот показатель, по оценкам некоторых ученых, приближается к одному году[1]. Согласно данным мониторинга, респонденты, никогда не работавшие по полученной специальности, вдвое реже отмечают полезность знаний, навыков и умений, полученных в учреждении профессионального образования, для последующей трудовой деятельности (48% против 90,5% среди тех, кто работал по специальности).

Высокий процент молодых людей, никогда не работавших по своей специальности, во многом обусловлен сложностями трудоустройства, с которыми сталкиваются молодые люди. Вследствие отсутствия квалификации и опыта трудовой деятельности молодежь является одной из социально уязвимых групп населения. В современном российском обществе борются две противоположные тенденции. Одна из них связана с повышением роли молодежи в реформируемом обществе. В отличие от традиционного общества, где высоко ценится возрастной жизненный опыт, в динамичном обществе более актуальны проблемы молодежи, т.е. проблемы включения ее в социальную практику. Но существует и другая тенденция, свидетельствующая об ограничении роли молодежи повышением требований к профессиональным качествам работников. При прочих равных условиях приоритет очень часто отдается специалисту, имеющему опыт практической работы по специальности. Поэтому многие молодые специалисты с высоким образованием, но не имеющие трудовой практики, испытывают большие проблемы при поступлении на работу.

При трудоустройстве выпускники чаще надеются на помощь родственников, друзей, знакомых и на случай. Несмотря на неоспоримые преимущества молодого возраста и хорошее образование, не всегда дает желаемый результат самостоятельный поиск работы выпускниками учреждений высшего и среднего профессионального образования. В итоге многие не могут найти применение своим знаниям, устраиваются не по специальности, в те организации, которые предлагают более выгодные условия, пренебрегая перспективами профессионального роста.

Можно констатировать, что связь полученного в вузе образования с выбором профессиональной деятельности в трансформирующемся обществе не столь определенна и устойчива, как в стабильном обществе. Образование сегодня не является ни решающим, ни тем более единственным фактором профессиональной ориентации людей. Весьма существенную роль здесь играют такие обстоятельства, как связь выбора профессии с социальным положением, социальный капитал семьи, изменения в социально-экономической структуре, уровень безработицы в регионе и другие факторы, определяющие направления и динамику социальных перемещений.

2.3. Удовлетворенность трудом и доверие в трудовых коллективах

Важными факторами, определяющими социальное самочувствие граждан, выступают удовлетворенность трудом и уровень доверия в трудовых коллективах.

Удовлетворенность трудом. Как свидетельствует анализ результатов ряда исследований, наиболее низкий уровень удовлетворенности трудом был характерен для начального этапа реформ. В обстановке резкого снижения стабильности занятости, постоянной уг-

[1] *Резник Г.А.* Социально-экономическая устойчивость молодежи в условиях рынка // Европейские социальные модели: подходят ли они для России: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2005. С. 151.

розы безработицы и ослабления позиций профессиональных организаций, роста зависимости персонала от администрации работники оказываются беззащитными и все чаще вынуждены мириться с не удовлетворяющими их условиями труда. В попытках приспособиться к изменившимся условиям многие видели единственную возможность сохранить работу. Индивидуальное приспособление к этим обстоятельствам превратилось для них в суровую необходимость, обусловленную снижением их способности защитить свои права законными средствами. Важными аспектами труда стали, с одной стороны, усиление ориентации работников на индивидуальные усилия, а с другой — снижение уровня требований и ожиданий, активизация приспособленческого начала в сознании.

Вопросы об удовлетворенности работой, характеризующие эмоциональные аспекты отношения к труду, включены в вопросник РМЭЗ с 2002 г. Как следует из рисунка 20, с 2003 г., когда было зафиксировано минимальное значение, по 2008 г. доля работников, удовлетворенных своей работой в целом, последовательно выросла почти в полтора раза — с 43,3 до 61,7%, в том числе доля лиц, удовлетворенных работой полностью — с 9,6 до 13,9%. За этот же период удельный вес занятых, которые не довольны своей работой, столь же уверенно снизился с 35,7 до 19,5%, т.е. более чем 1,8 раз. При этом доля работников, выражающих крайнюю степень неудовлетворенности, т.е. тех, у кого результаты труда в наибольшей степени не соотносятся с их ожиданиями, не приносят ощущения достигнутого успеха, сократился вдвое — с 8,4 до 4%. По характеру труда, уровню образования, социальному статусу, образу жизни большинство из них принадлежат к низкооплачиваемым и непрестижным категориям занятых.

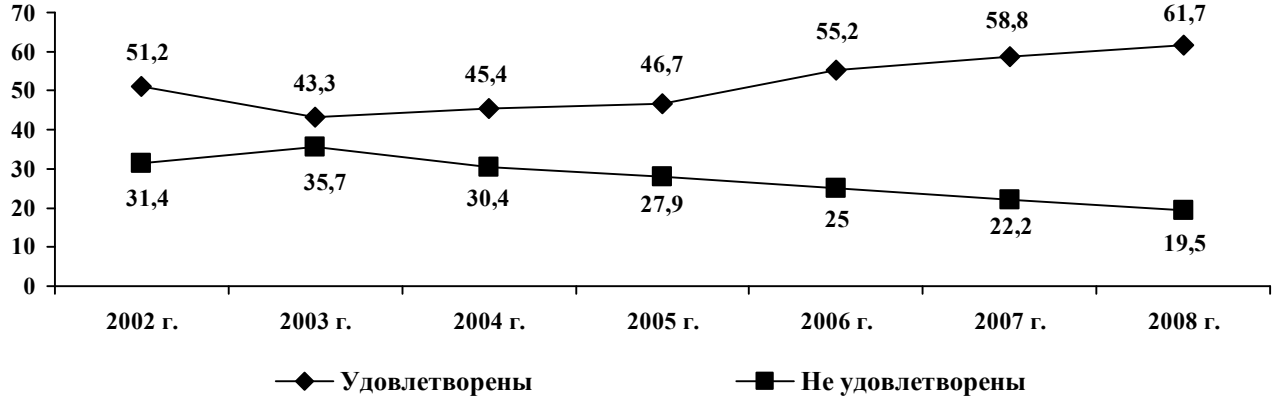

Рис. 20. **Удовлетворенность работой в целом (в %)**

Неудовлетворенность трудом, как правило, становится фактором, повышающим недовольство своим социальным положением и ухудшающим социальное самочувствие человека. Лица, недовольные своей работой и важнейшими ее сторонами, зачастую в такой же мере недовольны своим материальным положением и тем местом, которое они занимают в социальной иерархии, и, наоборот, удовлетворенность работой очень часто совпадает с удовлетворенностью своим социальным положением. Длительный опыт изучения социальных проблем труда в нашей стране и за рубежом устанавливает тесную взаимосвязь степени заинтересованности людей в продуктивной деятельности, удовлетворенности трудом и характером и темпами изменений, происходящих в различных сферах общественной жизни. Исследования показывают, что заинтересованность в работе порождает благоприятные установки по отношению ко всей совокупности общественных ценностей, а отсутствие заинтересованности и удовлетворенности работой, напротив, становится социально-психологической основой различных форм негативного поведения[1].

[1] Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов / Под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Academia, 2001. С. 25.

В последние годы существенно выросли также показатели удовлетворенности работников различными сторонами своей профессиональной деятельности, т.е. частных удовлетворенностей, результирующей которых является общая удовлетворенность трудом (рис. 21А—21В). Так, с 2003 г., когда было зафиксировано минимальное значение, по 2008 г. доля лиц, удовлетворенных условиями труда, выросла с 41,1 до 59%, тогда как удельный вес работников, недовольных условиями своей трудовой деятельности, сократился почти вдвое — с 40,5 до 21,3%.

Не менее существенным оказалось повышение уровня удовлетворенности работников оплатой труда. Если до 2003 г. две трети занятых и более были недовольны своей заработной платой, то к концу 2008 г. таких было уже меньше половины — 47,2%. В то же время удельный вес тех, кого оплата труда устраивала, вырос с 19,2 до 34,1%, т.е. на 14,9% или почти в 1,8 раз. Что касается повышения уровня удовлетворенности занятых возможностями профессионального роста, то оно было менее скромным. Доля лиц, удовлетворенных этой стороной труда, за рассматриваемый период выросла 33 до 44,3%, тогда как удельный вес выражающих противоположные настроения сократился с 50 до 34,4%. Примечательно, что наиболее существенные изменения в уровне удовлетворенности работой в целом и ее отдельными сторонами были отмечены после 2005 г.

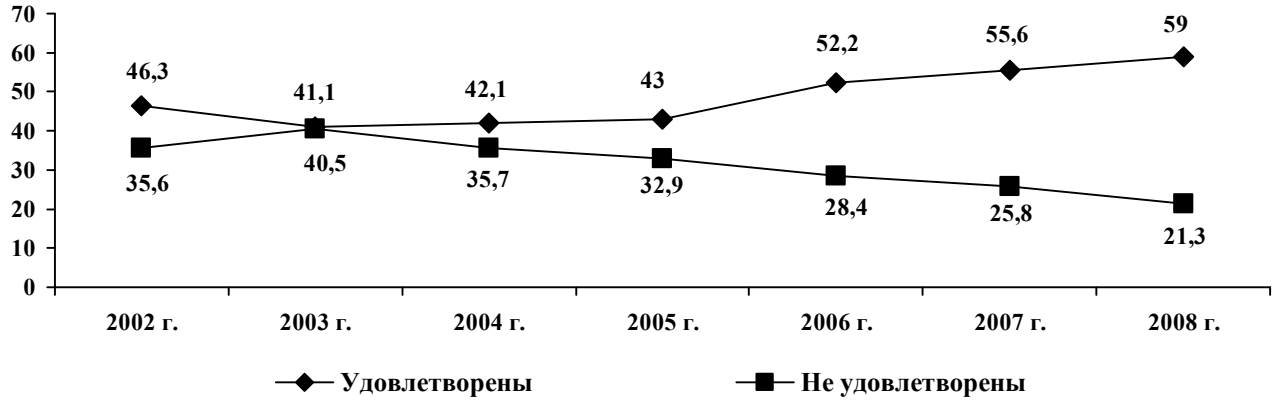

Рис. 21А. **Удовлетворенность условиями труда (в %)**

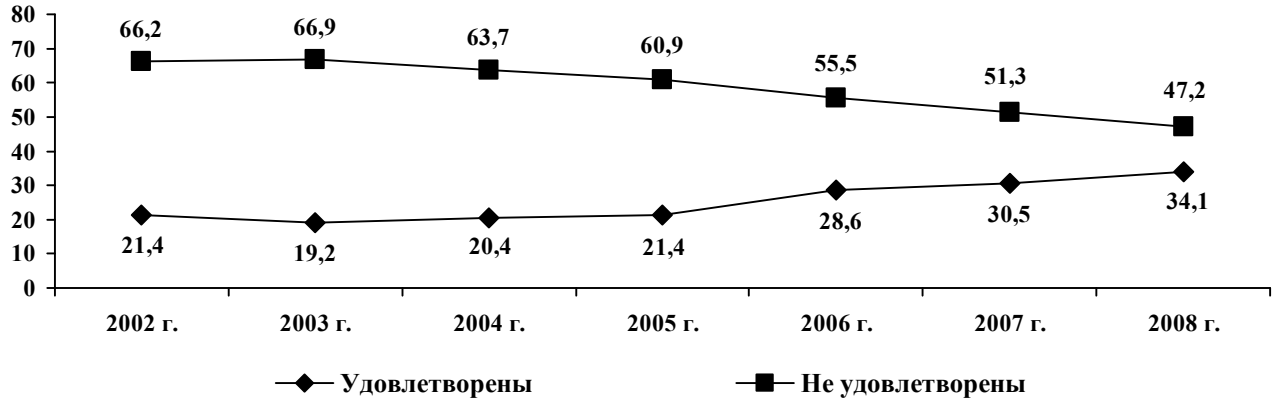

Рис. 21Б. **Удовлетворенность оплатой труда (в %)**

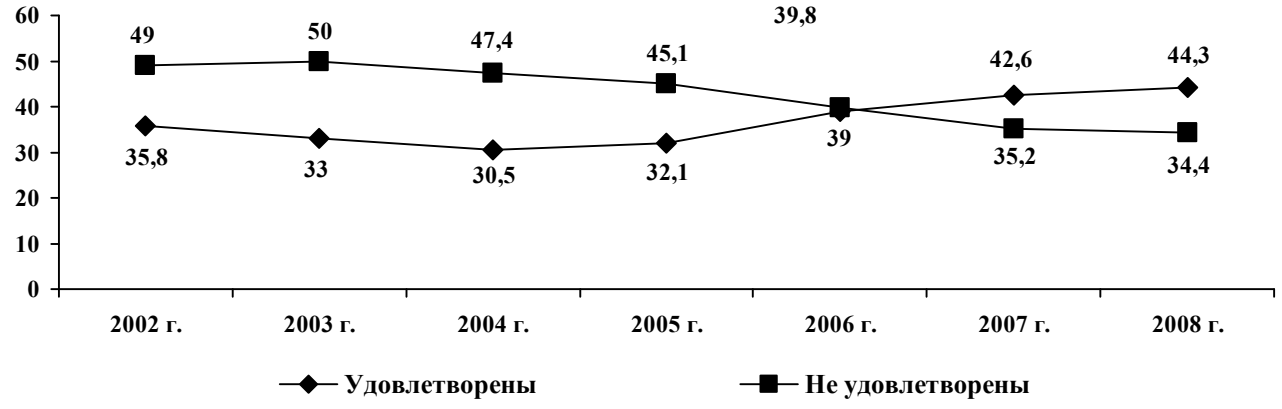

Рис. 21В. **Удовлетворенность возможностями профессионального роста (в %)**

Рост уровня удовлетворенности респондентов своей работой отражает одну из граней их большей адаптированности к измененным условиям труда. Как известно, удовлетворенность соотносится как с исходными потребностями и притязаниями личности на успех, так и с представлениями о своих возможностях достигнуть его, а также с определенными требованиями к собственной деятельности. В этой связи удовлетворенность трудом может свидетельствовать не только о положительном отношении к своей работе, но и о реализованных потребностях и притязаниях.

Характерно, что городские занятые чаще удовлетворены своей работой, чем занятые в сельской местности. Это относится как к общей удовлетворенности работой, так и ко всем частным удовлетворенностям. При этом уровень удовлетворенности трудом в городах рос быстрее, чем в сельской местности. Из таблицы 28 следует, что за 2002—2008 гг. уровень удовлетворенности трудом в целом работников областных центров вырос с 52,7 до 63,4%, других городов — с 51,2 до 66,2%, тогда как занятых в сельской местности — с 47,5 до 53,1% (указаны суммарные данные по позициям «полностью удовлетворены» и «частично удовлетворены»).

Таблица 28

Уровень удовлетворенности трудом работников по типам населенных пунктов (в %)

Тип населенного пункта	Общая удовлетворенность трудом		Удовлетворенность					
			условиями труда		оплатой труда		возможностями проф. роста	
	2002 г.	2008 г.	2002 г.	2008 г.	2002 г.	2008 г.	2002 г.	2008 г.
Областной центр	52,7	63,4	50,4	61,4	24,1	34,1	39,5	43,7
Другой город	51,2	66,2	45,9	63,7	18,9	36,8	35,2	49,2
Поселок городского типа	52,9	58,2	44,9	59,4	20,8	31,7	31,7	41,7
Село	47,5	53,1	38,3	48,1	18,9	31,3	29,6	39,5

Уровень удовлетворенности трудовой деятельностью очень сильно зависит от профессиональной принадлежности и квалификации, которые фиксируются с помощью международной классификации профессий. Как следует из таблицы 29 (указаны суммарные данные по позициям «полностью удовлетворены» и «частично удовлетворены»), чем выше положение профессиональной группы в установленной иерархии, тем выше удовлетворенность трудом работников, принадлежащих к данной группе. При этом стоит обратить внима-

ние на тот факт, что в наибольшей степени удовлетворены своей работой в целом, условиями труда профессионалы с высшим образованием, тогда как оплатой труда и возможностями профессионального роста — руководители (представители) органов власти и управления всех уровней. Самый низкий уровень удовлетворенности условиями труда и возможностями профессионального роста постоянно наблюдается в группе квалифицированных работников сельского и рыбного хозяйства, тогда как оплатой труда менее других довольны разнорабочие, т.е. неквалифицированные рабочие разных отраслей.

Таблица 29

Уровень удовлетворенности трудом по отдельным группам (в %)

	Общая удовлетворенность трудом		Удовлетворенность					
			условиями труда		оплатой труда		возможностями проф. роста	
	2002 г.	2008 г.	2002 г.	2008 г.	2002 г.	2008 г.	2002 г.	2008 г.
Профессиональные группы								
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	60,8	71,5	52,4	67,5	32,8	44,1	52,1	60,9
Профессионалы с высшим образованием	64,9	73,9	59,5	74,4	20,4	37,8	51,7	58,6
Профессионалы со средним специальным образованием	57,1	66,4	55,2	66,9	20,4	37,0	40,7	49,2
Служащие конторские и по обслуживанию клиентов	52,5	60,9	52,1	61,7	19,5	37,1	29,8	41,8
Занятые в сфере обслуживания	42,7	55,4	39,5	55,1	20,6	32,0	25,9	37,4
Квалифицированные с/х работники и работники рыбной промышленности	54,2	52,4	30,4	42,9	17,4	33,3	15,0	23,8
Ремесленники	51,7	62,4	40,8	51,2	23,5	35,1	32,6	40,1
Промышленные рабочие	45,5	54,7	37,8	47,8	20,9	29,2	30,4	37,4
Разнорабочие	33,0	47,2	33,4	47,1	17,0	25,2	19,2	28,1
Форма собственности								
Государственные предприятия	52,3	62,4	47,5	60,5	17,1	30,0	37,5	47,2
Частные предприятия	50,8	62,4	44,6	62,4	25,0	36,3	34,5	42,5
Предприятия с иностранным участием	50,3	62,7	43,2	62,0	25,2	46,2	35,5	50,0
Тип занятости								
Работают на предприятиях, в организациях	51,6	62,3	46,7	60,1	20,3	33,5	36,3	44,8
Работают не на предприятиях, не в организациях	45,6	54,3	40,3	47,4	35,5	40,9	28,7	37,3

В сравнении с 2002 г. отмечается рост общей удовлетворенности трудом и частных удовлетворенностей во всех профессиональных группах. Единственным исключением является незначительное снижение (с 54,2% в 2002 г. до 52,4% в 2008 г.) удовлетворенности своей работой в целом у квалифицированных сельскохозяйственных работников и работников рыбного хозяйства.

Различия в уровне удовлетворенности трудом работников, занятых на предприятиях с разными формами собственности, касаются главным образом размера оплаты труда. В наибольшей степени довольны своими заработками работники предприятий и организаций с иностранным участием. Среди них доля лиц, удовлетворенных оплатой труда, в 2008 г. была на 9,9% больше, чем среди занятых на частных предприятиях, и на 16,2% больше, чем среди занятых на предприятиях государственного сектора. Примечательно, что в 2002 г. уровень удовлетворенности работников оплатой своего труда на предприятиях с иностранным участием и на частных предприятиях был одинаков — около 25%. Для предприятий с иностранным участием характерен самый высокий рост уровня удовлетворенности оплатой труда, который за 2002—2008 гг. составил более чем 1,8 раз.

Занятые на предприятиях и в организациях чаще удовлетворены своей работой, чем работающие вне сектора организованной занятости, значительная доля которых связана с неформальным сектором. Первых больше, чем вторых устраивают условия труда и возможности профессионального роста, но меньше — размер оплаты труда.

Доверие в трудовых коллективах. Несмотря на разобщенность, поразившую российское общество на этапе социальных трансформаций, в трудовых коллективах сохранился высокий уровень межличностного доверия. И это имеет свои объяснения. Зоной межличностного доверия трудовые коллективы становятся благодаря тому, что они обеспечивают соединение индивидов на основе общих целей и задач, объединяют усилия всех членов коллектива для их достижения и обеспечивают определенную степень внутригрупповой интеграции и стабильности[1]. Постоянные контакты, являющиеся одним из основных признаков тесных связей, характерны не только для малых, но и для крупных предприятий и организаций, где основная трудовая и общественная жизнь протекает в сравнительно небольших подразделениях — цехах, бригадах, участках, отделах и т.д.

По данным мониторинга, доля работников, доверяющих людям, с которыми они вместе работают, в 2007 г. составила 82,5%, в том числе доверяющих полностью — 24,2% (рис. 22). Тогда как не доверяли своим коллегам, сослуживцам только 2,6% опрошенных. Остальные работники относились к коллегам с некоторой долей недоверия или затруднились ответить на поставленный вопрос. Отношение к товарищам по работе достаточно сильно влияет на отношение к окружающим людям вообще. Так, среди респондентов, у которых сложились доверительные отношения с коллегами или сослуживцами, вдвое больше граждан, склонных доверять разным людям, чем среди остальных опрошенных (16% против 6,9%), и существенно меньше тех, кто считает, что с другими людьми надо быть всегда осторожными, осмотрительными (56,2% против 65,9%). Сопоставление ответов на разные вопросы о доверии убеждает также в том, что выражение доверия большинству людей на отвлеченном, абстрактном уровне не обязательно обретает реальное воплощение в конкретных ситуациях. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что далеко не все респонденты, считающие, что большинству людей можно доверять, в действительности доверяют коллегам, с которыми они тесно связаны общей трудовой деятельностью.

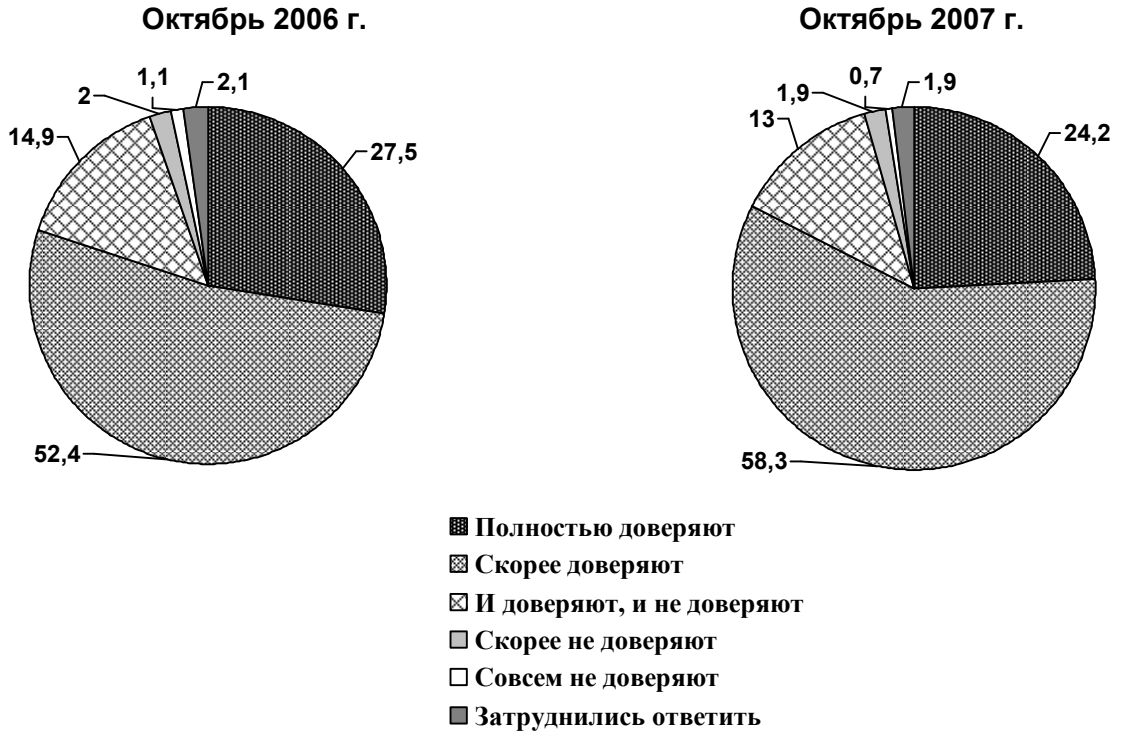

Рис. 22. **Уровень межличностного доверия в трудовых коллективах (%)**

[1] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 349—350.

Высокий уровень доверия между работниками характерен для трудовых коллективов различных типов и видов[1]. Хотя при этом были выявлены и некоторые различия. Как оказалось, тесные, доверительные отношения чаще складываются на государственных предприятиях, чем на предприятиях, владельцами или совладельцами которых являются иностранные фирмы, компании или иностранные частные лица, а также российские частные лица, коллективы предприятий или российские частные фирмы. Характерно, что на частных предприятиях, принадлежащих россиянам, самым низким оказался и показатель «полного доверия». Но в целом влияние формы собственности на уровень доверия в трудовом коллективе оказывается не особенно существенным. Что касается видов трудовых коллективов, то повышенный уровень доверия фиксируется в управленческих, научных, медицинских, сельскохозяйственных коллективах, а пониженный — в промышленных и творческих коллективах, но особенно в коллективах, объединяющих торговых работников. Но и здесь различия не особенно велики.

Выявленные различия выглядят вполне логичными, если принять во внимание, что традиции коллективизма, сохраняющиеся как бы по инерции на многих государственных предприятиях, предполагают более высокий уровень доверительности между сотрудниками, чем на предприятиях других типов. Анализ изложенных данных позволяет также предположить, что усилия, предпринимаемые на частных предприятиях по формированию новой корпоративной культуры, нормальной морально-психологической атмосферы, климата взаимного уважения и доверия не всегда служат достойным противовесом господствующим здесь нормам индивидуализма.

С одной стороны, под корпоративной культурой понимается определенная внутренняя атмосфера, социальный климат предприятия или организации. Она отражает доминирующие в корпорации обычаи, нравы и ожидания. Руководство компании использует корпоративную культуру для привлечения необходимых ей типов работников и для стимулирования определенных стилей поведения сотрудников. С другой стороны, корпоративная культура представляет собой некоторую систему убеждений, норм поведения, установок и ценностей, определяющих, как должны вести себя и работать люди в данной компании. Причем в каждой стране складывается свой собственный, сугубо индивидуальный набор бизнес-норм. И в этом смысле корпоративная культура выступает в качестве одного из факторов укрепления доверия в трудовых коллективах. Однако в настоящее время ее влияние на взаимоотношения между работниками на российских предприятиях выглядит не столь однозначно. В немалой степени это объясняется неразвитостью основных элементов российской корпоративной культуры, которая еще только приобретает свои специфические черты.

В целом на предприятиях и в организациях уровень доверия между работниками выше, чем между занятыми вне предприятий (у физических лиц), а также между занятыми в том сегменте неформального сектора, где трудовые отношения базируются преимущественно на привлечении случайных, непостоянных работников. В силу особенностей характера трудовой деятельности, низкой стабильности, невысокого качества работников, занятые вне предприятий и организаций довольно редко образуют общности, отличающиеся тесными и надежными, основанными на доверии и уважении связями.

Опираясь на результаты Российского мониторинга, со всей определенностью можно также утверждать, что уровень доверия между работниками выше в благополучных трудовых коллективах, где выше общая удовлетворенность трудом, а также удовлетворенность отдельными его сторонами, т.е. частных удовлетворенностей. Так, среди респондентов, полностью удовлетворенных своей работой, доля лиц, доверяющих товарищам по работе, в 1,3 раза больше, чем среди тех, кто совсем не удовлетворен трудом (соответственно 85% против 67%). Особенно впечатляющим оказывается этот разрыв, достигающий более 2,5 раз, в

[1] В основе выделения типов и видов трудовых коллективов лежат два разных критерия: форма собственности, на которой базируется деятельность соответствующего предприятия, и сфера его функционирования.

отношении лиц, полностью доверяющих своим коллегам. Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении удовлетворенности условиями и оплатой труда, возможностями профессионального роста.

Во многих благополучных коллективах строго соблюдается принцип дружественных взаимоотношений, что повышает сплоченность его членов и эффективность совместной работы. В таких коллективах, как правило, бывает меньше проблем в общении, реже возникают условия для недопонимания, напряженности, враждебности и недоверия. Члены высокосплоченных коллективов испытывают сильную тягу друг к другу и относятся к товарищам по работе с большим вниманием и уважением.

Характер взаимоотношений в трудовом коллективе в немалой степени определяется его составом — соотношением работников с разным уровнем образования и квалификации, руководителей и исполнителей, мужчин и женщин, молодежи, лиц среднего и пожилого возрастов и т.д. В этой связи представляет интерес тот факт, что в большей степени склонны доверять товарищам по работе люди старшего поколения (около 85% среди лиц возрасте старше 60 лет против 78% в других возрастных группах). Причем полностью доверяют своим сослуживцам или коллегам 31,4% респондентов в возрасте 51—60-лет и 44,4% опрошенных старше 60-летнего возраста, тогда как среди 31—50-летних таких около 26%, а среди самых молодых людей (до 30 лет) — только 22,6%. Обращает на себя внимание и тот факт, что чаще доверяют коллегам и сослуживцам люди, оформленные на работе официально (по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту), удовлетворенные своим материальным положением и жизнью в целом, позитивно оценивающие возможности достижения толерантных взаимоотношений между различными полярными группами населения.

Руководители крупных трудовых коллективов меньше доверяют коллегам или товарищам по работе, если, конечно, такие у них имеются, чем руководители низового звена. Подобное недоверие руководителей к своим сотрудникам стало причиной распространения такого явления, как семейственность в управлении компаниями и фирмами. С самого начала перехода к рынку многие предприниматели новой формации, не доверяя наемным служащим, строили свой бизнес исключительно на родственных и дружеских связях. И это несмотря на то, что значительная часть этих управленцев не имела даже законченного среднего образования. Другим, более поздним веянием в управленческой практике стало приглашение на ведущие должности специалистов с Запада, квалификация которых вызывает большие сомнения. Такие кадровые предпочтения не способствуют стремлению работников повышать свой профессиональный уровень, поскольку пробиться сквозь тесные ряды родственников и друзей человеку «со стороны» практически невозможно.

Фактором, снижающим уровень доверия к коллегам и сослуживцам, является перемена трудового коллектива, связанная со сменой места работы и/или профессии. Продвижение по служебной лестнице вверх, т.е. назначение на вышестоящую должность, как правило, не меняет отношения к товарищам по работе, тогда как переход на нижестоящую должность существенно его снижает.

Помимо взаимоотношений между сослуживцами, коллегами, товарищами по работе (по горизонтали), особого внимания заслуживают взаимоотношения между работниками и руководителями компаний, предприятий и организаций (по вертикали), что обусловлено глубокими изменениями в положении как работников, так и руководителей после перехода к рыночным отношениям. В то время, когда высшая администрация получила, по сути, безграничную власть и огромные возможности для улучшения своей жизни, рабочие и обычные специалисты потеряли даже то небольшое влияние, которым обладали прежде. Заметно снизился уровень их жизни, катастрофически увеличилось отставание в заработках от высшего звена, ухудшилось удовлетворение социальных нужд, заметно снизились требования к условиям труда. И в то же время усилилась угроза потери рабочего места.

Во многих социологических исследованиях отмечается также появление повышенной жесткости в отношении руководства предприятий к работникам[1]. Руководители крупных корпораций зачастую относятся к своим работникам не как к человеческому капиталу, а как к обычному рабочему материалу. Это относится даже к коллективам наиболее продвинутых частных компаний и организаций, основу которых составляют высококвалифицированные специалисты с высшим образованием. Как считают эксперты, повышенная жесткость руководства выражается, прежде всего, в безграничном и совершенно необоснованном расширении рабочих обязанностей специалистов и использовании командно-истерических методов руководства[2]. Чрезмерность рабочих обязанностей, имеющая следствием постоянные переработки и недостаток отдыха, приводит, в конечном счете, к массовым неврозам и росту заболеваемости персонала. А использование командно-истерических методов руководства создает агрессивный рабочий климат в коллективе, снижающий производительность труда и негативно отражающийся на здоровье персонала. Все это вместе взятое неизбежно приводит к экономическому ущербу.

Среди пострадавших от произвола руководителей больше всего офисных работников, которых именуют сегодня не иначе, как «новыми крепостными». В связи с этим не стоит удивляться, что одни из самых высоких показателей текучести кадров отмечаются в наиболее крупных частных компаниях. Многие сотрудники, соблазнившись непривычно высокими для России заработками и солидными социальными пакетами, не выдерживают огромного рабочего напряжения и тяжелого морально-психологического климата в крупных фирмах и нередко увольняются, не отработав даже одного месяца.

Принимая во внимание изложенные тенденции, несколько необычно выглядят показатели, демонстрирующие высокий уровень доверия опрошенных работников к руководителям компаний, предприятий и организаций, в которых они работают: доверяют 64,2% работающих респондентов, в том числе 17,4% — доверяют полностью. И это несмотря на наличие огромного проблемного поля, способного генерировать острые конфликты между работодателями и работниками в новых условиях, вопреки всем разговорам о причастности руководства предприятий и организаций, оказывающих решающее влияние на состояние производственных и непроизводственных процессов, к коррупции, о неспособности руководителей обеспечить своим работникам достойные заработки, постоянных задержках заработной платы на многих предприятиях, резко возросшей угрозе потери работы и других негативных явлениях, характерных для трансформационного периода.

По-видимому, дело здесь в том, что многие работники не осознают всей сложности своего положения в трудовом коллективе. Довольно высокий уровень доверия к руководителям предприятий объясняется также особенностями мотивации нынешних работников, для которой характерно преобладание установок на заработок при сохранении для большинства коллективистских ориентаций на труд, использование рабочего времени и взаимоотношения с товарищами по работе. Существует немало предприятий, где для взаимоотношений работников и работодателей стала типична ориентация не на противостояние, а на приспособление, на усиление консенсуального взаимодействия, на одном полюсе которого находится патернализм, а на другом — партнерство. В наибольшей степени это характерно для промышленных предприятий[3].

Взаимоотношения работников с руководством на предприятиях, различающихся по формам собственности, имеют свою специфику. На государственных предприятиях уровень доверия к руководству несколько выше, чем на предприятиях, владельцами или совладель-

---

[1] *Герчиков В.И.* Трансформация трудовых отношений в процессе приватизации промышленных предприятий // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С. 331.

[2] Новые известия. 2008. 25 марта.

[3] *Темницкий А.Л.* Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 26—37.

цами которых являются частные российские лица, коллективы предприятий или российские частные фирмы, а также иностранные фирмы или иностранные частные лица.

Продвижение вверх по служебной лестнице повышает доверие к руководству предприятия, но не существенно, тогда как понижение в должности снижает его более чем в полтора раза (рис. 23). В последнем случае удельный вес работников, доверяющих руководителям своих предприятий, уменьшается до 38,8%, что на 23,5% меньше среднего показателя, тогда как доля лиц, не доверяющих руководителям, возрастает до 32,3%, что почти на 20% выше среднего показателя. При этом руководители подразделений (бригад, отделов, цехов и т.п.) относятся к руководителям предприятий и организаций с большим доверием, чем простые работники (и специалисты, и рабочие). И характер этого отношения практически не зависит от ранга начальника подразделения, величины руководимого им коллектива. Некоторое снижение доверия к руководству отмечается также при горизонтальных перемещениях на уровне отдельных подразделений.

Рис. 23. **Зависимость уровня доверия к руководству предприятия от должностных перемещений, 2006 г. (в %)**

Значительное влияние оказывает на уровень доверия к руководству предприятий и организаций и такой фактор, как задержки или невыплаты заработной платы (рис. 24).

Рис. 24. **Зависимость уровня доверия к руководству предприятия от наличия задержек заработной платы, 2006 г. (в %)**

Среди работников, получающих зарплату полностью в установленные сроки, доля лиц, доверяющих руководителям своих предприятий и организаций, почти в 1,5 раза больше, чем среди тех, кому заработная плата выплачивается полностью или частично с задержками (соответственно 64,8 и 43%). Влияние срока задолженности начинает сказываться на уровне доверия к руководству предприятий при его увеличении до 3-х месяцев. При этом нельзя

пройти мимо того факта, что даже при наличии невыплат заработной платы огромное число работников продолжает доверять своим руководителям.

Эти данные можно интерпретировать так, что многие работники, достаточно часто сталкивающиеся с задержками или невыплатами заработной платы, свыклись с подобными ситуациями, не рассматривают их как нечто исключительное, необычное. Когда такие ситуации повторяются очень часто или становятся хроническими, на них вообще перестают обращать серьезное внимание. Часть работников, страдающих от задержек заработной платы, продолжает верить увещеваниям руководителей и представителей администраций предприятий, что невыплаты носят объективный характер или что это временное явление, вызванное уникальными обстоятельствами.

Еще больше, чем задержки заработной платы, подрывает доверие к руководству предприятий уменьшение зарплаты или принудительное, против воли работника, сокращение часов работы (работа по сокращенному графику или в режиме неполного рабочего дня), административные отпуска без выплаты зарплаты, которые, в конечном счете, также ведут к уменьшению заработков. Как следует из рисунка 25, в результате таких действий руководства доверие к нему падает более чем в два раза (с 64,8 до 30,8%).

Рис. 25. **Влияние уменьшения заработной платы на уровень доверия к руководству предприятия, 2006 г. (в %)**

Все вышесказанное убеждает в том, что, несмотря на колоссальные трудности трансформационного периода, углубление социальной дифференциации, усиление нетолерантности и разобщенности в обществе, трудовые коллективы сохранили достаточно высокий уровень внутригрупповой сплоченности и доверия. Доверие, являющееся важнейшим основанием и компонентом социального капитала, повышает адаптационные ресурсы трудового коллектива, расширяя социальные связи, способствуя повышению уверенности работников в своих силах, в своей способности противостоять неблагоприятным процессам кризисного периода.

2.4. Особенности предоставления социальных льгот и гарантий на предприятиях

За время радикальных реформ в социально-трудовой сфере произошли колоссальные перемены, одним из основных направлений которых стало преобразование в соответствии с новыми экономическими отношениями всей системы предоставления предприятиями и организациями социальных гарантий и льгот своим работникам. Вопросы, позволяющие анализировать соответствующие тенденции, включались в вопросники РМЭЗ с 2000 г.

Как свидетельствуют данные Российского мониторинга, подавляющее большинство работающих граждан заняты на предприятиях и в организациях, которые гарантируют своим работникам предусмотренную законом оплату ежегодных отпусков, больничных листов, от-

пусков по беременности, родам и по уходу за ребенком (табл. 30). Причем до 2005 г. количество таких работников только уменьшалось, но в дальнейшем немного увеличилось. Так, с 2004 г. по 2008 г. доля работников, которым обеспечивалась оплата ежегодного отпуска по основному месту работы, увеличилась с 86,1 до 90%; оплата больничных листов — с 83,7 до 87,8%. В целом указанные гарантии немного чаще обеспечивались женщинам, сельчанам и жителям небольших городов, работникам среднего возраста. Удельный вес женщин, которые имели возможность воспользоваться на своей работе оплачиваемым отпуском по беременности, родам и по уходу за ребенком до 3-х лет, за этот же период увеличился с 75,8 до 77,6%.

Несмотря на эти изменения, отказ работодателя от оплаты отпуска или больничных листов относится к наиболее распространенным формам нарушений трудового законодательства наряду с приемом на работу по устной договоренности, сокрытием от налогообложения части или всего заработка и нередко приводит к увольнению с работы. Эти законные гарантии зачастую предоставляются формально. Желание работника воспользоваться ими не только не приветствуется администрацией предприятий, но и всячески осуждается. Чаще всего с таким отношением сталкиваются женщины, особенно с маленькими детьми, поскольку в основном женщины пользуются льготами, предназначенными для всех лиц с семейными обязанностями.

Таблица 30

Предоставление социальных льгот работникам предприятий и организаций на основной работе (в %)

Льготы	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Оплата очередных отпусков	91,2	89,6	89,9	88,4	86,1	88,0	88,2	90,7	90,0
Оплата больничных листов	91,1	88,7	88,0	86,5	83,7	85,5	84,8	87,8	87,8
Оплата отпуска по беременности, родам, по уходу за ребенком до 3-х лет	89,1	82,6	83,8	81,2	75,8	76,8	76,2	79,7	77,6
Бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях	37,7	42,8	38,4	31,6	25,5	25,7	25,8	26,6	20,7
Полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	44,2	52,7	49,2	36,5	30,1	28,9	31,2	32,3	25,8
Бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	13,5	16,9	14,2	8,4	6,6	5,3	6,0	5,2	4,5
Бесплатное или льготное питание, оплата питания	14,9	18,3	16,6	14,5	12,8	11,9	14,2	13,4	10,7
Дотации на транспорт, оплата проездных	14,4	17,4	16,7	14,4	12,7	11,6	12,0	10,9	12,6
Обучение за счет предприятия	20,7	28,5	28,7	24,2	23,6	21,3	24,6	25,9	22,7
Предоставление ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья, скидок на строительные материалы	14,0	22,5	20,6	14,9	11,4	10,2	10,0	8,5	5,9
Оплата арендуемого жилья	—	—	—	—	1,5	1,9	2,2	1,9	1,8

Существенно упала за последние годы значимость социальных льгот, не являющихся обязательными с точки зрения закона, но традиционно имеющих широкое распространение на отечественных предприятиях. Так, доля работников, обеспеченных бесплатным лечением

в ведомственных медицинских учреждениях, полной или частичной оплатой предприятием лечения в других медицинских учреждениях, интенсивно снижавшаяся до 2005 г., затем стабилизировалась на уровне 26—27%. Но в 2008 г. она вновь резко сократилась до 20,7%. Подобное снижение отмечено также в отношении работников, которым предоставляется полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря. В 2008 г. в сравнении с 2007 г. их доля сократилась с 32,3 до 25,8%, т.е. на 6,5 %. За последний год значительно уменьшилась также доля работников, имеющих возможность проходить обучение за счет предприятия: с 25,9 до 22,7%, т.е. на 3,2 процентных пункта.

Примерно каждый шестой работник в 2008 г. получал от своего предприятия или от своей организации дотации на транспорт или пользовался оплатой проездных, а каждый девятый имел возможность получать бесплатное, льготное питание или его оплату. При этом доля лиц, пользовавшихся транспортными льготами, монотонно снижавшаяся в период с 2001 г. по 2005 г., в дальнейшем колебалась в пределах 10,9—12,6%. Что касается работников, пользовавшихся льготами на питание, то их доля после резкого скачка в 2006 г. с 11,9 до 14,2% в дальнейшем пошла на спад и составила в 2008 г. 10,7%.

Но наиболее последовательно предприятия и организации отказывались от предоставления своим сотрудникам таких льгот, как ссуды, кредиты для строительства или ремонта жилья, скидки на строительные материалы, а также бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях. Так, за 2001—2008 гг. доли работников, пользовавшихся этими льготами, сократились примерно одинаково — почти в 4 раза (соответственно с 22,5 до 5,9% и с 16,9 до 4,5%). И, наконец, наименее распространенной льготой в анализируемый период была оплата предприятиями или организациями арендуемого жилья своим сотрудникам. Это льготой могли пользоваться приблизительно 1,5—2% работников.

Помимо рассмотренных появилось немало и других социальных льгот, которые могут включаться в социальный пакет. Это возможность покупки жилья в рассрочку, предоставление служебного автомобиля, оплата занятий для укрепления здоровья, бесплатная мобильная связь, оплата различных корпоративных мероприятий и многое другое. В сельской местности широко практикуется оказание различных видов помощи в ведении личного подсобного хозяйства и оказание социальных услуг по сниженным тарифам. Но эти льготы еще не получили широкого распространения.

Наполнение социального пакета зависит от многих обстоятельств, в том числе от ценности тех или иных социальных благ для самих сотрудников. Воспринимаемая ценность дополнительных льгот, в свою очередь, определяется такими факторами, как пол, возраст, место жительства, семейное положение, размер семьи, размер дохода и т.д. Анализ зависимости практики оказания предприятиями социальных услуг своим сотрудникам от различных факторов показывает, что горожане гораздо чаще пользуются дополнительными льготами на своей основной работе, чем лица, проживающие в сельской местности или небольших поселках. Хотя нельзя не заметить, что эти различия определяются не только разной ценностью социальных благ для горожан и сельчан, но и не одинаковыми возможностями городских и сельских предприятий по оказанию своим работникам дополнительных социальных услуг. Больше всего шансов воспользоваться дополнительными льготами на основной работе у жителей небольших и средних городов. Лицам, проживающим в областных центрах, более доступны, чем в других городах, только социальные услуги в виде бесплатного или льготного питания.

Мужчины чаще, чем женщины, получают дотации на транспорт, оплачиваемые проездные, а также ссуды и кредиты. Если молодым работникам предоставляется приоритетная возможность пройти обучение за счет предприятия, ссуды и кредиты для строительства или ремонта жилья, то пожилым людям — бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях или оплата лечения в других медицинских учреждениях. У лиц, состоящих в браке, значительно больше шансов воспользоваться оплатой ежегодных отпусков и боль-

ничных листов, лечения в медицинских учреждениях и путевок в санатории, дома отдыха, на турбазы. Работники с высокими доходам немного реже пользуются оплатой больничных листов, но чаще могут проходить обучение за счет предприятия, получать ссуды и кредиты. Но в целом видимые различия между группами респондентов с разными доходами с позиции оказания предприятиями социальных услуг своим работникам незначительные. Примерно в равном положении с этой точки зрения находятся и респонденты, принадлежащие к различным социальным слоям. Однако здесь необходимо иметь в виду, что за одинаковыми количественными показателями могут скрываться огромные различия в качестве социальных услуг. Как правило, люди, занимающие верхние ступени в социальной иерархии, пользуются более качественными и дорогостоящими туристическими путевками, медицинским обслуживанием, санаторно-курортным лечением и другими социальными услугами. Причем эти услуги предоставляются им регулярно, а не от случая к случаю, как большинству работников, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы.

Известно, что часть граждан занята не только на основной, но и на дополнительной работе, где также может рассчитывать на определенные гарантии и льготы. Прежде всего это относится к тем, кто работает по совместительству, т.е. выполняет другую регулярную оплачиваемую работу на условиях трудового договора в свободное от основной работы время. Согласно трудовому законодательству, таким работникам в полном объеме предоставляются практически все гарантии и компенсации, предусмотренные законами и иными нормативными правовыми актами. В более сложном положении находятся работники, занятые на дополнительной работе на других основаниях — временно, без оформления трудового договора и т.п., которые составляют большинство. Особо следует выделить лиц, сочетающих занятие частным бизнесом с работой по найму в государственном секторе. К ним относятся, например, частнопрактикующие врачи, занятые частным бизнесом преподаватели государственных учебных заведений и т.д. Сохранение работы по найму на государственных предприятиях не только позволяет таким работникам застраховаться от различных случайностей, но и гарантирует им предусмотренные законом льготы и некоторые другие социальные блага, от которых у них нет желания отказываться. В таком контексте становятся понятнее сведения о предоставлении работникам социальных гарантий и льгот на дополнительной работе. Так, согласно данным РМЭЗ, только около половины вторично занятых имеют возможность пользоваться социальными гарантиями, предусмотренными законами.

Данные РМЭЗ показывают, что обязательства по обеспечению своим сотрудникам установленных законом социальных гарантий выполняют практически все государственные предприятия и организации. При этом интенсивное сокращение многих социальных льгот на предприятиях государственного сектора, которое наблюдалось в начале первого десятилетия нового века, после 2006 г. замедлилось или остановилось, а по некоторым направлениям был отмечен даже небольшой рост. Обращает на себя внимание, в частности, повышение доли работников государственных предприятий, имеющих возможность проходить обучение за счет предприятия (с 26,5% в 2006 г. до 30,4% в 2008 г.), пользоваться льготами по санаторно-курортному лечению и отдыху (соответственно с 34,4 до 38,6%).

Руководство частных предприятий менее ответственно подходит к выполнению обязательств по обеспечению своим сотрудникам установленных законом социальных гарантий (табл. 31). Хотя справедливости ради надо заметить, что если государственные предприятия наиболее последовательны в обеспечении своим работникам социальных гарантий, предписанных законом, то предприятия, владельцами или совладельцами которых являются иностранные фирмы или иностранные частные лица, больше внимания уделяют наполнению социального пакета дополнительными социальными льготами, стимулирующими добросовестный и производительный труд, привязанность к компании, помогающими формировать ощущение сопричастности к ее делам.

Таблица 31

Различия в предоставлении социальных льгот работникам предприятий и организаций по основному месту работы в зависимости от их формы собственности (в %)

Льготы	Государственный сектор			Частный сектор			С иностранным участием		
	2000 г.	2006 г.	2008 г.	2000 г.	2006 г.	2008 г.	2000 г.	2006 г.	2008 г.
Оплата очередных отпусков	97,1	96,6	98,9	74,7	75,0	83,0	91,8	95,2	92,5
Оплата больничных листов	97,3	94,9	98,7	73,6	67,3	79,2	90,3	94,7	89,5
Оплата отпуска по беременности, родам, по уходу за ребенком до 3-х лет	95,6	82,2	90,9	65,2	50,4	66,1	79,6	82,2	81,4
Бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях	40,5	29,5	29,0	23,0	14,9	14,3	58,4	39,2	31,0
Полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	48,3	34,4	38,6	25,2	17,4	16,5	59,8	47,5	32,8
Бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	15,0	7,6	7,3	6,2	2,2	2,1	14,8	8,5	2,5
Бесплатное или льготное питание, оплата питания	12,9	12,8	10,4	15,4	14,3	11,6	25,8	18,8	25,8
Дотации на транспорт, оплата проездных	18,5	13,5	14,0	7,3	8,6	11,9	11,9	16,1	20,8
Обучение за счет предприятия	22,9	26,5	30,4	12,9	15,8	17,3	33,6	34,2	34,4
Предоставление ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья, скидок на строительные материалы	11,7	8,1	6,8	12,3	8,9	5,7	32,0	16,6	13,7
Оплата арендуемого жилья	—	2,9	2,4	—	4,4	1,3	—	1,5	4,0

В большинстве иностранных компаний, работающих на российском рынке, практикуются западные подходы к персоналу на всех уровнях — начиная от требований и заканчивая корпоративными обязательствами самой компании. Их несомненным преимуществом является полный социальный пакет для всего персонала, являющийся составной частью любой постоянной работы. Дополнительные льготы, которые раньше называли «мелкими привилегиями» (fringe benefits), составляют значительную часть пакета вознаграждений, выплачиваемых западными корпорациями. Помимо оплаты ежегодных отпусков, больничных листов, страхования здоровья и жизни они оказывают своим сотрудникам такие дополнительные услуги, как оплата содержания детей в дошкольных и других детских учреждениях, ссуды с пониженной процентной ставкой на обучение детей сотрудников, творческие отпуска, субсидируемые предприятием пункты питания, оплачиваемые юридические услуги, программы физического оздоровления и т.д. Хотя при этом стоит обратить внимание на значительное сокращение за 2000—2008 гг. удельного веса работников данных предприятий, которые могли пользоваться льготами по медицинскому обеспечению (с 58,4 до 31%), санаторно-курортному лечению и отдыху (с 59,8 до 32,8%), содержанию детей в дошкольных учреждениях (с 14,8 до 2,5%), предоставлению ссуд и кредитов для строительства или ремонта жилья (с 32 до 13,7%). Последовательный рост был отмечен только в отношении транспортных льгот (с 11,9 до 20,8%).

Но в целом предлагаемые иностранными компаниями социальные пакеты привлекательны для постсоветских людей, чье сознание сформировано патерналистской моделью отношений между работником и предприятием. Эта генетическая тоска по бесплатной медицине и прочим социальным гарантиям и льготам, которые государство не могло полностью обеспечить даже в самые лучшие времена, сильна до сих пор, несмотря на то, что она, казалось бы, плохо согласуется с рыночными отношениями, моделью поведения, характерной для человека, основным занятием которого является предпринимательская деятельность. Ощущение, что мощная западня корпорация не бросит в беде, при прочих равных условиях, становится одним из основных аргументов выбора россиянами иностранной компании в качестве основного места работы.

В первую очередь социальный пакет необходим сотрудникам со скромными доходами, безусловным приоритетом у которых является гарантированная занятость и уверенность в завтрашнем дне. Эта категория работников чаще представлена людьми, занятыми в бюджетных организациях, на государственных и муниципальных предприятиях, которые в определенной степени воплощают идеал стабильного, зависимого от руководства предприятия работника. Те, кто ориентированы на высокий заработок и независимость, существенно меньше ощущают дефицит социальных гарантий и льгот, поскольку стараются решать подобные проблемы самостоятельно, не ожидая серьезной помощи от государства или руководства предприятий. Их ориентация на высокий заработок и самостоятельность опирается на хорошо развитые образовательно-квалификационные и социально-экономические индивидуальные ресурсы.

Что касается предприятий и организаций, собственниками которых являются российские частные лица или фирмы, то они менее всего склонны не только выполнять обязательства по обеспечению своим сотрудникам законных гарантий, но и оказывать им другие социальные услуги. На многих частных предприятиях предпочтение отдается выплате более высокой заработной платы, позволяющей работникам самостоятельно решать возникающие социальные проблемы, приобретать необходимые социальные блага. Это совпадает с интересами многих работников, которые в условиях нестабильности и неопределенности проявляют стремление к максимизации сегодняшнего заработка. Часть руководителей частных предприятий убеждены, что предоставляя работнику определенный перечень услуг, компания тем самым навязывает ему свою волю, ограничивая самостоятельный выбор. Но поскольку у каждого человека своя, индивидуальная шкала ценностей, окончательный выбор должен оставаться за работником, а не за предприятием. Предоставление одинаковых социальных благ всем сотрудникам, без учета предпочтений и вкусов отдельно взятого человека, может даже вызывать у части работников нервозность, поскольку не соответствует их представлениям о комфорте. Исходя из этой логики, взаимовыгодным для сторон считается обеспечение всем работникам финансовой возможности оплачивать необходимые им социальные блага.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в 2008 г. в сравнении с 2006 г. удельный вес работников частных предприятий, которым обеспечивается оплата очередных отпусков, вырос с 75 до 83%; оплата больничных листов — с 67,3 до 79,2%. После 2006 г. продолжилось нарастание количества работников, получивших возможность пользоваться дотациями на транспорт, оплачиваемыми проездными, а также проходить обучение за счет предприятия. За 2000—2006 гг. их доли выросли соответственно с 7,3 до 11,9% и с 12,9 до 17,3%. Но одновременно продолжилось сокращение удельного веса работников частных предприятий, которым предоставлялось бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях (с 23 % в 2000 г. до 14,3% в 2008 г.); полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха и т.п. (соответственно с 25,2 до 16,5%); бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях (с 6,2 до 2,1%); бесплатное или льготное питание (с 15,4 до 11,6%); предоставление ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья, скидок на строительные материалы (с 12,3 до 5,7%).

Рассматривая изложенные данные, следует иметь в виду, что неоднородность частных предприятий очень велика. Среди них встречается немало успешных компаний, которые выполняют все обязательства по обеспечению законных прав работников и, кроме того, проявляют заботу о наполнении социального пакета разнообразными дополнительными льготами, причем самого высокого качества. В отличие от большинства государственных предприятий и организаций, такие частные компании способны полностью или частично оплатить своим сотрудникам туристические путевки в другие страны, санаторное лечение, обучение в престижных учебных заведениях и на профессиональных курсах, покупку или аренду качественного жилья, приобретение дорогого автомобиля и т.п.

При наполнении социального пакета каждая компания выделяет свои приоритеты в заботе о сотрудниках, по-разному используя свои ресурсы. Так, если в одних компаниях дополнительные льготы предоставляются всем сотрудникам одного уровня на равных основаниях, то в других — только лучшим в виде поощрения. Для учета разносторонних потребностей и интересов работников используются гибкие схемы оказания дополнительных социальных услуг, обеспечивающие право выбора. Учитывая, что люди больше ценят то, что купили за свои деньги, нередко предусматривается частичная оплата дополнительных услуг. На некоторых крупных предприятиях наиболее ценным сотрудникам разрешается в определенных пределах самим наполнить пакет социальными льготами, которые их больше всего устраивают.

Считается, что социальный пакет полезен тогда, когда средняя заработная плата на предприятии достигла определенной планки, при которой работники уже чувствуют себя социально защищенными. В подобной ситуации дальнейший рост зарплаты оказывается неэффективным, поскольку очередное повышение окладов воспринимается как должное и не стимулирует рост производительности труда. Кроме того, работник может отдать предпочтение и невысокой заработной плате в сочетании с возможностью пользоваться надежными социальными гарантиями или престижными материальными благами. Во многом по этим причинам в крупных компаниях существуют гибкие системы социальных гарантий и льгот, основанные на коллективных и индивидуальных договорах. Менеджменту выгодно обеспечивать своих работников всем необходимым для реализации амбициозных стратегических целей и задач. В данном случае социальный пакет выполняет роль дополнительного инструмента, обеспечивающего высокую привлекательность трудовой деятельности на конкретном рабочем месте. В соответствии с традиционными подходами, содержащиеся в пакете социальные льготы можно рассматривать в качестве конкретных материальных стимулов, регулирующих трудовое поведение.

Проведенный анализ показывает, что существуют разнообразные варианты предоставления предприятиями и организациями социальных гарантий и льгот своим сотрудникам. Но все они укладываются в русла двух социальных стратегий — инновационной и патерналистской, которые сформировались в процессе развития рыночной экономики. Первые осуществляются на тех предприятиях, где социальная сфера адекватно реагировала на рыночные импульсы, своевременно подстраиваясь к изменениям, происходящим в экономике. На таких предприятиях используются гибкие, в том числе дифференцированные и адресные схемы социальных льгот, активно внедряются новые виды дополнительных услуг. Ассортимент предоставляемых дополнительных социальных благ здесь значительно расширился по размаху и спектру услуг. Реализация инновационной социальной политики требует значительных вложений, но со временем она сама начинает приносить предприятию новые ресурсы. Патерналистские варианты основываются на традиционных подходах, предполагающих сохранение равного, как это было в советское время, уровня социальных гарантий для всех категорий работников. В последние годы этот уровень в силу известных трудностей оказывается невысоким, соответствующим базовым интересам сравнительно небольшой части работников. Обычно такая приверженность патернализму маскирует стремление сохранить прежнюю централизованную систему распределения ресурсов.

Наибольшими возможностями по оказанию работникам социальных услуг располагают крупные корпорации. Причем многие из них проявляют заботу не только о своих работни-

ках, но и о других людях, проживающих на прилегающих к предприятиям территориях. Это относится в основном к градообразующим корпорациям и компаниям, которые обеспечивают работой значительную часть населения этих территорий. При переходе к рыночной экономике большинство так называемых моногородов пережили сильнейших кризис, но смогли устоять в сложных условиях, потеряв значительную часть занятых и получив новых собственников. Монопрофильные города ряда отраслей стали экономической основой своих регионов, поскольку их продукция оказалась востребованной мировым рынком (металлургия, целлюлозное производство, минеральные удобрения и некоторые другие). Большинство из них составляют города с предприятиями, принадлежащими крупным частным компаниям или естественным монополиям.

В отличие от большинства предприятий, которые устранились от решения социальных проблем своих работников и их семей, передав свой жилой фонд, медицинские учреждения, культурные и спортивные объекты, предприятия торговли в ведение муниципалитетов, многие крупные корпорации не только не отказались от поддержки сферы социального обеспечения предприятий, но и повысили качество социальных услуг. Значительная часть таких корпораций сосредоточена в нефтегазовой промышленности, черной и цветной металлургии и некоторых других отраслях. Сферой услуг этих корпораций пользуются практически все жители близлежащих территорий. Учителя, врачи и некоторые другие категории населения получают от них различные льготы и дополнительные выплаты, которые помогают сократить разрыв в оплате труда и социальном обслуживании между различными группами и слоями населения, что способствует сглаживанию социального неравенства и снижению уровня социальной напряженности в регионах[1].

Конечно, далеко не все крупные компании стремились повысить качество населения с помощью специальных социальных программ и стимулировать развитие региональной экономики, чтобы сгладить неизбежные для моногородов конъюнктурные колебания цен на их продукцию. В ряде городов с низкомобильным населением крупный бизнес воспроизводил прежнюю советскую систему содержания социальной сферы. Еще более сложной была ситуация в городах с менее привлекательными активами. Здесь бизнес выжимал последнее из предприятий, не заботясь о будущем таких городов. Ситуация в моногородах во многом зависит от региональной специфики. Так, в богатом Ханты-Мансийском автономном округе социальные перспективы моногородов существенно лучше, тогда как во многих индустриальных городах Урала и Сибири социальная среда и качество населения неблагополучны.

По данным Министерства регионального развития, накануне кризиса в России существовало более 400 моногородов, экономика которых создавала до 40% ВВП страны. И это позволяло жителям таких городов, где проживала четверть населения Российской Федерации, существовать в более благоприятных условиях. Однако с началом экономического кризиса положение многих моногородов существенно изменилось. Именно в этих городах очень остро стала ощущаться проблема безработицы. В наихудшем положении оказались территории, где концентрация моногородов самая высокая и где сосредоточены машиностроительные и металлургические предприятия

Значительным потенциалом в области предоставления работникам дополнительных социальных услуг обладают также компании среднего бизнеса, сформировавшиеся в период рыночных реформ. Большинство этих предприятий, создававшихся с нуля, прошли все стадии развития от кооперативов до крупных холдингов. Эти компании, отличающиеся динамизмом и высокой степенью выживаемости, поскольку появились в новых условиях, способны вкладывать значительные средства в развитие сферы социальных услуг. Но, как уже отмечалось, многие из них не видят в этом необходимости. Что касается предприятий, образующих сферу малого бизнеса, то они в большей мере озабочены преодолением административных барьеров, уклонением от поборов чиновников, высокими платежами за аренду помещений и коммунальные услуги, которые не позволяют им расти и развиваться.

---

[1] *Перегудов С.П.* Социальная ответственность бизнеса: возможности и пределы // Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики / Под ред. Ю.А. Красина. М.: Горбачев-Фонд, 2004. С. 61—71.

Отмечаются существенные различия в предоставлении предприятиями и организациями социальных гарантий и льгот своим работникам в зависимости от профессиональной структуры занятости. Из таблицы 32 видно, что гарантии, предписанные законом, реже всего обеспечиваются в отношении занятых в сфере обслуживания и квалифицированных работников сельского хозяйства и рыбной промышленности. Но при этом последние имеют возможность чаще других пользоваться такими традиционными социальными льготами, как бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях (36,8%); полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря (31,6%); бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях (11,1%). Примечательно, что работники данной категории могут чаще других рассчитывать и на иные социальные льготы. Вместе с тем нельзя не отметить, что рассматривать изложенные данные можно только как ориентировочные в силу малочисленности группы «квалифицированные сельскохозяйственные работники и работники рыбной промышленности» среди респондентов.

Таблица 32

Различия в предоставлении социальных льгот работникам предприятий и организаций на основной работе в зависимости от профессиональной структуры, 2008 г. (в %)

Льготы	Законодатели, крупные чиновники, управляющие	Профессионалы с высшим образованием	Профессионалы со средним специальным образованием	Служащие конторские и по обслуживанию клиентов	Занятые в сфере обслуживания	Квалифицированные с/х работники и работники рыбной промышленности	Ремесленники	Промышленные рабочие	Разнорабочие
Оплата очередных отпусков	90,3	97,2	92,3	95,7	77,5	78,9	89,7	90,2	84,3
Оплата больничных листов	88,6	96,7	91,1	91,9	71,9	78,9	85,7	89,1	81,7
Оплата отпуска по беременности, родам, по уходу за ребенком до 3-х лет	74,4	88,9	83,4	86,3	63,4	66,7	72,7	75,9	68,3
Бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях	19,0	23,4	24,3	20,3	18,3	36,8	20,1	19,8	11,8
Полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	25,7	33,6	28,8	26,0	16,0	31,6	24,1	25,4	15,5
Бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	2,7	6,0	4,8	4,9	3,2	11,1	2,7	4,3	2,7
Бесплатное или льготное питание, оплата питания	6,5	9,0	10,1	14,0	12,9	15,8	12,5	11,6	8,2
Дотации на транспорт, оплата проездных	13,5	12,4	13,4	16,3	8,9	21,1	14,5	13,9	6,9
Обучение за счет предприятия	24,0	33,9	26,2	20,7	17,0	31,6	18,7	21,5	9,8
Предоставление ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья, скидок на строительные материалы	6,6	6,2	7,2	5,4	2,6	10,5	8,0	6,7	3,4
Оплата арендуемого жилья	4,3	1,9	2,1	1,7	1,2	0,0	2,2	1,3	0,8

Обращает на себя внимание высокий удельный вес лиц, пользующихся отдельными льготами, среди профессионалов с высшим образованием — льготными путевками в санатории, дома отдыха, на турбазы и т.д. (33,6%), обучением в учреждениях профессионального образования, на курсах повышения квалификации за счет предприятия или организации (33,9%). Примечательно, что законодатели, крупные чиновники, управляющие разного уровня реже пользуются большинством социальных льгот, чем профессионалы с высшим и средним специальным образованием. При этом реже других могут пользоваться всеми дополнительными (традиционными и относительно новыми) льготами неквалифицированные рабочие.

В целом особо ценные для производства специалисты, работники высокой квалификации имеют приоритетные возможности получать от своего предприятия различные виды социальной помощи, услуг и благ. Руководители (представители органов управления всех уровней) в этом плане уступают им по ряду позиций, но по некоторым превосходят. При этом так же, как и в дореформенный период, дополнительные социальные услуги и блага в большей степени получают руководители высшего и среднего звеньев.

Результаты РМЭЗ еще раз убеждают, что дополнительные социальные льготы не является весомым фактором, привязывающим работника к своему рабочему месту. Различия между желающими сохранить работу и желающими найти новую работу по уровню обеспеченности социальными льготами со стороны работодателей в настоящее время небольшие. Более или менее существенные различия фиксируются только в отношении социальных гарантий, закрепленных законом. Эти данные в определенной мере отражают стремление той части работников, которые лишены предписанных законом гарантий, к изменению своего дискриминационного положения, их ориентированность на перемещение в область трудовых отношений, находящейся в рамках правового пространства. Схожие тенденции характеризуют взаимосвязи между обеспокоенностью респондентов возможностью потери работы и значениями уровня обеспечения социальных гарантий и льгот работникам со стороны работодателей. Существует прямая, но довольно умеренная взаимосвязь между наличием возможности пользоваться социальными льготами на предприятии и общей удовлетворенностью работой. Такая взаимосвязь прослеживается очень четко в отношении всех льгот, исключая социальные гарантии, закрепленные законом.

Наиболее высокий уровень общей и частных удовлетворенностей трудом фиксируется в группах респондентов, обладающих возможностью пользоваться новыми льготами. В этих группах отмечается также повышенный уровень удовлетворенности респондентов своей жизнью. Одним из объяснений этого является то, что инновационные льготы предоставляют своим сотрудникам более успешные предприятия, финансово-экономическое состояние которых позволяет обеспечить им более или менее достойный уровень жизни. Не случайно работники, на которых распространяются инновационные социальные льготы, меньше других обеспокоены тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшее время. В то же время среди работников, пользующихся законными гарантиями, эта обеспокоенность выше, чем среди тех, кто не может пользоваться ими.

Проведенный анализ ориентирует на повышение внимания, с одной стороны, к обеспечению социально-экономических прав российских граждан и сокращению неправовых практик в сфере труда, усилению правовой защиты работников в трудовых отношениях и укреплению системы контроля за выполнением трудового законодательства, с другой стороны — к созданию благоприятных условий для перехода от патерналистской к партнерской модели взаимоотношений в сфере труда, развитию договорного регулирования трудовых отношений, становлению эффективных механизмов вознаграждения работников, включая развитие традиционных и формирование новых схем предоставления дополнительных социальных льгот на предприятиях с учетом особенностей различных категорий работников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий бюллетень выходит из печати через полтора года после выхода первого, посвященного анализу динамики социально-экономического положения населения России. За это время в стране произошли огромные изменения, вызванные глобальным экономическим кризисом. Хотя нельзя сказать, что сам кризис и его последствия стали для россиян неожиданными, обращение к проблемам, представленным в бюллетене, сегодня чрезвычайно важно, поскольку в обществе очень остро ощущается дефицит понимания того, что произошло и происходит в социально-экономической сфере.

Одной из характерных особенностей последних лет, непосредственно предшествующих кризису, был динамичный рост доходов населения, который ощущался на всей территории России. Положительная динамика доходов базировалась главным образом на росте заработной платы и государственных трансфертных платежей. Одновременно с ростом доходов повысилась потребительская активность населения. К позитивным тенденциям следует отнести дальнейшее сокращение невыплат заработной платы, повышение пенсий и социальных пособий. Но учитывая, что в конце анализируемого периода в России начали очень четко проявляться первые признаки надвигающегося экономического кризиса, следует относиться к отмеченным тенденциям осторожно, с учетом нового опыта, приобретенного в 2009 г. в условиях обострения кризисных явлений. Экономический кризис, с которым столкнулась страна, не мог не повлиять на проявление этих тенденций. Это тем более важно, что в предкризисный период наряду с позитивными переменами получили развитие и негативные процессы.

Говоря о росте доходов и расходов населения, необходимо иметь в виду, что рост заработков зачастую не поспевал за ростом цен, прежде всего на продукты питания, что особенно негативно сказывалось на положении домохозяйств с низкими доходами. Такие тенденции очень четко наблюдались в 2007—2008 гг., когда стоимость минимальной корзины продуктов питания росла со значительным опережением общего уровня инфляции. Одной из наиболее заметных и важных тенденций последнего периода стало усиление социального расслоения общества, в основе которого лежало дальнейшее углубление различий в уровне доходов разных групп населения. Колоссальная социальная дифференциация, разделившая людей по социальному положению, уровню материального благосостояния, качеству жизни, в то же время разобщила людей, разъединила и отдалила их друг от друга. Сохранились огромные региональные различия в уровне жизни семей, что связано с наличием региональных диспропорций в уровне социально-экономического развития, обеспеченности населения элементами производственной и социальной инфраструктуры. Региональная специфика создала дополнительные трудности в противодействии нарастанию экономического кризиса. В условиях обострения всех кризисных явлений количество регионов-доноров начало сокращаться, а пропасть между богатыми и бедными регионами увеличиваться.

Сдвиги в объективной реальности, связанные с началом глобального экономического кризиса, по-разному отразились на сознании и поведении различных групп и слоев населения. Это влияние отнюдь не исчерпывалось непосредственным воздействием изменений в окружающей действительности. Перемены в сознании и поведении тех или иных групп россиян были обусловлены как новыми особенностями объективной действительности, непосредственно связанными с началом экономического кризиса, так и происходящими под их влиянием сдвигами в восприятии этой действительности.

С одной стороны, общее ощущение экономического кризиса и пессимистический фон, создаваемый средствами массовой информации, судя по результатам РМЭЗ, практически не повлияли на уровень удовлетворенности россиян своей жизнью и материальным положением. В оценках текущих перемен по-прежнему преобладали оптимистические тона, довольно четко проявлялось усиление уверенности в собственных силах, сохранение высокого уровня доверия в семьях и трудовых коллективах. Разворачивающиеся события существенно не

сказались на многих других важных социальных индикаторах, что свидетельствовало о наличии солидного запаса социальных ресурсов. Накопленные в предшествующие годы ресурсы создавали определенный запас прочности, препятствующий распространению панических настроений и дестабилизации социальной ситуации. Несмотря на появление все более четких признаков начала экономического кризиса, россияне не были склонны драматизировать ситуацию. Но, с другой стороны, на фоне динамично развивающихся событий начальной фазы экономического кризиса отмечалось ухудшение баланса позитивных и негативных оценок угрозы потери работы, уверенности в способности повторного трудоустройства в случае увольнения, а также оценок личных и семейных жизненных перспектив. Угроза безработицы, боязнь дальнейшего усиления кризиса в отдельных группах населения росли гораздо быстрее, чем набирали силу кризисные явления. Весьма распространенным было своеобразное пограничное состояние — еще не реальное ощущение надвигающейся угрозы, но уже и не прежнее внутреннее равновесие.

В целом для мироощущения российских граждан была характерна высокая степень противоречивости. Росту позитивных настроений противостояло ощущение непредсказуемости развития событий. Противостояние этих противоположных по своей сути тенденций во многом определяло особенности социального самочувствия населения.

Безусловно, осенью 2008 г. существовало множество проблем, связанных с экономическим кризисом, которые граждане только начинали осознавать, не понимая как к ним относиться. Но непосредственно отреагировали на происходящие события не более 10% граждан. Основная масса населения не воспринимала всерьез первые проявления кризиса или рассчитывала, что кризис их не коснется. Хотя при этом нельзя не заметить, что поскольку реакция на первые проявления глобального экономического кризиса в России фиксировалась по косвенным признакам, можно предположить, что она была более значительной. Наметившееся снижение социального оптимизма было стимулировано не столько реальным ухудшением условий жизни, сколько возникавшим постепенно неясным образом будущего, осознанием неизбежности нарастания кризисных тенденций, затрагивающих различные стороны общественной жизни. Что касается объективной остроты новых противоречий, тягот и неудобств, то они значительно ослаблялись их привычностью, наличием у большей части населения умений и навыков преодоления жизненных трудностей, опыта нейтрализации возникающих опасностей, накопленного в периоды радикальных трансформаций 1990-х годов и предыдущего финансово-экономического кризиса.